

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ



НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
журнал

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL № 1 (21) 2016

ISSN 2079-6617 (print) ISSN 2309-9828 (online)



www.npsyj.ru

Номo technologies в контексте
информационных технологий

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№1 (21) 2016
NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2016, no. 1**

УЧРЕДИТЕЛЬ / ИЗДАТЕЛЬ

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова.

Факультет психологии
www.psy.msu.ru

Издается при поддержке

**Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество»** (<http://рпо.рф>)
и **Европейской федерации психологических
ассоциаций – EFPA**

Главный редактор

Ю.П. Зинченко

Заместитель главного редактора

О.А. Карабанова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели

Ю.П. Зинченко, Л.А. Цветкова

Члены совета

М. Абалакина-Паап (США), В.М. Аллахвердов, А. Ардила (США), А.Г. Асмолов,
Н.А. Батурин, Д.Б. Богоявленская, Б.М. Величковский (Германия),
В.Ф. Воскобоев, Э.В. Галажинский, Е.Ф. Гутырчик (Германия), И.В. Дубровина,
С.Н. Ениколопов, П.Н. Ермаков, А.Л. Журавлев, А.Г. Караяни, А.В. Карпов,
Б. Котик-Фридгут (Израиль), Е.Е. Кравцова, А.С. Курский, А.Б. Леонова,
С.Ю. Малков, С.А. Маничев, М.И. Марьин, А.И. Овсяник, В.Ф. Петренко,
П.И. Падерню, О.В. Раевская, М. Роселли (США), В.В. Рубцов, В.С. Собкин,
А.А. Стрельцов, Е.В. Субботский (Великобритания), А.Г. Тоневицкий,
Я. Хаутамяки (Финляндия), А.В. Шаболтас, Ю.С. Шойгу, А.В. Юревич

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т.В. Ахутина, Н.К. Бакланова, Н.Б. Березанская, Б.С. Братусь,
И.А. Володарская, А.Н. Гусев, М.С. Егорова, В.А. Иванников,
В.И. Ильченко, О.А. Карабанова, М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Носкова,
А.И. Подольский, В.М. Полонский, Н.С. Пряжников, И.А. Самоненко,
С.Д. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, Н.Ф. Талызина, О.А. Тихомадрицкая,
А.Ш. Тхостов, А.М. Черноризов

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор номера

О.А. Карабанова

Ответственный редактор

О.В. Решетникова

Над номером работали

Л.Г. Бардонова, М.С. Белоховская, И.В. Еремина,
Е.В. Зайцева, М.Ю. Цветков

Перевод

Е.В. Темнова, А.Н. Веракса

Интернет-версия

С.А. Козловский

Дизайн обложки

М.А. Коршунов, Л.Ю. Галушкина

Фотография на обложке

Мария Куранова

В номере использованы фотоматериалы

О.В. Решетниковой и др.

Медиа-менеджер проекта

М.С. Белоховская

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-29042

от 3 августа 2007 года и **свидетельство
о перерегистрации СМИ** ПИ № ФС77-54509 от 17 июня
2013 года, выданные Федеральной службой по надзору
в сфере массовой информации России

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Год основания: 2006



**Антонио Пуэнте - доктор философии, профессор
психологии в Университете Северной Каролины
Уилмингтон избран 2017 президентом Американской
психологической ассоциации ассоциация (АПА)**
<http://antonioeputente.com/bio/>

6 апреля 2016 г.

Всероссийская научно-практическая конференция
для работников образования

**"ЦИФРОВОЕ ДЕТСТВО:
СОЦИАЛИЗАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ"**

Российская академия образования
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Фонд Развития Интернет

При поддержке:

МТС

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11 строение 9
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Тел.: +7 (495) 629-3723, +7 (910) 407-8378
E-mail: NPJournal@mail.ru
Электронный адрес: www.psy.msu.ru/science/npj/
www.npsyj.ru/en
Журнал доступен в мобильном приложении «PsyMSU» в App Store



Professor Antonio Puente at the lecture

Antonio Puente, Ph.D., Professor of Psychology at the University of North Carolina Wilmington, was elected 2017 president of American Psychological Association (APA).

РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО



RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY

входит в международные организации:



IUPsyS

Международный союз психологической науки
при Юнеско



EFPA

Европейская федерация
психологических ассоциаций

"National Psychological Journal" is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation

Cover photo: Maria Kuranova

EDITORIAL OFFICE

Bld. 9, 11 Mokhovaya st. Moscow 125009 Russia
Department of Psychology Lomonosov Moscow State University
Tel.: +7 (495) 6293723, +7 (910) 4078378
E-mail: NPJournal@mail.ru

Official website: www.psy.msu.ru/science/npj/
www.npsyj.ru/en

The journal is available in «PsyMSU»
mobile application in App Store

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2016, no. 1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№1(21) 2016

FOUNDER/ PUBLISHER

Lomonosov Moscow State University
Department of Psychology
www.psy.msu.ru

Published in collaboration with **the Russian Public Organization
"Russian Psychological Society"** (<http://psyrus.ru/en/>)
and the **European Federation of Psychological Associations – EFPA**

Editor-in-Chief

Yu.P. Zinchenko

Deputy Editor

O.A. Karabanova

EDITORIAL COUNCIL

Co-Chairs

Yu.P. Zinchenko, L.A. Tsvetkova

Council Members

M. Abalakina-Paap (USA), V.M. Allakhverdiv, A.E. Ardila (USA), A.G. Asmolov, N.A. Baturin, D.B. Bogoyavlenskaya, E.V. Cubbotsky, I.V. Dubrovina, S.N. Enikolopov, P.N. Ermakov, E.V. Galazhinsky, E.F. Gutyrchik (Germany), A.G. Karayani, A.V. Karpov, Ya. Khautamyaki (Finland), B. Kotik-Friedgut (Israel), E.E. Kravtsova, A.S. Kursky, A.B. Leonova, Ju.S. Malkov, S.A. Manichev, M.I. Maryin, A.Iv. Ovsyanik, V.F. Petrenko, P.Ios. Paderno, O.V. Raevskaya, M. Rosselli (USA), V.V. Rubtsov, A.V. Shabolts, Yu.S. Shoygu, V.S. Sobkin, A.A. Streltsov, E.V. Subbotsky (Great Britain), A.G. Tonevitsky, B.M. Velichkovsky (Germany), V.F. Vockoboev, A.V. Yurevich, A.L. Zhuravlev

EDITORIAL BOARD

T.V. Akhutina, N.K. Baklanova, N.B. Berezanskaya, B.S. Bratus, M.S. Egorova, A.N. Gusev, V.Iv. Ilchenko, V.A. Ivannikov, O.A. Karabanova, M.Sh. Magomed-Eminov, O.G. Noskova, A.II. Podolskij, V.M. Polonsky, N.S. Pryajnikov, Ju.A. Samonenko, S.D. Smirnov, T.G. Stephanenko, N.Ph. Talyzina, O.A. Tihomandritskaya, A.Sh. Tkhostov, A.M. Chernorizov, I.A. Volodarskaya

EDITORIAL

Production Editor

O.A. Karabanova

Executive Editor

O.V. Reshetnikova

Production Unit

L.G. Bardonova, M.S. Belokhovskaya, I.V. Eremin,
E.V. Zaitseva, M.Yu. Tsvetkov

Translation

E.V. Temnova, A.N. Veraksa

Online Version

S.A. Kozlovskiy

Cover Design

M.A. Korshunov, L.Yu. Galushkina

Photographs used in this issue

O.V. Reshetnikova and others

Project Media Manager

M.S. Belokhovskaya

License of Mass Media Registration PI number FS77-29042

August 3, 2007 and **License of Mass Media Reregistration**

PI number FS77- 54509 June 17, 2013 issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media of Russia

No materials published in the journal may be reproduced without written permission from the publisher. The publisher is not responsible for the legality of the information given in the advertisement materials

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Founded in: 2006



SCIENTIFIC ANALYTICAL EDITION

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2016, no. 1



**Homo Technologies
in the context of Information Technologies**

All volumes in PDF

<http://www.psy.msu.ru/science/npjj/contents.html>**Electronic versions of scientific scholarly journals**

- "NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL",
- "PSYCHOLOGY IN RUSSIA: STATE OF THE ART",
- "The Moscow University Herald Series 14. Psychology", are accessible in the application of MSU Department of Psychology "PsyMSU" for iPad and iPhone in App Store

Information for readers

You can subscribe to the printed version of the journal in post offices using the Catalogue of ROSPECHAT Agency «Gazety, Zhurnaly» (www.rossp.ru), subscription index 36862, or in the editorial office (2647541@mail.ru). Certain issues or disk archive can be purchased in the editorial office as well

You can also subscribe to the electronic versions at:
www.elibrary.ru, www.psy.msu.ru

CONTENT**Psychology and Society***Artur A. Rean*

Attitude of the youth to the institute of family and family values

Vadim A. Emelin

Technology as a factor of identity transformation: development of HOMO TECHNOLOGIES

Methodology and Methods of Psychology*Elena N. L'vova, Elena I. Shlyagina, Aleksei N. Gusev*

Using the Rosenzweig frustration picture test in the study of coping behaviour in the situation of uncertainty

The interview with Antonio E. Puente, the elected President of the American Psychological Association (APA) (2017)

«Let the theory guide our development»

irina V. Grigorieva, Sergey N. Enikolopov

Testing questionnaires "Liebowitz Social Anxiety Scale" and "Fear of Negative Evaluation Scale" (short version)

Psychophysiology*Valery M. Eskov, Mikhail A. Filatov, Tatiana V. Streltsova, Yuriy P. Zinchenko*

Stress reaction to cooling: entropic and chaotic estimation

Anastasia E. Vishneva

Features of self-esteem in patients with various speech disorders

Developmental Psychology and Family Psychology*Sergey A. Kapustin*

Influence of hyperprotection (overexactness) on marital problems

Nadezhda V. Mazurova, Tatyana A. Podolskaya

Psychological pedagogical assistance to parents of children with severe health problems: guidelines and opportunities

Labour psychology and engineering psychology*Ekaterina A. Strizhova*

Dynamics of motivation before and after job placement

Social Psychology*Alla A. Gudzovskaya*

Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study

Psychology of Education*Darya V. Zharova, Vladimir A. Minkov*

On specifics of pedagogical work and professional competence of teachers in the British scientists' works of the late 19th century

Application

Information For Authors

Guidelines for Abstract Writing



ISSN 2079-6617



9 772079 661772 >

Содержание

Психология и общество

А.А. Реан	
Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям	03
В.А. Емелин	
Технологии как фактор трансформации идентичности: становление HOMO TECHNOLOGICUS	09

Методология и методы психологии

Е.Н. Львова, Е.И. Шлягина, А.Н. Гусев	
Применение теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности	19
Интервью с избранным Президентом Американской Психологической Ассоциации (АПА) 2017 года Антонио Э. Пуэнте (Antonio E. Puente), PhD	
«Пусть теория руководит нашим развитием»	28
И.В. Григорьева, С.Н. Ениколопов	
Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)»	31

Психофизиология

В.М. Еськов, М.А. Филатов, Т.В. Стрельцова, Ю.П. Зинченко	
Стресс-реакция на холод: энтропийная и хаотическая оценка	45
А.Е. Вишнева	
Особенности самооценки у больных с различными речевыми нарушениями	53

Возрастная и семейная психология

С.А. Капустин	
Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем	62
Н.В. Мазурова, Т.А. Подольская	
Психолого-педагогическая помощь родителям детей с тяжелыми нарушениями здоровья: основные направления и возможности	70

Психология труда и инженерная психология

Е.А. Стрижова	
Динамика трудовой мотивации до и после трудоустройства	78

Социальная психология

А.А. Гудзовская	
Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования	88

Психология образования

Д.В. Жарова, В.А. Миньков	
О специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов в трудах британских ученых конца XIX века	96

Приложение

Информация для авторов	102
Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)	104

Content

Psychology and Society

- Artur A. Rean
Attitude of the youth to the institute of family and family values03
- Vadim A. Emelin
Technology as a factor of identity transformation: development of HOMO TECHNOLOGIES09

Methodology and Methods of Psychology

- Elena N. Lvova, Elena I. Shlyagina, Aleksei N. Gusev
Using the Rosenzweig frustration picture test in the study of coping behaviour in the situation of uncertainty19
- The interview with Antonio E. Puente, the elected President
of the American Psychological Association (APA) (2017)
«Let the theory guide our development»28
- irina V. Grigorieva, Sergey N. Enikolopov
Testing questionnaires “Liebowitz Social Anxiety Scale” and “Fear of Negative Evaluation Scale” (short version)31

Psychophysiology

- Valery M. Eskov, Mikhail A. Filatov, Tatiana V. Streltsova, Yuriy P. Zinchenko
Stress reaction to cooling: entropic and chaotic estimation45
- Anastasia E. Vishneva
Features of self-esteem in patients with various speech disorders53

Developmental Psychology and Family Psychology

- Sergey A. Kapustin
Influence of hyperprotection (overexactness) on marital problems62
- Nadezhda V. Mazurova, Tatyana A. Podolskaya
Psychological pedagogical assistance to parents of children with severe health problems: guidelines and opportunities70

Labour psychology and engineering psychology

- Ekaterina A. Strizhova
Dynamics of motivation before and after job placement78

Social Psychology

- Alla A. Gudzovskaya
Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study88

Psychology of Education

- Darya V. Zharova, Vladimir A. Minkov
On specifics of pedagogical work and professional competence of teachers
in the British scientists' works of the late 19th century96

Application

- Information For Authors102
- Guidelines for Abstract Writing104

Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям

А.А. Реан

Московский университет МВД России, Москва, Россия.

Поступила 16 февраля 2016/ Принята к публикации: 4 марта 2016

Attitude of the youth to the institute of family and family values

Artur A. Rean

University of Moscow Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Received: February 16, 2016 / Accepted for publication: March 4, 2016

В статье обращается внимание на большое количество разводов в современной России. Подчеркивается, что значительная их часть приходится на первые годы брака. Вместе с тем, большинство опросов, проведенных в предыдущие годы показали, что семья занимает одно из первых мест в структуре ценностей нашей молодежи. На основе этого противоречия делается вывод, что молодежь нужно специально готовить к семейной жизни. Современная семья и школа с этой задачей не справляются. Нами было проведено масштабное эмпирическое исследование в восьми регионах разных федеральных округов России, результаты которого приведены в статье. Общий объем репрезентативной выборки составил более 7000 человек. В выборку вошли респонденты из больших и малых городов России, а также из сел, из полных и неполных семей, из семей с 1–2 детьми и многодетных семей. Исследование показало, что в структуре жизненных ценностей молодежи семья по-прежнему занимает первое место. Установлено также, что абсолютное большинство респондентов полагает, что нужно специально готовить человека к созданию семьи. При этом только треть опрошенных считает, что это можно сделать посредством преподавания специального курса по вопросам семьи и семейной жизни в школах. Выяснилось, что для большинства респондентов их нынешняя, родительская семья не является ориентиром и образцом. Установлено, что наибольшее влияние на молодежь в процессе их взросления оказывает мать. Отцы, занимая второе место, проигрывают матерям с большим разрывом. Выявлено, что обобщенные портреты матери и отца оказались полностью положительными, то есть они не содержали ни одной негативной характеристики. Общие качества, которые попали в первую десятку наиболее популярных при описании как отца, так и матери, следующие: добрый, надежный, заботливый, ответственный, семейственный, умный. Другие качества из первой десятки наиболее приоритетных в портретах отца и матери различаются.

Ключевые слова: семья, ценности, браки, разводы, портреты родителей, роль отца, подготовка к семейной жизни, семейведение.

The paper draws attention to the large number of divorces in contemporary Russia. It is emphasized that much of them fall on the first years of marriage. However, most of the surveys conducted in recent years have shown that the family is one of the leading positions in the structure of adolescent value. On the basis of this juxtaposition, it is concluded that young people need to be specially trained for family life. Contemporary family and the school cannot cope with this task. We have carried out a large-scale empirical study in eight regions of different federal districts of Russia, the results of which are shown in the paper. Total sample amounted of more than 7,000 people. The sample included respondents from large and small cities in Russia, as well as from the villages of nuclear and one-parent families, families with 1-2 children and also large families.

The research has shown that in the structure of life values the family still occupies the first position. It was also found that the vast majority of respondents emphasize the need to be specially trained for building a family. However, only one third of respondents believe that this can be done by conducting special courses on the family and family life in schools. For the majority of the respondents, their parent family is not a guide or a pattern. The greatest impact on the youth in the process of growing up is produced by mother. Fathers, occupying the second position, prove to be outsiders with a large gap. It was revealed that a generalized portrait of the mother and the father are completely positive, i.e. they do not contain any negative characteristics. The top ten most popular qualities to describe father and mother are the following: kind, reliable, caring, responsible, family-making, smart. Other qualities of the top ten highest priorities differ.

Keywords: family values, marriage, divorce, parental portraits, father, preparation for family life, family-making.

В последние годы часто звучат слова о том, что институт семьи переживает кризис. Эта мысль озвучивается на различных уровнях – от бытового, до научного и политического. Значительно возросло количество разводов как в нашей стране, так и за рубежом. По данным Росстата, с 2010 года число разводов относительно заключенных браков неизменно превышает цифру в 50%. Так, в 2010 году эта цифра составляла 52,6%, в 2011 – 50,9%, в 2012 – 53,1%, в 2013 – 54,5%, в 2014 – 56,5% (Росстат, Россия ..., 2015). Причем, основная масса разводов приходится на первые годы брака, когда супруги находятся в возрасте 25–29 лет. Примерно на этот же возраст падает основная доля разводов и в других странах мира, например, в США – это 20–24 года (Андреева, 2014; Крайг, 2000; Психология человека..., 2015).

Однако, как показывают многочисленные исследования, семья занимает высоко значимое место в структуре ценностей молодежи (Реан, Москвичева, 2003, 2007; Семенов, 2007; Семья: психология..., 2010; Собкин, Кузнецова, 1998). Семья неизменно входит в тройку наиболее важных ценностей молодежи, а в ряде экспериментов выяснилось, что она занимает собственно первое место. Так, например, исследования В.Е. Семенова показали, что главными жизненными ценностями молодежи являются: семья, друзья, здоровье. Далее следуют: интересная работа, деньги, справедливость. Замыкает семерку главных жизненных ценностей – вера (Семенов, 2007). В другой работе было показано, что «счастливая семейная жизнь» занимает первое место в структуре ценностей старшеклассников. Следующие две позиции занимают ценности «достижение материального благополучия» и «успешная профессиональная деятельность». Правда, в повторном исследова-

нии, проведенном спустя несколько лет, семья как ценность, хотя и сохранила свое лидирующее положение, но получила заметно меньше выборов. Если в первом исследовании (1991 год) семью выбрали 73,5% опрошенных, то во втором (1996 год) – уже только 60,2%. В то время как две другие ценности, не только сохранили свои ранговые места, но и получили почти такое же (незначительно меньшее) количество выборов (Собкин, Кузнецова, 1998). Еще в одном исследовании при опросе молодежи, 83% респондентов, отвечая на вопрос, каким бы они хотели видеть себя через несколько лет, выбрали вариант ответа: «человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети» (Кухтевич, 1997).

Ценности детей и родителей, хотя и не идентичны, но вполне согласуются друг с другом. Так, при проведении срав-

ны, молодые люди, естественно, исходят из определенных представлений о ней, ориентируясь на определенные ее образы. Исследования показывают, что главным источником представлений о семье у молодежи, прежде всего, является родительская семья – 53,2% респондентов. Второе и третье места в этом списке источников представлений занимают мнение друзей – 23,1% и литература – 21,2% (Кухтевич, 1997).

Отношение к семье в ходе взросления меняется. В процессе социализации группа ровесников в значительной степени замещает родителей (происходит «обесценивание» родителей, по выражению Х. Ремшмидта). Перенос центра социализации из семьи в группу ровесников приводит к ослаблению эмоциональных связей с родителями. Необходимо заметить, что замечания относительно «обес-

Гиперболизация идеи о «замещении родителей» группой сверстников мало соответствует реальной психологической картине. Имеются данные о том, что, хотя родители, как центр ориентации и идентификации, отстают в этом возрасте на второй план, данное утверждение касается лишь определенных областей жизни. Для большинства молодых людей родители и особенно мать остаются главными эмоционально близкими лицами

нительного анализа жизненных ценностей детей и родителей (по методике М. Рокича) оказалось, что иерархия ценностей для отцов такова: «здоровье», «семья», «материальная обеспеченность», «любовь», «свобода», «независимость», для матерей – «семья», «здоровье», «любовь», «материальная обеспеченность», «чувство долга», «ответственность». В структуре же ценностей их детей-старшеклассников поднялась значимость ценностей «свобода», «независимость», а такие ценности, как «здоровье», «любовь», «семья» сохранили свои высокие позиции и в этой выборке (Ясюкова, 1996). Думая о своей будущей семье, строя жизненные пла-

нивания» родителей в подростковом и юношеском возрасте являются очень распространенными. Например, для подросткового возраста описана специальная поведенческая особенность «реакция эмансипации». Сделаны даже попытки объяснить ее с эволюционно-биологической точки зрения. Эта тенденция, конечно, верна как общее направление возрастного развития личности. Однако гиперболизация идеи о «замещении родителей» группой сверстников мало соответствует реальной психологической картине. Имеются данные о том, что, хотя родители, как центр ориентации и идентификации, отстают в этом возрасте на второй план, данное утверждение касается лишь определенных областей жизни. Для большинства молодых людей родители и особенно мать остаются главными эмоционально близкими лицами. Так, в одном исследовании немецких ученых было показано, что в проблемных ситуациях наиболее эмоционально близким, доверенным лицом для подростка, прежде всего, служит мать, а затем в зависимости от ситуации в разной после-



Артур Александрович Реан – Артур Александрович Реан – академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор психологических наук, научный руководитель и директор.
E-mail: ks-er@mail.ru

довательности: отец, подруга или друг. В другом исследовании, выполненном на отечественной выборке, старшеклассники ранжировали, с кем они предпочли бы проводить свое свободное время: с родителями, с друзьями, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т.д. Родители оказались у юношей на последнем (шестом) месте, у девушек – на четвертом месте. Однако, отвечая на вопрос: «С кем бы ты стал советоваться в сложной житейской ситуации?» и те и другие поставили на первое место мать. На втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек – друг, подруга. Иначе говоря, с друзьями приятно развлекаться, но в трудную минуту лучше обратиться к маме (Кон, 1989).

Наши данные, полученные позднее на выборках подростков, юношей и девушек подтверждают эту тенденцию. Так, в исследовании, проведенном А.А. Реан и М.Ю. Санниковой, изучалась система отношений личности к социальному окружению, в том числе, определялось отношение ребенка к обоим родителям и сверстникам. Выяснилось, что именно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и нормам) у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в исследовании, негативное отношение к матери является важным показателем общего неблагоприятного развития личности (Реан, 2013).

Говоря о высоком значении роли матери, стоит остановиться и на влиянии отца на становление личности подростка, юноши, девушки. К сожалению, в последние годы выявляется устойчивая тенденция снижения роли отца, его значимости и влияния на воспитание и становление личности ребенка. Так, в фундаментальном исследовании под

названием «Семья и родительство в современной России», выполненном Институтом социологии РАН, было установлено, что доля тех, кто назвал отца значимым лицом, оказавшим в процессе взросления на личность наибольшее влияние, снизилась с 41,1% (в старшей возрастной группе 40–44 года) до 31,8% (в молодежной группе 16–19 лет). Чем слабее становилась фигура отца, тем более укреплялась в сознании респондентов фигура матери. В молодежной группе (16–19 лет) доля тех, кто оценивал роль матери как самую значительную, составила 73,3%, в то время как в старшей возрастной группе (40–44 года) таких было 61,9% (Семья и родительство..., 2009).

В этом исследовании, правда, имеется один существенный методологический недостаток. С ответами современной молодежи о роли отца в их становлении сравниваются ответы взрослых 40-летних людей. И на этом на основании делаются выводы о том, как было раньше и как стало теперь. С психологической точки зрения, однако, не факт, что ответы 40-летних взрослых людей и их же ответы на этот же вопрос, но более двадцати лет назад, то есть в возрасте 16–19 лет, – совпали бы. Ретроспективные оценки чаще всего отличаются от оценок непосредственных. И дело здесь даже не просто в элементарном забывании. Отсроченные, отдаленные оценки и представления о значимых и любимых людях, как правило, являются более положительными, чем оценки непосредственные «здесь и сейчас». Тем более, когда, как в этом случае, мы говорим о людях, которые уже давно распрощались и с подростковым и юношеским максимализмом, и с бунтарством.

Тем не менее, мы должны констатировать, что роль и влияние матери и отца не равнозначны. Следует подчеркнуть, что влияние родительской семьи – это не просто влияние родителей. Это именно влияние семьи. Семья, как социального организма, как системы. Семья представляет собой систему взаимодействующих элементов, где не только родители влияют на детей, но и дети на родителей (Parke, Buriel, 1998; Кайл, 2002). В результате этого взаимодействия появля-

ется новая реальность под названием «семья». И эта реальность такова, что совокупность элементов ее составляющих не равна целому. Системное целое – «семья» больше, чем только ее составляющие элементы: родители и дети. Это новое системное качество, или, можно сказать, – новый организм. Вероятно, нечто похожее имел в виду и когда-то сформулировал, но только в гораздо более возвышенном стиле великий Чарльз Диккенс в своем романе «Николаас Никольби»: «Семья – это не просто люди, в жилах которых течет одна кровь. Семья – это люди, за которых эту кровь ты готов отдать».

Организация исследования, выборка и методики

Масштабное исследование изучения отношения молодежи к институту семьи и семейным ценностям было организовано нами в восьми субъектах федерации России и охватывало четыре федеральных округа: Приволжский, Сибирский, Уральский, Центральный.¹ Общий объем выборки составил 7000 человек. Из этой выборки на все методики и все вопросы анкеты без пропусков ответили 5561 человек.

Для исследования была сформирована выборка старшеклассников из больших и малых городов России, а также из сел, из полных и неполных семей, из семей с 1–2 детьми и многодетных семей.

Выборка была репрезентативной по всем основным параметрам. Возрастной состав выборки: 14 лет – 0,4%, 15 лет – 9,1%, 16 лет – 49,9%, 17 лет – 37,5%, 18 лет – 2,3%, старше – 0,8%. Характеристика выборки по классам обучения: десятый класс – 57% одиннадцатый класс – 43%. Состав выборки по полу: женский – 57,9%, мужской – 42,1%. Состав выборки по месту проживания. Города с населением до 100 тысяч человек – 19,9%, города с населением от 100 тысяч до 500 тысяч человек – 21%, города с населением от 500 тысяч человек – 32,4%, деревня или село – 18,2%, поселок городского типа – 8,5%. Характеристика выборки по составу семьи: мать, двое детей – 6,5%, мать, один ребенок – 11,3%, мать, трое и больше детей – 2%, отец, двое детей – 0,4%, отец, один ребенок – 0,9%, отец, трое

¹ Научные руководители исследования: проф. А.А. Реан и проф. С.Б. Малых. Координатор исследования по методической части А.Ю. Фенин, координатор исследования по организационной части С.В. Кардаильский.

и более детей – 0,6%, отец, мать, двое детей – 41,5%, отец, мать, один ребенок – 22,5%, отец, мать, трое детей – 14,3%.

В процессе исследования применялись: специально составленный социологический опросник, методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца, методика ценностных ориентаций «Поговорки» в модификации А.А. Реана, методика семантического дифференциала, многофакторный личностный опросник FPI, методика «80 прилагательных» А.А. Реана, методика «Стили родительского поведения». В настоящей работе приводятся и обсуждаются результаты только части исследования. А именно, обсуждаются результаты по одному из блоков социологического опросника, а также по методике «80 прилагательных», в части, касающейся родителей.

Результаты и их интерпретация

Ведущими ценностями в своей жизни респонденты назвали следующие: «семья», «любовь», «здоровье». Это доминирующая тройка. Причем, даже внутри нее «семья» занимает лидирующее положение, с большим отрывом от двух других. «Семью», как наиболее значимую ценность, выбрали 72,5% опрошенных. В то время как занимающую второе место «любовь» – 58,4%, а находящуюся на третьем месте ценность «здоровье» – 52,4%. В пятерку наиболее значимых вошли также такие ценности, как «друзья» (43,6%) и «успех» (36,1%). Другие ценности: «деньги», «карьера», «признание», «работа» по числу выборов остались за пределами первой пятерки.

Таким образом, эти данные, четко фиксирующие приоритетное значение семьи в структуре жизненных ценностей молодежи, опровергают часто озвучиваемое, а иногда и агрессивно навязываемое мнение о том, что семья это – анахронизм и у этого института нет будущего. Однако возникает резонный вопрос: почему при таком высоком значении «семьи» в структуре ценностей молодежи, все-таки столь высок процент разводов в стране? И особенно среди молодежи, в первые годы брака. К обсуждению этого вопроса удобнее всего обратиться сейчас в следующем контексте.

Как показало наше исследование, абсолютное большинство молодежи по-

лагает, что нужно специально готовить человека к созданию семьи, путем обучения семейным ценностям. Так считают 66% респондентов. Только 15% опрошенных полагают, что этого делать не надо, а еще 19% – затруднились с ответом. Эти данные внушают оптимизм. Потому что, если человек хочет, чтобы его чему-то обучали, то это недвусмысленно свидетельствует о его интересе к предмету и теме обучения. В нашем случае об интересе к теме семьи, семейной жизни. Кроме того, здесь есть основания для возникновения чисто прагматического, утилитарного интереса психологов и педагогов. Ведь, если к созданию семьи надо специально готовить, то кому этим заниматься, как не психологам, во взаимодействии с педагогами.

Оптимизм, к сожалению, может поубавиться при знакомстве с другими данными нашего исследования. Оказалось, что только 38% респондентов считают необходимым преподавание специального курса по вопросам семьи и семейной жизни в школах. Еще 38%, то есть ровно столько же, полагают, что делать этого не надо, а 24% – затруднились с ответом. Казалось бы, имеет место очевидное противоречие этих данных с ранее приведенными результатами. К тому же, как все это соотносить с высоким интересом к теме семьи и семейной жизни, доминированием семьи в структуре жизненных ценностей? Мы полагаем, что противоречия здесь нет, и одни данные не отменяют значения других. В совокупности эти результаты требуют следующей интерпретации. Да, большинство молодежи считает, что обучать основам семейной жизни, семейным ценностям надо. Но это обучение не может и не должно сводиться к прямому предметному обучению в школе. Учит основам семейной жизни, способствует привитию семейных ценностей, в первую очередь, сама семья, в которой человек растет и социализируется. Не случайно, поэтому, с позиций психологии, семью можно называть моделью основного жизненного тренинга. Именно уклад семьи, господствующие в ней ценности, социальные позиции и установки, система взаимоотношений между членами семьи – это то, что обучает и готовит к будущей семейной жизни.

Кстати, что касается предметно-урочного обучения. Мы полагаем, что недостаточно внимания уделяется у нас потенциалу других предметов в контексте подготовки к семейной жизни. Даже на первый взгляд понятны широкие возможности в этом плане таких предметов, как литература и история.

Подытоживая рассуждения на эту тему, хотелось бы подчеркнуть следующее. Мы полагаем все-таки, что в общей системе целенаправленной подготовки молодежи к успешной семейной жизни, специальный предмет по семейной тематике («этика и психология семейной жизни», «семьеведение» или др.) совершенно необходим, как один из элементов системы, но элемент крайне важный. И связано это, среди прочего, и с тем обстоятельством, что современная семья не справляется с функцией подготовки молодежи к семейной жизни, то есть не способна в необходимой мере осуществлять семейную социализацию.

«Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» спросили мы респондентов в нашем исследовании. Только 42% из них ответили, что да, хотели бы. Строго отрицательно ответили на этот вопрос 34%, а еще 24% – выразили сомнение, затруднившись с ответом. То есть, для 58% молодежи их нынешняя родительская семья не является ориентиром и образцом. Это реальная проблема. Возможно, именно она является одной из причин неготовности молодежи к браку и высокой статистики разводов в первые годы супружества. Ведь если семья не является ориентиром и образцом, то где взять эти ориентиры, где научиться поведенческим образцам жизни в семье, как приобрести столь необходимые поведенческие умения и навыки? Решение этой проблемы, в первую очередь, предполагает организацию работы даже не с молодежью, а с самими родителями или, что еще лучше, с семьей в целом.

Большой интерес представляет вопрос: кто из членов семьи наиболее повлиял на респондентов в процессе их взросления, кто оказал наибольшее влияние на их становление. Мать назвали 57,5% опрошенных, а отца – только 23,7%. Остальные члены семьи – бабушка,

бабушка, старший брат/сестра – получили незначительное количество выборов.

Высокое влияние матери на становление личности – факт, безусловно, отрадный. Однакостораживает, что отцы проигрывают со слишком большим «счетом». Психологически это, вероятно, объясняется большей эмоциональной близостью матери к детям. Но, также возможно, что определенную роль здесь играет элементарный временной фактор. Отцы, как правило, проводят с детьми значительно меньше времени, чем матери. В современных условиях многие из них подрабатывают на второй работе. Более того, как нам говорили в ходе выборочных интервью, многие отцы работают вахтовым методом, уезжая на две недели каждый месяц в другие города и регионы. В связи с наличием тенденции к снижению роли отца стоит однозначно приветствовать возникающие в России общественные движения и инициативы, направленные на повышение роли отца в семейном воспитании. Психологическое сообщество только выиграет, если вовремя присоединится к этим движениям и окажет им профессиональную психологическую поддержку.

Мы уже отметили выше, что влияние дедушек и бабушек на становление личности в ходе взросления отметило лишь незначительное число респондентов. Интересным, однако, представляется тот факт, что приоритет и здесь принадлежит женскому полу – бабушек назвали 8,2% опрошенных, а дедушек почти в два раза меньше – 4,3%.

В ходе исследования, по методике «80 прилагательных» А.А. Реана, был получен список наиболее популярных характеристик, которыми старшеклассники описывают своих родителей. Эти обобщенные портреты матери и отца оказались пол-

ностью, абсолютно положительными. То есть, они не содержали ни одной негативной характеристики. Хотя, естественно, материнский и отцовский портреты отличались друг от друга конкретными качествами. Общие качества, которые одинаково часто употребляются в описаниях как отца, так и матери это: добрый, надежный, заботливый, ответственный, семейственный, умный.

Дифференцированно портреты матери и отца, по первой десятке наиболее часто называемых респондентами качеств, выглядят следующим образом. Мать – заботливая, добрая, аккуратная, ласковая, искренняя, семейственная, надежная, человечная, ответственная, умная. Как видим, большинство дескрипторов отражают эмоциональные и моральные качества. Если рассмотреть их по классам отношений (по В.Н. Мясичеву или Б.Г. Ананьеву), то большинство дескрипторов связано с характеристикой отношений к другим людям. Существенно меньше характеристик, связанных с отношением к делу, и совсем нет – с отношением к самой себе. Отец – добрый, авторитетный, заботливый, надежный, веселый, семейственный, умный, мудрый, ответственный, искренний. Большинство дескрипторов и в этом случае отражают эмоциональные и моральные качества. Но при этом несколько увеличивается вес когнитивных составляющих портрета.

С интересом можно посмотреть и на анти-топ качеств. Это те качества, которые не характерны для представлений старшеклассников о своих родителях, качества, которые реже всего упоминаются в родительских портретах. Для отца, например, такими не характерными качествами, по мнению респондентов, являются: завистливый, глупый, трусливый, бездушный, лживый. А для матери в ан-

ти-топ качеств входят: глупая, бездушная, завистливая, неблагодарная, лживая. Список, как видим, похож. Все эти качества в обоих случаях, и относительно отца, и относительно матери, упоминаются в описаниях реже всего. Однако в относительном выражении эти негативные качества в случае с отцом имеют больший вес, чем в случае с матерью. Иначе говоря, негативные дескрипторы в портретах отца и матери могут иметь одинаковое низкое ранговое место, но при этом разный вес в процентном выражении. Так, например, дескриптор «глупый», входящий в анти-топ самой непопулярной пятерки качеств, в портрете матери имеет вес 2%, а в портрете отца – 5%. Дескриптор «лживый» в портрете матери имеет вес 2%, а в портрете отца – 6%. Такое же соотношение по характеристике «бездушный» – вес 2% в портрете матери, против 6% в портрете отца. С сожалением мы вновь должны констатировать, что отцы опять «проигрывают» матерям. Почему респонденты чаще видят негативные качества именно у отцов? Отцы в самом деле хуже (пусть и в небольших пределах 5–6%)? Или дети предъявляют им более жесткие требования, задают более высокие стандарты? Или с отцами чаще складываются более негативные и менее доверительные отношения? А негативные отношения, как известно, детерминируют негативное восприятие личности другого. Ответы на эти вопросы, очевидно, могут оказаться различными в каждом конкретном случае, в каждой конкретной семье. Однако уже сейчас ясно, что практической психологии семьи и детства, психологии семейного консультирования важно обратить особое внимание на проблему отцовства. А затем поспособствовать привлечению к вопросам отцовства внимания всего общества.

Литература:

Андреева Т.В. Психология семьи. – Санкт-Петербург, 2014.

Горлова Е.Л. Психологический возраст ребенка как основание для проектирования стратегий развития родительской компетентности // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 2(10). – С. 134-141. doi: 10.11621/npj.2013.0217

Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 52-63. doi: 10.11621 / npj.2014.0406

Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби // Диккенс Ч. Собрание сочинений. Т. 5. – Москва, 1958.

Кайл Р. Тайны психики ребенка. – Москва, 2002.

Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 79-87. doi: 10.11621 / npj.2015.0109

- Кон И.С. Психология ранней юности. – Москва, 1989.
- Крайг Г. Психология развития. – Санкт-Петербург, 2000.
- Кухтевич Т.Н. Молодежь России-97: мозаика рубежа века // Молодежь-97: надежды и разочарования. – Москва, 1997. – С. 6-15.
- Психология человека от рождения до смерти / под ред. А.А. Реана. – Москва, 2015.
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А., Москвичева Н.Л. Подросток и семья // Психология подростка / под ред. А.А. Реана. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 203-233.
- Реан А.А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 3-8. doi: 10.11621 / npj.2014.0409
- Ремшmidt X. Подростковый и юношеский возраст. – Москва, 1994.
- Росстат, Россия в цифрах, 2015. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-07.htm
- Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. – 2007. С. 37 – 43.
- Семья и родительство в современной России. – Москва, 2009.
- Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва, 2010.
- Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: движение в зону риска. – Москва, 1998.
- Ясюкова Л.А. Сравнительный анализ жизненных ценностей старшеклассников и их родителей // Преемственность поколений: диалог культур. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 112-113.
- Parke R.D., Buriel R. Socialization in the family: Ethnic and ecological perspectives // W. Damon (Ed.), *Handbook of child psychology* (vol. 3). – New York, 1998.

References:

- Andreeva, T.V. (2014) *Family Psychology*. St. Petersburg.
- Craig, G. (2000) *Developmental Psychology*. St. Petersburg.
- Dickens, Charles (1958) *Life and Adventures of Nicholas Nickleby*. *Charles Dickens. Collected Works*. Vol. 5. Moscow.
- Dzukaeva, V.P. & Sadovnikova, T.Yu. (2014) The role of mother and father in developing individuation of young men and women: a cross-cultural dimension. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 52-63. doi: 10.11621 / npj.2014.0452-63
- (2009) *Family and Parenting in contemporary Russia*. Moscow.
- Gorlova, E.L. (2013) Mental age of a child as a basis for elaborating parental competence development strategies. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 134-141. doi: 10.11621/npj.2013.0217
- Kyle, R. (2002) *Secrets of the child's psyche*. Moscow.
- Kapustin, S.A. (2015) Personal features of children in client families who receive psychological advice. *National psychological journal. [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 79-87. doi: 10.11621 / npj.2015.0109
- Kon, I.S. (1989) *Psychology of early adolescence*. Moscow.
- Kukhtevich, T.N. (1997) Youth of Russia-97: turn of the century mosaic. *Youth-97: hopes and disappointments [Molodezh'-97: nadezhdy i razocharovaniya]*. Moscow, 6-15.
- Parke, R.D., & Buriel, R. (1998) Socialization in the family: Ethnic and ecological perspectives. W. Damon (Ed.), *Handbook of child psychology* (Vol. 3). New York.
- (ed.) Rean, A.A. (2015) *Human Psychology from birth to death*. Moscow.
- Rean, A.A. (2013) *Psychology of Personality*. St. Petersburg.
- Rean, A.A., Moskvicheva, N.L. (2007) Adolescent and Family Psychology. *Adolescent Psychology*. St. Petersburg, 203-233.
- Rean A.A. (2015). Family as a factor of risk prevention and victim behaviour. *National psychological journal. [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 3-8. doi: 10.11621 / npj.2014.0409
- Rean, A.A. (2010) *Family: psychology, pedagogy, social work*. Moscow.
- Remshmidt, H. (1994) *Adolescence and early adulthood*. Moscow.
- Rodrigues, T.F. (2014). Meaning in couples relationships. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(3), 126-135. doi: 10.11621/pir.2014.0311
- Rosstat, Russia i Figures, 2015 - Electronic resource. - Access: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/0-07.htm
- Semenov, V.E. (2007) Valuable orientations of modern youth. *Sociological studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 37-43.
- Sobkin, V.S., & Kuznetsova, N.I. (1998) Russian teenager 90: Movement in the risk zone. Moscow.
- Yasyukova, L.A. (1996) Comparative analysis of the life values of senior pupils and their parents. *Continuity of generations: the dialogue of cultures [Preemstvennost' pokoleniy: dialog kul'tur]*. St. Petersburg, 112-113.

Технологии как фактор трансформации идентичности: становление HOMO TECHNOLOGICUS

В.А. Емелин

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 ноября 2015/ Принята к публикации: 12 декабря 2015

Technology as a factor of identity transformation: development of HOMO TECHNOLOGIES

Vadim A. Emelin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 20, 2015 / Accepted for publication: 12, December 2015

Исходя из понимания идентичности как тождественности индивида самому себе в культурно-историческом хронотопе, переживаемой как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям, контролируемости/неконтролируемости ситуаций, предсказуемости/непредсказуемости событий, в статье описываются процессы трансформации идентичности в ходе технологического развития. В качестве отправной точки берется идея органопроекции (К. Маркс, Э. Капп) и технологического расширения человека (З. Фрейд, М. Маклюэн), согласно которой технологии являются продолжением человеческого тела и его органов.

Отмечается, что процессы технологического расширения приобретают особый масштаб в условиях развития информационного общества, в котором компьютерные, телекоммуникационные, транспортные, био-, нано- и другие высокие технологии стали реальной культурно-исторической силой, трансформирующей человека. Подчеркивается, что в отличие от всей предшествующей истории, когда технологии лишь облегчали человеку те или иные действия, существенно не преобразовывая его натуральные возможности, на современном этапе информационного общества они не только меняют топологию человека, расширяют и дополняют его натуральные возможности, но и трансформируют высшие психические функции, опосредствуют психические процессы и отношения людей. Человек становится не только биологическим, социальным, но и технологическим существом – HOMO TECHNOLOGICUS. Масштаб и скорость культурно-исторических перемен делает исследование роли технологических расширений в трансформации идентичности ключевой задачей, решение которой необходимо для выработки механизмов осмысления их значения в жизни современного человека и построения прогнозов развития отношений между человеком и машинами в будущем.

Ключевые слова: идентичность, технологии, высшие психические функции, информационное общество, органопроекции, технологические расширения, культурно-исторический подход.

Based on the understanding of identity as an individual's identity with the self within the cultural historical chronotope, and experienced as the feeling of belonging/non-belonging to some communities, controllability/uncontrollability of situations and predictability/non-predictability of events, the paper describes the processes of identity transformation in the course of a technological development. Taken as the initial point, the idea of organ-extension (K. Marx, E. Kapp) and technological extension of man (S. Freud, M. McLuhan) means that technologies are the extension of a human body and its organs. The processes of technological extension assume a particular scale under condition of information society development, within which computer-, telecommunication-, transport-, bio-, nano- and other high technologies have become an actual cultural historical force that has a power to transform a human. Special attention is paid to the fact that unlike the precedent technologies that have just facilitated some or other human performance, modern technologies of information society do not only change the human topology, widen and expand human natural abilities but also really transform higher mental functions and mediate mental processes and relations between human individuals. Man becomes not only a biological and social creature but also a technological one, i.e. so called HOMO TECHNOLOGICUS. The scale and speed of cultural historical changes make the study of the technological extensions role in the transformation of identity a key point for developing ways of comprehending their role in the life of a modern person, and also for forecasting the evolution of relationship between man and machines in the future.

Key words: identity, technologies, higher mental functions, information society, organ extensions, technological extensions, cultural historical approach.

Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа ... Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания....

Карл Маркс

Возможно, главная характерная черта всех орудий труда и машин - экономия жеста – есть непосредственное выражение того или иного рода физического давления, заставляющего нас вынести наружу, или расширить, самих себя, будь то в слова или колеса. Человек может выразить это стремление цветами, плугами или локомотивами.

Маршалл Маклюэн

Технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов.

Мануэль Кастельс

В настоящее время проблема идентичности является предметом рассмотрения таких областей знания как философия, психология, социология, политология, этнография, педагогика. Это свидетельствует о ее актуальности сегодня и важности для всех аспектов человеческого существования. В широком смысле идентичность – это тождественность индивида самому себе в культурно-историческом хронотопе, переживаемая им как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям, контролируемости/неконтролируемости ситуаций, предсказуемости/непредсказуемости событий. Традиционно идентичность рассматривается как те знания, представления и переживания, которые задают основу самоидентичности, о которых человек может сказать «это Я». В рамках рассматрива-

емой проблемы обратим внимание на процессы трансформации идентичности, изменения ее границ в результате технологического прогресса в условиях развития технологий. Существует множество различных, а зачастую и конкурирующих точек зрения в понимании идентичности, но сейчас особенно важным становится осознание воздействия технологического прогресса на идентичность. Особенно актуальна эта задача в условиях развития современного информационного общества, в связи с глобальностью и беспрецедентной скоростью технологических, в частности, социокультурных изменений, следствием которых являются и процессы изменения идентичности индивидов, как в норме, так и патологии.

Сегодня не без основания можно полагать, что решающими факторами фор-

мирования и трансформации идентичности в современном обществе являются технологии. Именно изменения, произошедшие в последние десятилетия XX века и продолжающиеся по сей день, связанные со скачкообразным ростом технологической экспансии стали основной силой, определяющей векторы изменения идентичности. Возникают совершенно новые формы передачи информации, способы и средства коммуникации, которые становятся не только неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности индивида, но и дают ему модели поведения, интересы, способы удовлетворения потребности, мировоззрение в целом и, в конечном счете, идентичности. В связи с этим, исследование роли технологических расширений в трансформации идентичности является ключевой задачей, решение которой необходимо для выработки механизмов осмысления их значения в жизни современного человека.

В информационном обществе технологии получили мощный толчок развития, превосходящий по своему масштабу все предшествующие в истории технологические революции. Скорость технологических преобразований пошатнула устойчивость связей человека с окружающими его вещами, технологии радикально и стремительно изменили его про-



Вадим Анатольевич Емелин –
кандидат философских наук,
доцент факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: emelin@mail.ru

странственно-временные представления. «Я» индивида информационного общества оказалось неразрывно связано со своими технологическими продолжениями. В условиях перемен во всех областях жизнедеятельности человека, обусловленных повсеместным и повседневым вхождением технологий в обыденную жизнь человека, окружающий мир не может уже пониматься как нечто стабильное, неизменное. Это позволяет характеризовать его как «текущую современность» (Бауман, 2008). В информационном обществе идентичность нельзя рассматривать без учета роли имманентно свойственных ему технологий, которые стали не только движителем трансформации экономики, но и, в совокупности с мировоззренческими и социокультурными изменениями, решающим фактором трансформации человека.

На протяжении истории различные технологии всегда присутствовали в жизни людей, и сегодняшний технологический прорыв возникает не на пустом месте, скорее его следует рассматривать как кумулятивный эффект предшествующего развития техники. Технологии постоянно изменяли человека и общество. Жизнь первобытного человека, научившегося обрабатывать камень, отлична от жизни его предка, использовавшего палку. Образ жизни человека, создавшего машины для обработки того же камня, иной, нежели у его предка, вручную бившего камень об камень, чтобы получить орудие труда. При этом натуральные возможности и основные потребности как у первобытного человека, так и у современного (если он еще не превратился в трансгуманистического постчеловека) остались прежними. Люди так же хотят есть, пить, любить, творить, отдыхать, иметь семью, собственность и элементарные гарантии безопасности. Изменились только уровень реализации возможностей и способы удовлетворения потребностей, что обусловлено появлением более совершенных технологий, используемых и воспринимаемых

в рамках социокультурного контекста. В истории этапы развития человека разделяются по технологическому принципу на каменный, медный, железный века, далее фигурирует широкий спектр эквивалентных по сути, но с нюансами интерпретации, стадийных моделей развития общества. Аграрное, индустриальное, постиндустриальное общества связаны соответственно с основными используемыми технологиями – мускульной силой и лошадиными упряжками, паровыми и электрическими машинами или же телекоммуникационными сетями и компьютерами. Казалось бы, при постоянстве натуральных возможностей человека, его извечных потребностей и видов деятельности, в общем-то, мало что должно меняться в его идентичности. Какая разница, едет он в экипаже или на поезде? Ведь это – тот же человек, при чем тут средство передвижения и, тем более, колеса? Как в первом, так и во втором случае, есть тот, кто едет, и тот, кто везет, будь это извозчик или машинист, есть маршрут, плата за проезд, есть опасность перевернуться и т.п. – все остается, как было прежде. Получается – колеса меняются, а пассажир и ситуации те же?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, что одним из первых роль технологий в истории развития человечества отметил Карл Маркс, увидевший в их развитии причину экономических и, как следствие, культурно-исторических трансформаций. Маркса интересовали глубинные исторические последствия технологических революций для человека и общества, он первым заговорил об историческом элементе в машине. Маркс зафиксировал факт появления в конце XVIII века машин в собственном смысле слова, т.е. как некой целостности, в которой соединились разрозненные орудия труда: «машина есть соединение орудий труда». Он фиксирует генеалогическую цепочку развития машин: «простые орудия, накопленные орудия, сложные орудия; приведение

в действие сложного орудия одним двигателем – руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, – вот ход развития машин» (Маркс 1955, Т. 4, С. 156). В этом качестве машины не только входят в жизнь общества, но и в процессе своего технологического развития задают его глубинные изменения. Технологии для Маркса являются отражением деятельностной природы человека: «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» (Там же, Т. 23, С. 183). Технологии являются движущей силой истории. Так, по Марксу, причинами падения устоев феодального общества стали пар, электричество, селфактор¹, которые он назвал более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распай и Бланки² (Там же, Т. 12, С. 3). Исходными технологическими предпосылками буржуазного развития Маркс считает три великих изобретения: порох, компас и книгопечатание. В «Экономической рукописи 1861-1863 гг.» он пишет: «порох взрывает на воздух рыцарство – символ Феодальной эпохи; компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития» (Там же, Т. 4, С. 156). Непосредственно материальными основами, на которых внутри мануфактуры происходит подготовительная работа для перехода к машинной индустрии Маркс называет часы и мельницу. Более того, часы стали первым автоматом, употребленным для практических (Там же, Т. 30, С. 263) целей.³ В «Нищете философии» он иронично утверждает: «Ручная

¹ Деталь ткацкого станка.

² Барбес Арман (1809-1870) – французский революционер-демократ; Распай Франсуа Венсан (1794-1878) – деятель республиканского и демократического движения во Франции; Бланки Луи Огюст (1805-1881) – французский революционер, заговорщик, утопист, коммунист.

³ Впоследствии эта идея получила развитие у М. Маклюэна: «Как производство технологии, часы представляют собой машину, которая на манер конвейерной линии производит единообразные секунды, минуты и часы. Претерпевая такую единообразную обработку, время отделяется от ритмов человеческого опыта. Короче говоря, механические часы помогают сотворить образ количественно квантифицированного и механически управляемого универсума» (Маклюэн, 2003, С. 164).

мельница дает вам общество с созерцанием во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (Там же, Т. 4, С. 133). Если следовать логике Маркса, компьютер, подобно мельнице и паровой машине, должен имплицитно влиять на общественный уклад, иную культурно-историческую реальность и, в конечном счете, вызвать к жизни новые модели самоидентификации.

Одним из родоначальников философии техники считается Эрнест Капп. Ему

В современной отечественной науке похожие идеи разрабатываются в рамках психологии телесности и теории «зонда», как универсального механизма порождения и модификации человеческой телесности и сознания

принадлежит идея «органопроекции», согласно которой орудия и оружие рассматриваются как различные виды продолжения («проекции») человеческих органов (Карр, 1877, Капп и др., 1925). Э. Капп внутренний мир редуцировал к человеческому телу, а затем, следуя этой логике, он делал вывод, что человеческая составляющая внешнего мира представляет собой не что иное, как продолжение человеческого тела и механическое подражание его различным органам. Он считал, что возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого. И, раз определяющим фактором является человеческий орган, полезность и силу которого необходимо увеличить, то и форма орудия должна исходить из формы этого органа. Отсюда следует, что множество духовных творений тесно связано с функционированием руки, кисти, зубов человека. «Искривленный палец становится мотыгой, собранная в горсть рука – чашей; в мече, в копье, в руле, в лопате, в граблях, в плуге, в трезубце можно проследить без большого труда различные направления руки, кисти и пальцев, их приспособления к работам на охоте, рыбной ловле, в саду и в поле. Как грифель есть не что иное, как удлиненный палец, так копье – удлинение руки, силу которой оно увеличивает, вместе с сокращением расстояния приближая к цели, – преимущество, которое еще умножается в дротике, свободно бросаемом по воздуху» (Капп и др., 1925,

С. 97). Идеи Э. Каппа заложили основы концепции технологического расширения человека, хотя, следует признать, что подобный подход имеет слишком упрощенный и физиологический характер.

Сама идея технологического расширения человека, как правило, относимая к Маршаллу Маклюэну, не только восходит к Карлу Марксу и Эрику Каппу, но и подробно озвучивалась Зигмундом Фрейдом. Вспомним его «Недовольство культурой». «Что касается других до-

стижений, то с ними человек вступил на путь, по которому он в дальнейшем шел все время, – нетрудно догадаться о мотивах, побудивших к их изобретению. Всеми своими орудиями человек усовершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или же раздвигает рамки их применения. Моторы предоставляют в его распоряжение гигантские силы, употребляемые, подобно его мускулам, в различных целях; пароход и самолет делают беспрепятственными передвижение по воде и по воздуху; очки корректируют недостатки хрусталика глаза; телескоп дает возможность видеть на огромные расстояния; с помощью микроскопа преодолевается граница видимости, положенная строением нашей сетчатки. Человек создал фотокамеру – инструмент запечатления текучих зрительных впечатлений; граммофонная пластинка делает то же самое со звуковыми впечатлениями. И то и другое суть материализации его способности запоминания, памяти. С помощью телефона он слышит на таком расстоянии, которое считалось невероятным даже в сказках; письменность с самого начала представляла собой речь отсутствующих; жилище – эрзац материнского лона, первого и, может быть, доныне желанного обиталища, в котором мы пребываем в безопасности и так хорошо себя чувствуем» (Фрейд, 1992, С. 89-90).

Идею о расширении человека в свое время также разрабатывал русский философ П.А. Флоренский. Задаваясь вопросом: «как может продолжаться наше

тело в том, что по строению своему, во всяком случае, не есть наше тело, и как нечто неживое может продолжать живое», и, опираясь на исследования философии техники Э. Каппа, П.А. Флоренский констатирует, что орудия расширяют область нашей деятельности тем, что они продолжают наше тело (Флоренский, 1993, С. 149). Он же делает предположение о влиянии электрических приборов на человека: «Нервная система проецируется электрическими приборами, с которыми она имеет, по видимому, более чем только формальное сходство» (Там же, С. 158).

В современной отечественной науке похожие идеи разрабатываются в рамках психологии телесности и теории «зонда», как универсального механизма порождения и модификации человеческой телесности и сознания (Тхостов, 2002). «Его смысл заключается в том, что человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей его тело и не его зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в схему тела и подчиненный движению, воспринимается как его продолжение и не объективируется» (Леонтьев А.Н., 1975, С. 61-62). Согласно этой теории, зонд выступает как внешнее расширение субъекта, формирующее новые очертания его тела.

И все же, наиболее детально и концентрированно роль технологии в мировоззрении и жизнедеятельности человека описал Маршалл Маклюэн. Поэтому в качестве отправной точки для осмысления роли технологий в трансформации идентичности мы применим его концепцию, основывающуюся на понимании медиа, как внешних расширений человека (Маклюэн, 2003). М. Маклюэн утверждал, что все технологии являются продолжением человеческого тела и его органов. Так, одежда, дом, город становятся расширением кожного покрова, колесо, автомобиль, самолет – двигательной системы человека. «Колесо есть абсолютный отделительный падеж ноги так же, как стул есть абсолютный отделительный падеж ягодиц» – говорил М. Маклюэн (Там же, С. 209).

Механические технологии являются продолжением органов нашего тела. Электрические технологии произвели революционный скачок в процессе расширения человека – они стали продолжением его нервной системы. М. Маклюэн считал, что использование любой технологической формы приводит, так или иначе, к ее интериоризации и, как следствие, к видоизменению отношения человека с реальностью сквозь призму появляющихся возможностей. Каждая новая технология в ходе ее использования меняет топологию человека, который, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек, подобно пчеле, оплодотворяет машинный мир, позволяя ему размножаться и создавать новые формы. В итоге постоянное взаимодействие, «объятие» с технологиями превращает его в некий «серво-механизм». «Именно поэтому мы, чтобы вообще пользоваться этими объектами, должны служить им – этим расширениям нас самих – как богам или в некотором роде святыням. Индеец служит серво-механизмом для своего каноэ, ковбой – для своей лошади, а руководящий работник – для своих часов. С физиологической точки зрения, человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами расширенного тела) постоянно модифицируется ею и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек превращается... в органы размножения машинного мира» (Маклюэн, 2003, С. 56).

Н. Бердяев в эссе «Человек и машина» говорил: «Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные» (Бердяев, 1933, С. 11). И речь идет не о простом умножении человеческих возможностей с помощью освоения орудий, когда топор превращается в продолжение руки, давая ей не суще-

ствующие ранее возможности, а о том, что сама картина мироздания напрямую определяется уже не натуральными, а сугубо технологическими возможностями. Любой инструмент, используемый человеком, направлен не только вовне, на объекты деятельности, но и вовнутрь самого субъекта, меняя структуру его деятельности или порождая ее новые формы (Емелин, Тхостов, 2010) и, в конечном счете, формируя новую идентичность: «личностные и социальные последствия

Каждая новая технология в ходе ее использования меняет топологию человека, который, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек, подобно пчеле, оплодотворяет машинный мир, позволяя ему размножаться и создавать новые формы

любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» (Маклюэн, 2003, С. 9).

Особое значение здесь имеет критика М. Маклюэном расхожого мнения о том, что технологии сами по себе нейтральны, а во зло или во благо их обращает сам человек. Казалось бы, это очевидно – само по себе ружье не стреляет, для чего его использовать – для защиты или убийства, определяет сам человек. Хотя, с другой стороны, мы интуитивно видим разницу между «человеком с ружьем» и человеком без него. Представления о зависимости оценки технологий от способов их использования М. Маклюэн называет гласом современного сомнамбулизма. «Представьте, что мы сказали бы: «Яблочный пирог сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или: «Вирус оспы сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или, опять же: «Огнестрельное оружие само по себе не хорошее и не плохое; его ценность определяется тем, какое ему

дают применение». Иначе говоря, если пули попадают в тех, в кого надо, огнестрельное оружие становится хорошим» (Маклюэн 2003, С. 14-15). Чтобы полностью дискредитировать такой подход, М. Маклюэн провозглашает свою знаменитую фразу: «Средство само есть сообщение» (the medium is the message)⁴. По сути, М. Маклюэн говорил о том, что формообразующей силой, заключенной в средствах коммуникации, являются сами эти средства, причем, средства ком-

муникации он понимал в самом широком смысле – как медиумы, посредники, «проводники»⁵, или же, как технологии, которые опосредуют отношения человека и мира, будь то средства передачи данных, транспорт, часы и даже деньги⁶. М. Маклюэн достаточно подробно объясняет свое понимание медиумов: ««сообщением» любого средства коммуникации или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. «Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга. И это происходило независимо от того, функционировала ли железная дорога в тропической или северной среде, и совершенно независимо от перевозимого по ней груза, или содержания железнодорожного средства сообщения» (Маклюэн, 2003, С. 9). М. Маклюэн приходит к выводу, что как личная, так и общественная жизнь зависит в большей степени от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между

⁴ Существует несколько вариантов интерпретации этого высказывания: «средство сообщения есть само сообщение», «средство само есть содержание».

⁵ Данный термин использовал Питирим Сорокин в русскоязычных работах.

⁶ Подобно словам и языку, деньги являются хранилищем сообщения накопленного труда, умения и опыта ... как письмо интенсифицирует визуальный аспект речи и порядка, а часы визуально отделяют время от пространства, так и деньги отделяют труд от других социальных функций. Даже сегодня деньги остаются языком для перевода фермерского труда в труд парикмахера, врача, инженера или водопроводчика. Как широкая социальная метафора, мост, или переводчик, деньги в любом сообществе, подобно письму, ускоряют обмен и скрепляют узы взаимозависимости. Они дают огромное пространственное расширение и огромную власть политическим организациям, точно так же, как это делают письмо или календарь. Это действие на расстоянии как в пространстве, так и во времени. В высокоразвитом письменном, фрагментированном обществе «время – деньги», а деньги – вместилище времени и усилий других людей. (Маклюэн, 2003).

собой связь, чем от содержания их сообщений. Он констатирует, что средство (или технологический процесс) нашего времени – электронная техника придает новую форму и перестраивает схемы социальной взаимозависимости, а также каждый аспект личной жизни человека.

Таким образом, чтобы понять роль технологий в формировании и трансформации идентичности необходимо исходить из того, что технологии не являются для человека играми, в которых

ния выигрышного решения в сложной партии с расстановкой шахматных фигур на доске, где одним цветом играют люди, а другим технологии. Кто из них «белые»? И кто выигрывает партию?

Более того, отношения человека с инструментами онтологически намного сложнее, чем простое умножение возможностей – расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая различный спектр отношений – от глубокой зависимости

точки эволюции человека, когда произойдет апгрейд человека путем его технологической модернизации и появится постчеловек-киборг. Подобные умонастроения ставят вопрос о сохранении родовой сущности современного человека, которую нельзя рассматривать вне контекста проблемы сохранения границ его идентичности в условиях ускоряющегося технологического прогресса.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на весь технический прогресс, схема отношений человеческого тела с технологиями осталась прежней. Как в древности успех воина зависел от умения держаться на коне и владеть мечом, от его способности слиться с ними, так и сегодня безопасность пилота истребителя зависит от способности управлять самолетом, чувствовать машину в совокупности с ее вооружением. Об этом писал А.Ш. Тхостов в рамках психологии телесности: «Культурная история человека, история создания орудий, инструментов, метрических систем, способов действия, технологий и др., – это одновременно история формирования и человеческого тела, и конфигурации субъект-объектного членения. Инструмент лишь тогда становится «орудием», когда он хорошо освоен и перестает существовать в качестве объекта, на границе с которым действует субъект. Вписываясь в схему моего тела, он транспонирует границу субъект-объектного членения к другому объекту, на который становится направлена моя активность. Пианист начинает не нажимать на клавиши, а играть музыку, художник – не рисовать линию, а писать картину, ремесленник – работать не с инструментом, а с объектом труда, ребенок – не гулить, а говорить» (Тхостов, 2002). По сути, получается, что в культурно-историческом контексте модель «субъект-объектного» членения всегда зависела от технологий, которые, расширяя его возможности, расширяли и его телесность.

Исследователи современной культуры и ее патологии приходят к выводу, что мы столкнулись с «хищными технологиями века» (Тхостов, Сурнов, 2005). Маленькие полезные изобретения из помощников человека превращаются на наших глазах в его «господ», в отсутствии которых он начинает чувствовать свою уязвимость и незащищенность. Да,

Отношения человека с инструментами онтологически намного сложнее, чем простое умножение возможностей – расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая различный спектр отношений – от глубокой зависимости и неприязни до восторженного восхищения или иррационального страха, но никогда не оставляют его безучастным

он задает свои правила. Не правильно говорить о нейтральности инструмента в том смысле, что функция ножа нейтральна, но он может служить разным задачам в руках хирурга и убийцы, так как появление ножа сформировало новую модальность действия и для того, и для другого – расширение возможностей человеческого тела не связано напрямую с задачами, которые стоят перед человеком.

Если признать идею нейтральности, то говорить о технологическом воздействии на человека не имеет смысла – вопрос переходит в неverified плоскость валюативных суждений. Где тут разобрать, на чьей стороне правда, ведь использование технологий будет определяться ценностями, идеалами, нормами, конвенциями и т.п. Но, если мы признаем, что технологии не нейтральны, тогда их можно оценивать с точки зрения позитивного/негативного влияния. Один вариант исходит из идеи априорного блага прогресса – развитие технологий в данном случае будет оцениваться как положительный императив, обоснованный ростом удобств и качеством жизни. В такой импликации превалирует позитивное начало – нет причин даже задумываться над обратной стороной связи между человеком и совершенствующими его быт и бытие технологиями, можно просто расслабиться и наслаждаться ими. Другой вариант требует ответов и выработки правильного хода мысли для получе-

и неприязни до восторженного восхищения или иррационального страха, но никогда не оставляют его безучастным. Человек окружил себя совершенными и, в силу их совершенности, незаменимыми для него вещами, без которых он уже не может сохранять привычное состояние (Тхостов, Емелин, 2010). Созданные для удовлетворения насущных, естественных «очевидных» потребностей индивида (на деле генерированных рекламой), «алчные» технологии становятся для него чем-то больше, чем есть, вызывая устойчивую зависимость и неизбежно трансформируя его идентичность. Машинная реальность вторгается в человеческую действительность. Оплодотворенная идеей научно-технического прогресса XX века личность XXI века в своем социотехнологическом развитии улучшенообременена технологиями.

В информационном обществе компьютерные, телекоммуникационные, транспортные, био-, нано- и другие высокие технологии стали реальной культурно-исторической силой, трансформирующей человека. Сегодня все большую популярность приобретают такие течения, как «трансгуманизм», видящие смысл развития человека в слиянии его с высокотехнологичными машинами, что ставит на повестку дня вопрос: каковы пределы технологических расширений человека? Адепты трансгуманизма всерьез обсуждают время наступления сингулярности – переломной

центральное отопление и канализация – очень удобные и полезные изобретения, но современный человек может просто погибнуть, если они на какое время прекратят свое само собой разумеющееся, невидимое, но уже управляющее человеком функционирование. Здесь происходит интереснейшая подмена: человек создает инструмент для своего комфорта, но незаметно становится зависимым от него. В самом крайнем случае речь идет об «алчных» вещах, несущих в себе соблазн, вещах, ставших большим, чем они есть на самом деле, вещах, в которых слились средство и содержание, технология и психология, и которые, помимо удовлетворения потребности, ради чего они и были созданы, начинают удовлетворять иные потребности или даже их порождать.

И, наконец, вернемся к вопросу о колесе и пассажире. Безусловно, колесо телеги и колесо скоростного поезда действуют на основе одного принципа, но сущностная разница состоит в том, что перемещение подводы соразмерно натуральным возможностям человека, а скорость поезда в несколько сотен километров в час уже превышает их, переводит на иной уровень (Емелин, Тхостов, 2014). Натуральные возможности человека не могут позволить ему преодолеть за сутки несколько часовых поясов, связаться с людьми, находящимися от него за тысячи километров, увидеть микроскопические изменения болезненных тканей, оказаться свидетелем войн, проходящих на другой стороне земного шара. Технологические расширения настолько незаметно встраиваются в картину мира, что у человека возникает иллюзия, что он действительно соучастник глобальных процессов. Он перестает замечать свои «технологические протезы», феноменологически переживая новые границы как «естественную» реальность, тем самым изменяя границы своей идентичности. Фундаментальная философская и психологическая проблема, связанная с вхождением технологий информационного общества в повседневную жизнь человека, состоит в уяснении возможных масштабов трансформации идентичности под их влиянием. Здесь мы снова вернемся к феномену расширения человека технологиями. Как отмечалось выше,

согласно М. Маклюэну, технологии эффективно расширяют мускульные возможности человека, расширяют его органы чувств, нервную систему. Однако М. Маклюэн не предполагал, что медиа станут продолжением высших психических функций, создавая новые формы мышления, памяти, внимания и способы удовлетворения потребностей. М. Маклюэн говорил, что трансформации технологий имеют характер органической эволюции, поскольку все технологии –

Технологические расширения настолько незаметно встраиваются в картину мира, что у человека возникает иллюзия, что он действительно соучастник глобальных процессов. Он перестает замечать свои «технологические протезы», феноменологически переживая новые границы как «естественную» реальность, тем самым изменяя границы своей идентичности

расширения нашего физического бытия (Маклюэн, 2003, С. 207). Вопрос в том, какие формы примет и какие векторы выберет эта техно-органическая эволюция.

Идею о том, что машины, а именно, компьютеры представляют собой новый виток развития психики, генезиса его мозга предлагает Г.В. Лосик в лемме об антропогенной природе информационных технологий. Суть его предположения состоит в том, что эволюция психики человека пошла путем технического наращивания возможностей мозга, компьютерного расширения функций памяти и мышления, т.е. филогенез психики принял форму техногенеза (Лосик, 2013). В отличие от радикальных трансгуманистов, Г.В. Лосик не говорит о соединении человеческого и машинного разума, скорее речь идет об увеличении возможностей сознания, путем использования технологической периферии, главным образом, компьютеров, телекоммуникационных сетей и систем виртуальной реальности. Вместе с тем, он отмечает, что данные процессы филогенеза новых форм мышления становятся необратимыми, приводят к видоизменению высших психических функций. С этим трудно не согласиться, так как налицо процессы сокращения вербальной формы мышления, дедуктивные и индуктивные формы рассуждения вытесняются интуитивным и образным мышлением, устная речь начинает терять связанность и постепенно замещается текстовыми сообщениями, опосредованными компью-

тером. Из своей леммы Г.В. Лосик делает достаточно неоднозначный вывод, что «компьютерный прогресс не является ветвью технического прогресса, это не прогресс развития материи, а просто иная форма кодирования мозговой информации, в которой материя выступает лишь носителем информации. Это не адаптация техники к человеку или человека к технике, а филогенетическое явление – новый виток развития психики отдельного человека» (Лосик, 2013,

С. 63). Данное заключение трудно принять безоговорочно. Безусловно, компьютерные технологии являются расширением возможностей психики человека, но в рамках данной логики мы имеем ликвидацию водораздела между человеческим и машинным разумом, но не путем киборгизации человека, как у трансгуманистов, а путем очеловечивания машин, что выглядит слишком претенциозно и радикально.

Интересен предложенный П.Д. Тищенко концепт «человек-машина, в основу которого положено понимание «одомашнивания» технологий как «двусубъектного» процесса. П.Д. Тищенко проводит аналогию между освоением технологий и приручением животных: «одомашнивая вепря в свинью, человек сам проходит процесс одомашнивания, превращаясь из дикого человека в «образованного» свиновода» (Тищенко, 2014, С. 64). То же самое, утверждает он, можно сказать и о машине, как форме одомашненной природы, задающей одновременно программу одомашнивания самого человека. Человек проецирует себя в машинную среду, превращая ее в средство реализации собственных потребностей. Но в этом же процессе техногенная среда проецирует себя в психосоматическое существо самого человека, задавая для него программу преобразования для чувственности и рациональной деятельности, приуроченной к действию всевозможных технических устройств (Тищенко,

2012). В таком подходе, являющимся развитием восходящего к К. Марксу и Э. Каппу принципа «органопроекции», интерес представляет именно идея двусторонности отношений, взаимодополнительности человека и машины, исключая подавление одной стороны другой, равно как и буквальное включение друг в друга, симбиоз сторон – трудно представить, что в процессе ухода за животными свиновод отчасти «освинячивается», а свинья «очеловечивается».

Одним из эпиграфов к статье были выдержки слова Карла Маркса, в которых звучит мысль, что созданные человеческой

технологии в ходе их использования меняют не только топологию человека, расширяют и дополняют его натуральные возможности, но и трансформируют высшие психические функции. Более того, коммуникативные технологии не просто дополняют или расширяют, но и опосредствуют психические процессы и отношения людей. В качестве примера возьмем самый популярный в последнее время гаджет – смартфон. Мало какое средство коммуникации так воплощало идею «гибридного смещения» медиа М. Маклюэна. В этом устройстве соединились телефон и телеграф, радио и телевидение, кни-

три-четыре номера. А зачем, ведь есть записная книжка у телефона – функция памяти отдана гаджету и становится ненужной. Еще буквально несколько лет назад студенты переписывали расписание, записывали лекции, а сейчас они фотографируют объявления на стене и слайды на занятиях. Утрачиваются навыки письма ровным почерком, так как изменяется моторика пальцев, зато приобретается умение быстрого набора текстов на сравнительно небольшой клавиатуре сенсорного экрана. Не приходилось ли вам наблюдать, как водитель автомашины не планирует когнитивную карту маршрута, как он смотрит больше не на дорогу, а на стрелку навигатора, как пешеход, не глядя по сторонам, находит свой путь на экране смартфона?

В эру цифровых мобильных технологий утрачивается способность человека к ориентации в пространстве. Здесь можно добавить потерю навыков счета в уме, грамотного письма без помощи автопроверки орфографии или предиктивной системы набора текстов, восприятия длинных мыслей, чтения «толстых» книг, а главное, видоизменение моделей общения людей между собой. Уже без подробного описания механизмов и деталей ясно, что современные технологии являются определяющим фактором в трансформации высших психических функций в условиях развития информационного общества.

Причем, имеются в виду именно современные нам технологии, ведь многие авторы в духе трансгуманистов считают, что трансформация человека впереди, что в будущем произойдет нечто, что полностью преобразует природу человека. Но, как отмечает А.Ш. Тхостов, речь идет «не о научно-фантастическом будущем, а о настоящем, том, что уже наступило или наступает, а технологии – это не некие еще неясные самим приверженцам трансгуманизма космические усовершенствования или неожиданные открытия, которые вообще изменяют человека, а самые обыденные технологии, которыми мы пользуемся: телевизор, компьютер, калькулятор, ридер, интернет, мобильный телефон, навигатор, железные дороги, авиация и пр.» (Тхостов, 2013, С. 186).

Как уже говорилось выше, технологии всегда были фактором измене-

Человек проецирует себя в машинную среду, превращая ее в средство для реализации собственных потребностей. Но в этом же процессе техногенная среда проецирует себя в психосоматическое существо самого человека, задавая для него программу преобразования для чувственности и рациональной деятельности, приносившей к действию всевозможных технических устройств

рукой машины являются органами человеческого мозга (Маркс, 1955, Т. 46, Ч. II, С. 203). В «Капитале» Маркс, развивая мысль о том, что технологии являются человеческими органами (органопроекция), проводит параллели между биологической и технологической эволюциями: «Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, ко-

га и тетрадь, фото- и видеокамера, часы и будильник, кино, калькулятор, диктофон, навигатор, игровая приставка, магазин для покупок, средство расплаты за них, электронный билет, туристический гид и даже турагентство с авиакассой, компьютер с выходом в интернет и возможностью установки любых приложений. Не правда ли, внушающий список? И явно не полный. Возникает резонный

В эру цифровых мобильных технологий утрачивается способность человека к ориентации в пространстве. Здесь можно добавить потерю навыков счета в уме, грамотного письма без помощи автопроверки орфографии или предиктивной системы набора текстов, восприятия длинных мыслей, чтения «толстых» книг, а главное, видоизменение моделей общения людей между собой

торые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?» (Там же, Т. 23, С. 383). Технические средства всегда были необходимыми элементами культуры, определяющими факторами общественного развития. При этом на протяжении тысячелетий они скорее лишь облегчали человеку те или иные действия, существенно не преобразовывая его натуральных возможностей. Современные

вопрос: при чем же здесь высшие психические функции? Учитывая, что вряд ли можно найти более транспарентный пример влияния инструментов на использующего их человека, чем смартфоны – «нателные трансформеры идентичности». Продемонстрируем, как ряд технологий, включенных в функции этих гаджетов, изменяют человека. Вспомним недавнее «аналоговое» прошлое, когда телефоны еще были с вращающимися дисками, а в нашей памяти чудесным образом умещались минимум пара десятков номеров, в то время как сегодня большинство держит в голове в лучшем случае где-то

ния идентичности человека. Но именно в информационном обществе эти процессы набрали не только невиданный ранее масштаб, но и скорость реализации. В ходе жизни одного поколения сменился ряд технологий, принципиально превосходящих предыдущую форму. Сейчас мало кто задумывается, что телега или запряженная повозка были основным видом транспорта с доисторических времен вплоть до второй половины XX века. От счетов в магазине, которыми пользовались еще в восьмидесятых годах прошлого века, к калькулятору и далее к компьютерному кассовому аппарату и терминалу для кредиток; от механической, электрической, электронной пишущей машинки к текстовым компьютерным редакторам. От бобинных магнитофонов через кассеты, CD и DVD к Blue-Ray и медиа-плеерам. Человек оказался в ситуации необходимости постоянного освоения новых технологий, ведь сам фактор владения и умения пользоваться современными технологическими медиумами становится условием обретения социального статуса индивида. Тот, кто по каким-либо обстоятельствам не может или не хочет ими пользоваться, вызывает, по меньшей мере, удивление, а в большинстве случаев – обвинение в несостоятельности или некомпетентности.

Сегодня трудно объективно говорить о технологиях, дать им непредвзятую философскую и психологическую оценку. Причина этого обусловлена их тотальным вхождением в жизнь человека информационного общества, во влечении их в обыденность повседневности, в незаметном, но при этом довольно значительном преобразовании образа мыслей, поведения и, в конечном счете, самой идентичности человека. Извечный экзистенциальный вопрос соответствия существования и сущности человека переходит в новую ипостась. «Я» индивида информационного общества оказывается неразрывно связано в большей степени, чем когда либо ранее, со своим технологическим продолжением. Человек становится не только биологическим, социальным, но и технологическим существом. Рождается НОМО TECHNOLOGICUS. Составной, необходимой, в конечном счете, генетически неотъемлемой частью его сущности становятся беспрестанно

совершенствующиеся машины. Человек информационного общества уже неразрывно связан с ними.

Возникает прагматический вопрос: что делать далее в сложившейся непростой ситуации? Ответ здесь не может быть однозначным. С одной стороны, неправильно будет пытаться избавиться от «умных» машины, с другой – неверно плыть по течению, отрешенно поглаживая сенсорный экран смартфона и слушая в наушниках MP3 аудио-книгу, сидя в кресле оборудованного Wi-Fi скоростного экспресса. В отношении к технологиям нет места ни мрачным пророчествам, ни восторженному оптимизму. Призывать к отказу от них бессмысленно и контрпродуктивно. Мы еще можем их ненавидеть, но уже не можем без них жить. А главное, что необходимо постоянно иметь в виду: не следует закрывать глаза и считать повсеместно и повседневно окружающие нас электронные медиа невинными гаджетами. Человек информационного общества, НОМО TECHNOLOGICUS должен быть всегда на чеку по отношению к соблазнам сверхтехнологичного машинного мира, дабы не превратиться в его придаток. Для этого не нужно отворачиваться от преимуществ, которые нам дают технологии, но надо всегда пытаться понять, осознать, что они еще несут нам кроме себя самих. Расширяться возможно лишь до определенного предела.

Вопрос о том, сможет ли сделать счастливым человека сращивание с технологиями, превращение в киборга, становится ключевым при понимании дальнейших путей развития технологического расширения человека. Не стоит абсолютизировать мысль, что технология – это силок, в который попал «киборгизированный кролик», он же НОМО TECHNOLOGICUS, ослабленный цифровым опиумом культуры информационного общества, но не следует и отделять мир машин от мира людей, наделяя первый эпитетом «виртуальный», а второй – «реальный», и смешивая все вместе в броском сочетании «виртуальная реальность». Но кроме объективной технологической виртуальности и субъективной человеческой реальности существует еще элементарная действительность,

данность информационного, технологически пронизанного общества, в котором наш мир обречен жить. Интуитивно мы понимаем, что избавление от телевизора, телефона, компьютера – от этих трех апостолов силы технологического вторжения машин-слуг не приведет нас к искомому балансу равновесия. Скорее всего, основой решения станет следование принципу соразмерности. А сейчас ограничимся гипотезой: технологии должны быть соразмерны натуральным возможностям и способностям человека в объективных условиях нашего мира и служить не упрощению, а развитию человека. Индивиду информационного общества и порожденным им технологиям следует обрести некую гармонию, быть может, подобную той, которую имели древние греки. Для них принципы соблюдения меры и «заботы о себе» стали основой сосуществования с телом, полисом и природой (Фуко, 1998). Именно идея соразмерности вдохновила их на создание памятников Древней Греции, которые до сих пор воспринимаются как образец осмысленного единства человека и его творений. Они не подавляют. Наследниками гармоничных эллинов стали несоразмерные своим гигантским творениям римляне, подавившие сначала все Средиземноморье, а затем и себя. «Греческая душа и римский интеллект ... Так различаются культура и цивилизация» (Шпенглер, 1993, С. 164). Сегодня плод культуры западного типа – технологическая зависимость, неся за собой соблазны легкой жизни, стремится распространиться в качестве вектора цивилизации на всю неожиданно ставшую обозримой, будто в придуманной М. Маклюэном «глобальной деревне», поверхность земного шара. Массово привитая инъекция неосмысленных технологий убивает самобытность идентичности НОМО TECHNOLOGICUS, и последствия этих трансформаций не должны быть непредсказуемыми.

*Статья подготовлена
в рамках проекта Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ)
«Трансформация высших психических
функций в условиях развития
информационного общества
(культурно-исторический подход)»,
грант №14-06-00730.*

Литература:

- Бауман З. Текучая современность. – Санкт-Петербург, 2008.
- Емелин В.А. Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 19-26. DOI: 10.11621/npj.2014.0203
- Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 84–90.
- Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 42–52
- Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. – Ленинград, 1925.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – Москва, 1975.
- Лосик Г.В. Лемма об антропогенной природе информационных технологий // Наука и инновации. – 2013. – № 5 (123). – С. 61–65.
- Маклюэн М. Понимание медиа. – Москва, 2003.
- Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. В 50 тт. – Москва, 1955.
- Н. Бердяев. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1938. – № 38. – С. 147–162.
- Тищенко П.Д. К вопросу о внутреннем смысле enhancement technologies (ET) // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19. – Москва, 2014. – С. 59–71.
- Тищенко П.Д. Человек-NBICSc-машина: истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 13. Человек – NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, ИФРАН, – 2012. – С. 17–27.
- Тхостов А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. – Москва, 2013. – С. 186–198.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М., 2002.
15. Тхостов А.Ш., Емелин В.А. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.11.2015).
- Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 15–23.
- Флоренский П.А. Органопроекция // Русский космизм: антология философской мысли. – Москва, 1993.
- Фрейд З. Недовольство культурой. – Москва, 1992.
- Фуко М. Забота о себе. – Киев, 1998.
- Шпенглер О. Закат Европы. – Москва, 1993.
- Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. – Westermann, 1877.

References:

- Bauman, Z. (2008) The fluid present. St. Petersburg.
- Berdyayev, N. (1989) Man and machine. (The problem of the sociology of art and metaphysics). [Voprosy filosofii], 2, 147–162.
- Emelin V.A. (2014). Loss of privacy: identity in the context of technological control. National psychological journal. [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2, 19–26. DOI: 10.11621/npj.2014.0203
- Emelin, V.A., & Tkhostov, A.Sh. (2010) Technological temptations of the information society: the outer limit of human extensions. [Voprosy filosofii].5, 84–90.
- Emelin, V.A., & Tkhostov, A.Sh. (2014) The transformation of the natural geography: technological and cognitive maps. [Voprosy filosofii].2, 42–52.
- Florensky, P.A. (1993) Organ projection. [Russkiy kosmizm: antologiya filosofskoy mysli]. Moscow.
- Foucault, M. (1998) Care of the self. Kiev.
- Freud, S. (1992) Civilization and its Discontents. Mosco
- Kapp, E. (1877) Grundlinien einer Philosophie der Technik. Westermann.
- Kapp, E., Coon, G., Noire, L., & Espinas, A. (1925) The role of tools in human development. Leningrad.
- Leontiev, A.N. (1975) Activity, consciousness, personality. Moscow.
- Losik, G.V. (2013) Lemma of anthropogenic nature of information technology. [Nauka i innovatsii]. 5 (123), 61–65.
- McLuhan, M. (2003) Understanding Media. Moscow.
- Marx, K. & Engels, F. (1955) Collected Works. 50 Vol. Moscow.
- Spengler, O. (1993) Decline of the West. Moscow.
- Tishchenko, P.D. (2014) Enhancement technologies (ET): explication of meaning. [Rabochie tetradi po bioetike]. Issue 19, 59–71. Moscow.
- Tishchenko, P.D. (2012) Man-machine NBIC: interpretation of the meaning. [Rabochie tetradi po bioetike. Vypusk 13. Chelovek-NBIC mashina: issledovanie metafizicheskikh osnovaniy innovatsionnykh antropotekhnicheskikh projektov]. Issue 13, 17–27, Moscow.
- Tkhostov, A.Sh. (2013) Shine and poverty transhumanism. [Mesto i rol' gumanizma v budushchey tsivilizatsii], 186–198. Moscow.
- Tkhostov, A.Sh. (2002) Psychology of corporeality. Moscow.
- Tkhostov, A.Sh., & Emelin, V.A. (2010) From Tamagotchi to the virtual collar: the boundaries of technology neutrality. [Psikhologicheskie Issledovaniya. Journal Editorial Board], 6 (14), 15–23. URL: <http://psystudy.ru> - (reference date: 09.11.2015).
- Tkhostov, A.Sh., & Surnov, K.G. (2005) The impact of modern technology on personal development and formation of pathological forms of adaptation: the reverse side of socialization. [Psikhologicheskii zhurnal]. Vol. 26, 6.

Применение теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности

Е.Н. Львова, Е.И. Шлягина, А.Н. Гусев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 16 декабря 2015/ Принята к публикации: 27 декабря 2015

Using the Rosenzweig frustration picture test in the study of coping behaviour in the situation of uncertainty

Elena N. L'vova*, Elena I. Shlyagina, Aleksei N. Gusev

Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

Received: December 16, 2015 / Accepted for publication: 27, December 2015

*Corresponding author. E-mail: enlvova@hotmail.com

В статье подчеркивается актуальность психологии совладания и ее востребованность в связи с возрастающим интересом к феномену неопределенности. Предлагается понимание совладания как сложного установочного образования, обладающего уровневой структурой. Обосновывается необходимость рассмотрения особенностей совладания как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне. Обсуждается недостаточная прогностическая сила опросных методов, традиционно применяемых для исследования особенностей совладания, и незаслуженный недостаток внимания со стороны исследователей к проективным методам, которые незаменимы при диагностике неосознаваемых компонентов совладания. В связи с изменением представлений о диапазоне трудных жизненных ситуаций и смещением фокуса внимания на субъективное восприятие трудности, предлагается рассмотрение ситуаций фрустрации как повседневных трудных жизненных ситуаций. Содержательно обосновывается возможность применения теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга для диагностики неосознаваемых компонентов совладания. Это уровень изучения смысловых установок, лежащих в основе совладающего поведения. Представлены результаты эмпирического исследования связей между направлением и типом вербальных реакций во фрустрирующих ситуациях и личностными характеристиками субъекта (толерантность/интолерантность к неопределенности, общая осмысленность жизни, личностная тревожность, уровень субъективного контроля). Участниками выполненного исследования стали 199 педагогов средних образовательных школ, средний возраст 40,6 лет. Было показано существование значимых связей между отдельными типами и направлениями реакций и личностными характеристиками, использовалась процедура «Обобщенные линейные модели». Представленное в статье обсуждение полученных результатов вместе с ранее имевшимися данными показало наличие возможных опосредствованных связей между отдельными стратегиями совладания и типами вербальных реакций по тесту С. Розенцвейга.

Ключевые слова: совладание, фрустрация, неопределенность, толерантность к неопределенности, обобщенная линейная модель, педагоги.

The paper highlights the relation between the relevance of coping behaviour and increasing interest to phenomena of uncertainty. The reviewing of coping as complicated setting notion including several levels is offered. The relevance of studying conscious and unconscious levels of coping is validated. Using coping questionnaires' deficit of prognosis validity and the relevancy of using projective methods that are effective and useful in diagnostics of coping' unconscious components are discussed. Due to the changes in viewing difficult life situations' range and focusing on subjective perception of difficulties, the frustration situations are reviewed as difficult daily life situations. The Rosenzweig Picture Frustration test could be used for diagnosing coping' unconscious components that compose meaning set level and coping behaviour basis.

The relations among personal characteristics (tolerance/intolerance to uncertainty, noetic orientations, personal anxiety, locus of control) and three types and three directions of subjects' responses in test' situations were examined, generalized linear models were used. The subjects of the research are 199 teachers from secondary schools of Russian Federation, mean age is 40.6 years old. The results showed significant relations between particular personal characteristics and types and directions of the responses: ego-defense type and tolerance to uncertainty, obstacle-dominance type and personal anxiety, intro-punitive direction and personal anxiety, obstacle-dominance type and noetic orientations. The common discussion of current results and results obtained in previous studies demonstrates potential existence of mediating relations between particular coping strategies and types and directions of subjects' responses in the Rosenzweig Picture Frustration test.

Key words: coping, frustration, uncertainty, tolerance to uncertainty, generalized linear model, teachers.

Рост интереса к изучению феномена совладания с трудными жизненными ситуациями во многом связан с пониманием совладания как психологической реальности процесса «встречи» человека эпохи перемен с изменяющейся действительностью (Белинская, 2009). Данное определение как нельзя лучше иллюстрирует актуальность психологии совладания в контексте воз-

совладания в условиях неопределенности как нового и перспективного направления (Львова, Митина, Шлягина, 2015б).

Понимание совладания как сознательного поведения, реализуемого с помощью осознанных действий, согласно личностным особенностям и ситуации (Крюкова, 2010), на наш взгляд, ограничивает возможности исследователя при описании феноменологии этого процес-

Понимание совладания как сознательного поведения, реализуемого с помощью осознанных действий, согласно личностным особенностям и ситуации, на наш взгляд, ограничивает возможности исследователя при описании феноменологии этого процесса, поскольку из анализа исключается активность субъекта совладания, которая может также осуществляться на неосознаваемом уровне

растающего внимания психологов к проблеме неопределенности (Зинченко, 2007; Корнилова, 2010; Белинская, 2014; Асмолов, 2015; Леонтьев, 2015 и др.). Это дает основания для изучения особенностей

са, поскольку из анализа исключается активность субъекта совладания, которая может также осуществляться на неосознаваемом уровне. Исходя из представлений А.Г. Асмолова об уровнях установок

как механизмов, предоставляющих возможность сохранить устойчивость поведения человека в изменяющемся мире (Асмолов, 1979, 2015), и работ других авторов, обсуждающих уровневое строение совладания (Никольская, 2008, Леонтьев, 2013), мы полагаем, что данный феномен необходимо рассматривать как сложное установочное образование с уровневой структурой. Его изучение должно выполняться одновременно на каждом уровне с применением соответствующих методических приемов.

Первый уровень – осознаваемый уровень совладания, на котором исследуются представления человека о своем поведении в трудной жизненной ситуации. В качестве методических средств преимущественно применяются опросные методики. Выбор данного уровня анализа возможно и определил понимание феномена совладания как осознанного и отличающегося по этому параметру от защитного поведения. Однако психологи хорошо знают, что результаты, полученные на этом уровне анализа, рефлексированы испытуемым, сознательно им контролируются и могут быть подвержены влиянию социальной желательности, при этом в большинстве исследований также отмечается ретроспективное изменение стратегий совладания (Рассказова, Гордеева, 2011). Анализ совладания на осознаваемом уровне является условием необходимым, но не достаточным. Прогностическая сила полученных на этом уровне результатов невысока. Известно, что человек, декларирующий свое стремление найти компромиссное решение трудной жизненной ситуации, а иногда и искренне убежденный в этом, в реальности может спастись или развязать конфликт. О чем свидетельствует, например, стенфордский тюремный эксперимент Ф. Зимбардо (Зимбардо, 2014).

Второй уровень анализа – интерсубъективный, когда речь идет о трудной жизненной ситуации, возникшей при взаимодействии людей в ходе их совместной деятельности. На этом уровне изучаются операциональные установки совладания, регулирующие взаимоотношения участников трудной жизненной ситуации. Это производится в процессе различных тренингов с использованием всех видов наблюдения.



Елена Николаевна Львова – психолог кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: enlvova@hotmail.com



Елена Ивановна Шлягина – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: e.shlyagina@gmail.com



Алексей Николаевич Гусев – доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: angusev@mail.ru

Третий – глубинный уровень анализа совладающего поведения. Это уровень изучения смысловых установок¹, лежащих в основе совладающего поведения, тот уровень неосознаваемого совладания, который многие исследователи относят к категории психологической защиты. Если мы рассматриваем стратегии совладания как медиатор, с помощью которого глубинные психологические конструкты обеспечивают саморегуляцию поведения в стрессовой ситуации (Рассказова, Гордеева, 2011), то, по нашему мнению, очевидна необходимость и актуальность данного уровня анализа совладания.

Количество работ, где вместе с опросными методами используются и проективные такие как, например, методики «Плачущий человечек» (Гуцина, 2005), «Человек под дождем» (Хазова, Вершина, 2010), «Образ мира» (Меньшикова, 2013), незначительно. В настоящее время для диагностики совладания также начали использовать нарративные методы, субъективные отчеты, метод наблюдения, изучение документов и продуктов деятельности совладающего субъекта (Крюкова, 2010; Рассказова, Гордеева, 2011). Однако на сегодняшний день недооцениваются возможности использования проективных методов, способных верифицировать данные, полученные с помощью опросных методик.

В настоящем исследовании мы предлагаем обратиться к диагностике именно неосознаваемых компонентов совладания и рассмотреть возможности теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в контексте исследования особенностей совладания. Традиционно тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга относят к классу проективных методов, которые позволяют избежать искажения результатов, возможных при применении опросных методик, и предоставляют возможность исследовать неосознаваемые особенности поведения. Применяя данный тест, можно получить не только ка-

чественные, но и количественные данные, что представляет интерес при проверке статистических гипотез в научных исследованиях (Виноградова, Рыжов, 2011, 2012).

В основу теста рисуночной фрустрации легла теория фрустрации С. Розенцвейга. В ее рамках были разработаны представления об уровнях психологической защиты индивида, типах фрустрации и фрустраторов, формах проявления фрустрации и типах реакции на нее. Отдельно стоит отметить понятие фрустрационной толерантности или устойчивости к фрустрирующим ситуациям. Последняя может быть представлена в разных формах в зависимости от уровня психобиологической адаптации (Левитов, 1967). Н.Д. Левитов подчеркивает необходимость рассмотрения фрустрации «в контексте более широкой проблемы выносливости по отношению к жизненным трудностям и реакции на эти трудности» (курсив наш) (Левитов, 1967, С. 118). Ф.Е. Василюк отмечает, что фрустрация возникает в условиях трудности (курсив наш) жизненного мира при внутренней необходимости реализации мотива. Он выделяет ее в качестве одного из видов критических ситуаций в предлагаемой им типологии (Василюк, 1984).

Признание наличия объективной трудности и определение фрустрации как «состояния человека, выражающегося в характерных особенностях переживаний и поведения, и вызываемого объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или к решению задачи» (Левитов, 1967, С. 120) подтверждают, что фрустрация может выступать как трудная жизненная ситуация. При этом трудности могут быть индикаторами неопределенности, которая может проявиться в множественности путей преодоления препятствий, в непредсказуемости и в невозможности управлять препятствиями.

Настоящее исследование было выполнено с целью эмпирической проверки возможностей использования теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга для исследования особенностей совладания. Предпринята попытка определить наличие и характер связи между направлением и типом вербальных реакций в фрустрирующих ситуациях и личностными характеристиками субъекта (толерантность/интолерантность к неопределенности, личностная тревожность, общая осмысленность жизни, уровень субъективного контроля), которые могут принимать участие в выборе различных стратегий совладания (Львова, Митина, Шлягина, 2015а, б).

В данном исследовании проверялась эмпирическая гипотеза о наличии связи между указанными личностными характеристиками и направлениями и типами реакций по тесту С. Розенцвейга.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 199 педагогов средних образовательных школ из четырех регионов Российской Федерации (Курск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Москва), средний возраст – 40,6 лет, стандартное отклонение – 10,5 лет, мужчины – 3%, женщины – 97%.²

Участникам исследования были предъявлены проективный тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга (Тарабрина, 1994) и опросные методы: опросник толерантности к неопределенности С. Баднера³ (Солдатова, 2003), тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2006), шкала самооценки уровня тревожности Ч. Спилбергера, Ю. Ханина (Костина, 2002), методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Бажин, Гольнкина, Эткин, 1993). Для каждого участника исследования был подготовлен индивиду-

¹ Смысловая установка – это «выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности» (Асмолов, 2002, С. 89).

² Профессиональная принадлежность и демографические характеристики участников исследования ограничивают возможности генерализации данных за пределами настоящего исследования. Тем не менее, полученные результаты могут быть востребованы как при практической работе с педагогами, так и при планировании других исследований, посвященных особенностям совладания.

³ Использовалась авторская модификация данного теста, включающая только две шкалы (Львова, 2008). Похожая структура опросника С. Баднера была получена в работе Корниловой и Чумаковой (Корнилова, Чумакова, 2014).

альный комплект, в котором в указанном порядке были представлены инструкции и тексты (стимульный материал) методик. Методики выполнялись в группах по 10-15 человек.

С помощью теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга были оценены тип и направление реакции каждого испытуемого, после чего подсчитано общее количество реакций каждого типа и направления, выделены преобладающие тип и направление реакции. Оценка типа и направлений реакций выполнялась при участии группы из трех экспертов, профессиональных психологов, имеющих значительный опыт работы с данной методикой.

По опроснику толерантности к неопределенности С. Баднера оценивались показатели толерантности/интолерантности к неопределенности (далее ТН/ИТН соответственно). По шкале самооценки уровня тревожности Ч. Спилбергера, Ю. Ханина оценивался уровень личностной тревожности (далее ЛТ). По тесту смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева оценивался общий показатель осмысленности жизни (далее ОЖ). По методике «Уровень субъективного контроля» (УСК) оценивался показа-

тной надежности шкал опросников с вычислением коэффициента α Кронбаха, построены таблицы сопряженности и выполнена оценка различий отношения логарифмов правдоподобия биномиальных оценок, которые рассчитывались с помощью процедуры «Обобщенные линейные модели» (распределение – биномиальное, функция связи – пробит-связь) (далее «ОЛМ»).

Результаты и их обсуждение

1. Проверка надежности шкал опросников.

Внутренняя согласованность пунктов шкал опросника толерантности к неопределенности С. Баднера оказалась удовлетворительной для последующего анализа данных: для шкалы ТН величина α Кронбаха составила 0,51, для шкалы ИТН – 0,62. Хотя эти шкалы отрицательно связаны друг с другом ($r = -0,318$, $p = 0,01$), они не являются абсолютно антонимичными.

Проверка одномоментной надежности для шкал ЛТ, ОЖ, УСК показала достаточную внутреннюю согласованность, величина α Кронбаха составила

две подвыборки: в первую группу вошли испытуемые с низким уровнем выраженности данной характеристики, во вторую группу – испытуемые с высоким ее уровнем.

2. Связь реакций с фиксацией на самозащите и толерантностью к неопределенности.

В таблице 1 показаны изменения частоты использования реакций с фиксацией на самозащите в группах учителей с низким и высоким уровнем ТН. Полученные данные указывают на уменьшение частоты использования реакций, направленных на самозащиту, с ростом уровня ТН.

Для статистической оценки различия частот в группах испытуемых с высоким и низким уровнем ТН использовалась процедура «ОЛМ». Различия частот реакций с фиксацией на самозащите в этих группах оказалось статистически значимым ($B = 0,384$, $p = 0,05$, 95% ДИ: 0,008 – 0,759)⁶.

Это означает, что частота появления реакций с фиксацией на самозащите у учителей с низким уровнем ТН в 1,47 раз выше, чем у учителей с высоким уровнем ТН. Полученный результат может свидетельствовать о том, что при более высоком уровне терпимости по отношению к новым, незнакомым обстоятельствам, к сложности и неизвестности фрустрирующие ситуации перестают восприниматься как угрожающие, растет уровень фрустрационной толерантности, человек становится способен противостоять возникающим трудностям, не утрачивая способности к адекватной оценке происходящего. Однако значительный рост ТН может указывать и на отсутствие критичности к происходящему, что может способствовать потере способности к его адекватной оценке, вследствие чего объективно существующие трудности такковыми восприниматься не будут. И, как следствие, будет иметь место снижение использования самозащитных реакций.

Можно предположить, что учителя, нетерпимые к новому и неизвестному,

Таблица 1. Сопоставление уровня толерантности к неопределенности и реакций с фиксацией на самозащите.

	Низкий уровень ТН	Высокий уровень ТН	Итого
Отсутствие преобладания реакций с фиксацией на самозащите	27	32	59
Преобладание реакций с фиксацией на самозащите	81	51	132
Итого	108	83	191 ⁴

Table 1. Comparison of tolerance for uncertainty and reaction to fixation on self-defense.

	Low Level, TL	High Level, TL	Total
Lack of reactions fixed on self-defense	27	32	59
Prevalence of reactions fixed on self-defense	81	51	132
Total	108	83	191 ⁴

тель общей интернальности (далее ИО).

Для анализа эмпирических данных была выполнена проверка одномомен-

0,873, 0,870 и 0,808, соответственно.

Затем по результатам каждого опросника испытуемые были разделены на

¹ Количество участников исследования, чьи результаты учтены в таблицах сопряженности здесь и далее, может не совпадать с общим количеством участников исследования, в силу отсутствия данных по отдельным методикам.

² The number of participants of the research, whose results are included in the contingency tables hereinafter, may not coincide with the total number of participants, due to lack of data on individual procedures.

³ Коэффициент B – оценка логарифма отношения правдоподобия, а ДИ – величина 95%-го доверительного интервала.

будут склонны во фрустрирующих ситуациях воспринимать трудности, препятствующие достижению цели, как угрозы их благополучию и поэтому будут активно защищать себя и свое «Я» различными способами. В данном контексте целесообразно упоминание о фрустрационной толерантности, обозначающей способность человека к объективной оценке ситуации и возможность предвидеть варианты выхода из нее (Тарабарина, 1994). Таким образом, можно говорить о том, что ТН и фрустрационная толерантность пусть не синонимичны, но близкие по своему феноменологическому содержанию понятия.

Ранее было показано, что ТН опосредствует влияние общей интернальности на выбор стратегии совладания типа «плановое решение проблем» (Львова, Митина, Шлягина, 2015б). Уверенность в себе и самостоятельность (т.е. высокий уровень интернальности) в сочетании с выраженной ТН могут способствовать возникновению недооценки степени сложности трудной жизненной ситуации и, как следствие, отсутствия осознания необходимости планировать свои действия по ее преодолению. Таким образом, с высокой долей вероятности можно предположить, что учителя, обладающие низким уровнем ТН, в трудной жизненной ситуации будут склонны воспринимать ее как угрожающую, и вместо последовательных и обдуманных действий по ее преодолению будут совершать импульсивные поступки. И, наоборот, по мере роста уровня ТН учителя будут терпимее воспринимать сложившиеся обстоятельства и обращаться к использованию стратегии совладания типа «плановое решение проблем». Вместе с тем, как было показано ранее, учителя с выраженной ТН в сочетании с высоким уровнем общей интернальности будут склонны недооценивать трудную жизненную ситуацию и, возможно, совершать рискованные и малооправданные поступки.

3. Связь реакций с фиксацией на препятствии и личностной тревожности.

В таблице 2 показаны изменения частоты использования реакций с фиксацией на препятствии в группах испытуемых с низким и высоким уровнем ЛТ.

Полученные данные показывают снижение частоты использования реакций с фиксацией на препятствии при росте уровня ЛТ.

Таблица 2. Сопоставление уровня личностной тревожности и реакций с фиксацией на препятствии.

	Низкий уровень ЛТ	Высокий уровень ЛТ	Итого
Отсутствие преобладания реакций с фиксацией на препятствии	79	83	162
Преобладание реакций с фиксацией на препятствии	23	9	32
Итого	102	92	194

Table 2. Comparison of personal anxiety levels and reactions with a fixation on obstacle

	Low Level, AL	High Level, AL	Total
Lack of reactions fixed on the obstacle	79	83	162
Prevalence of fixed on an obstacle	23	9	32
Total	102	92	194

Для статистической оценки различия частот в группах с низкой и высокой выраженностью ЛТ использовалась процедура «ОЛМ». Различие частот реакций с фиксацией на самозащите в этих группах оказалось статистически значимым ($B = 0,540$, $p = 0,017$, 95% ДИ: 0,097 – 0,984). Это означает, что частота появления реакций с фиксацией на препятствии у учителей с низким уровнем ЛТ значимо в 1,72 раз выше, чем у учителей с высоким уровнем ЛТ.

Стоит отметить редкое использование реакций с фиксацией на препятствии как в группе с низким, так и в группе с высоким уровнем ЛТ. Тем не менее, с ростом уровня ЛТ значительно снижается использование реакций с фиксацией на препятствии. Такие результаты указывают на то, что:

- а) учителя, как с низким, так и с высоким уровнем ЛТ во фрустрирующей ситуации не склонны акцентировать внимание на препятствии, которое стало причиной сложившейся ситуации;
- б) с ростом уровня ЛТ происходит значительное снижение частоты использования реакций с фиксацией на препятствии.

Участникам нашего исследования, в целом, не свойственно обращать внимание и подчеркивать роль препятствия, которое стало причиной фрустрации. Однако, если это произошло, то с ростом уровня ЛТ наблюдается значимое снижение ча-

стоты использования реакций с фиксацией на препятствии. Вероятно, это связано с тем, что рост уровня ЛТ будет скорее способствовать фиксации на своем собственном внутреннем состоянии, нежели на внешних обстоятельствах.

4. Связь между интрапунитивными по направлению реакциями и личностной тревожностью.

В таблице 3 показаны изменения в частоте использования интрапунитивных реакций в группах испытуемых с низким и высоким уровнем ЛТ. С ростом уровня ЛТ увеличивается частота использования интрапунитивных реакций.

Для статистической оценки различия частот в группах с низкой и высокой выраженностью ЛТ использовалась процедура «ОЛМ». Различие частот интрапунитивных реакций в этих группах оказалось статистически значимым – $B = -0,546$, $p = 0,011$, 95% ДИ: (-0,967) – (-0,126).

Это означает, что частота появления интрапунитивных реакций у учителей с низким уровнем ЛТ в 0,579 раз ниже, чем у учителей с высоким уровнем ЛТ. Учителя с высоким и с низким уровнем ЛТ редко используют в фрустрирующих ситуациях интрапунитивные реакции. Однако с ростом уровня ЛТ их использование значимо увеличивается. Не тревожные учителя не склонны рассматривать фрустрирующую ситуацию как нечто благоприятное для себя или брать на себя ответственность за произошедшее. Тогда как среди тревожных учителей частота использования интрапунитивных реакций значимо возрастает.

Таблица 3. Сопоставление уровня личностной тревожности и интрапунитивных реакций.

	Низкий уровень ЛТ	Высокий уровень ЛТ	Итого
Отсутствие преобладания интрапунитивных реакций	90	68	158
Преобладание интрапунитивных реакций	12	24	36
Итого	102	92	194

Table 3. Comparison of personal anxiety levels and intropunitive reactions.

	Low Level, AL	High Level, AL	Total
Lack of intropunitive reactions	90	68	158
Prevalence of intropunitive reactions	12	24	36
Total	102	92	194

Возможным объяснением этого может служить предположение о том, что тревожные учителя, предпочитающие положительно переоценивать произошедшее или выражающие готовность быть ответственными за случившееся, снижают таким образом уровень ЛТ.

Данные о связи между уровнем ЛТ и частотой использования реакций с фиксацией на препятствии и интрапунитивных по направлению реакций переключаются с ранее полученными данными о возможности детерминации ЛТ таких стратегий совладания как «планомерное решение проблем», «избегание» и «настойчивое решение проблем» (Львова, Митина, Шлягина, 2015а). Было показано, что рост уровня ЛТ негативно влияет на использование стратегии совладания типа «планомерное решение проблем» и оказывает положительное влияние на использование стратегий совладания типов «избегание» и «настойчивое решение проблем». В ситуации сочетания влияния роста уровня ЛТ и ИТН

использование учителями стратегии совладания типа «планомерное решение проблем» возрастает. Таким образом, можно высказать предположение о существовании опосредствованной связи между реакциями с фиксацией на препятствии и интрапунитивными реакциями, и стратегиями совладания «избегание», «настойчивое решение проблем» и «планомерное решение проблем».

Кроме того, выбор стратегий совладания типов «избегание» и «настойчивое решение проблем» может быть связан со снижением использования реакций с фиксацией на препятствии. Фокусируясь больше на своем внутреннем состоянии, нежели на внешних обстоятельствах, тревожные учителя будут склонны либо к уходу от поиска путей преодоления трудной жизненной ситуации, либо к совершению импульсивных действий. Это может проявляться в отсутствии стройного, продуманного и последовательного планирования своих действий.

Таблица 4. Сопоставление уровня общей осмысленности жизни и реакций с фиксацией на препятствии.

	Низкий уровень ОЖ	Высокий уровень ОЖ	Итого
Отсутствие преобладания реакций с фиксацией на препятствии	27	32	59
Преобладание реакций с фиксацией на препятствии	81	51	132
Итого	108	83	191

Table 4. Comparison of the general level of meaning of life reactions and fixation on obstacle.

	Low Level, LM	High Level, LM	Total
Lack of reactions fixed on the obstacle	27	32	59
Prevalence of fixed on an obstacle	81	51	132
Total	108	83	191

Но, если тревожные учителя в трудной жизненной ситуации испытывают ответственность за произошедшее и при этом обладают высоким уровнем ИТН, которая феноменологически будет проявляться в осторожности, то они все же будут готовы к выбору стратегии совладания, предполагающей наличие плана и совершения продуманных действий для преодоления этой ситуации.

5. Связь реакций с фиксацией на препятствии и общего уровня осмысленности жизни.

В таблице 4 показаны изменения частоты использования реакций с фиксацией на препятствии в группах испытуемых с низким и высоким уровнем ОЖ. С ростом уровня ОЖ наблюдается значимое снижение частоты использования реакций с фиксацией на препятствии во фрустрирующих ситуациях.

Для статистической оценки различия частот в группах испытуемых с низкой и высокой выраженностью ОЖ использовалась процедура «ОЛМ». Различие частот реакций с фиксацией на самозащите в этих группах оказалось статистически значимым – $W = (-0,743)$, $p = 0,001$, 95% ДИ: $(-1,20) - (-0,286)$.

Это означает, что частота появления реакций с фиксацией на препятствии у учителей с низким уровнем ОЖ в 0,476 раз выше, чем у учителей с высоким уровнем ОЖ. Учителя с низким уровнем ОЖ склонны подчеркивать препятствие, вызвавшее фрустрирующую ситуацию, или, напротив, не придавать ему значения. Тогда как учителя с высоким уровнем ОЖ реже обращают внимание на препятствие. Возможно, ощущение своей жизни как полной и осмысленной, уверенность в себе и целеустремленность способствуют тому, что учитель, оказавшись в фрустрирующей ситуации, либо не будет обращать на нее внимание, либо будет ее рассматривать как источник новых возможностей. В последнем случае можно допустить, что учителя, использующие реакции с фиксацией на препятствии и обладающие высоким уровнем ОЖ, будут отличаться развитой фрустрационной толерантностью. Это в сочетании с высоким уровнем ОЖ позволяет им дистанцироваться от произошедшего «здесь и сейчас», ви-

деть перспективу и возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

Такое понимание связи между уровнем ОЖ и использованием реакций с фиксацией на препятствии дополняет полученные ранее детерминационные связи между ОЖ и выбором стратегий совладания типов «поиск социальной поддержки» и «отвлечение» (Львова, Митина, Шлягина, 2015а, б). В зависимости от уровня тревожности, у людей, оценивающих свою жизнь как полную и осмысленную, будет различаться частота обращения за помощью или советом к другим людям. Однако они не будут склонны даже к временному уходу от преодоления трудной жизненной ситуации. Во многом это может быть связано с тем, что высокий уровень ОЖ выступает мощным ресурсом, позволяющим человеку верить в себя и в свои силы.

Согласованность данных об участии личностных характеристик ТН/ИТН, ЛП, ОЖ в процессе выбора стратегий совладания и их связи с разными по типу и направлению вербальными реакциями

(то тесту С. Розенцвейга) дает основания предполагать существование единства содержания осознаваемого и неосознаваемого уровней совладания.

Дифференцированная оценка направления и типа реакции во фрустрирующей ситуации позволяет качественно и количественно оценить особенности совладания с ней, расширяя возможности дифференциально-психологической диагностики особенностей совладания и область применения теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга.

Выводы:

1. Подтвердилась гипотеза о наличии связи между типами и направлениями реакций в тесте С. Розенцвейга и личностными характеристиками:
 - толерантностью к неопределенности и реакций с фиксацией на самозащите;
 - личностной тревожностью и использованием интрапунитивных

реакций и реакций с фиксацией на препятствии;

- общей осмысленностью жизни и использованием реакций с фиксацией на препятствии.
2. Полученные результаты подтверждают возможность применения теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга при исследовании особенностей совладания в ситуации неопределенности. Благодаря особенностям инструкции и информационному дефициту стимульного материала, процедура выполнения теста С. Розенцвейга моделирует ситуацию неопределенности, которая может спровоцировать возникновение тревожных переживаний и актуализировать использование сложившихся стратегий совладания, входящих в устоявшуюся систему саморегуляции.
 3. Показано, что понятие фрустрационной толерантности, предложенное С. Розенцвейгом, содержательно пересекается с понятием толерантности к неопределенности.

Литература:

- Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – Москва : Смысл, 2002.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> – (дата обращения: 13.11.2015).
- Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). – Москва : Смысл, 1993.
- Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. – № 36. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html> – (дата обращения: 9.11.2015).
- Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. – 2009. – № 1(3). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html> – (дата обращения: 9.11.2015).
- Битюцкая Е.В., Баханова Е.А., Корнеев А.А. Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 2(18). – С. 41-55. DOI: 10.11621/npj.2015.0205
- Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Виноградова М.Г., Рыжов А.Л. Метод качественного анализа в работе с тестом рисуночной фрустрации С. Розенцвейга. Ч. 1 // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 42. – С. 29-43.
- Виноградова М.Г., Рыжов А.Л. Метод качественного анализа в работе с тестом рисуночной фрустрации С. Розенцвейга. Ч. 2 // Сибирский психологический журнал. – 2012. – № 43. – С. 92-106.
- Гущина Т.В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса: дис. ... канд. психол. наук. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – Москва : Альпина Нон-фикшн, 2014.
- Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 3-20.
- Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. – 2010. – № 3. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/320-kornilova11.html> – (дата обращения: 9.11.2015).
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – № 1. – С. 92-110.

- Костина Л.М. Методы диагностики тревожности. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – С. 48-49.
- Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
- Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. – 1967. – № 6. – С. 118-129.
- Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> – (дата обращения: 25.10.2015).
- Леонтьев Д.А. Многоуровневая модель взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами: от защиты к изменению // Психология стресса и совладания: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26-28 сент. 2013 г. В 2 тт. Т. 1 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – С. 258-261.
- Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – Москва : Смысл, 2006.
- Львова Е.Н. Тревожность и уровень субъективного контроля как предикторы выбора толерантных стратегий совладания : дипломная работа. – Москва : Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.
- Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И. Личностная тревожность и стратегии совладания // Вопросы психологии. – 2015а. – № 2. – С. 45-56.
- Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И. Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности // Психологические исследования. – 2015б. – Т. 8. – № 40. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> – (дата обращения: 27.10.2015).
- Меньшикова К.А. Возможность проективной методики «Образ мира» при преодолении негативных эмоциональных состояний личности // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26-28 сент. 2013 г. В 2 тт. Т. 2 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – С. 291-293.
- Никольская И.М. Совладающее поведение в защитной системе человека // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 113-137.
- Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой. – Москва : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
- Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // Психологические исследования. – 2011. – № 3. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> – (дата обращения: 25.10.2015).
- Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клиничко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2012. – № 2. – С. 37-48.
- Тарабрина Н.В. Методика изучения фрустрационных реакций // Иностранная психология. – 1994. – Т. 2. – № 2. – С. 68-76.
- Хазова С.А., Вершинина О.А. Эмоциональный интеллект и совладание с трудностями // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23-25 сент. 2010 г. В 2 тт. Т. 2 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 60-63.

References:

- Asmolov, A.G. (1979) Operation and installation. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Asmolov, A.G. (2002) On the other side of consciousness: the methodological problems of non-classical psychology. Moscow, Smysl.
- Asmolov, A.G. (2015) Modern psychology: challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. Vol. 8. 40. - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> - (reference date: 11.13.2015).
- Bazhin, E.F., Golyunkina, E.A., & Etkind, A.M. (1993) Questionnaire level of subjective control (ACC). Moscow, Smysl.
- Belinskaya, E.P. (2014) Uncertainty as a category of modern social psychology of personality. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. Vol. 7. 36. - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html> - (reference date: 09.11.2015).
- Belinskaya, E.P. (2009) Coping as a social and psychological problem. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. 1 (3). - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html> - (reference date: 09.11.2015).
- Bitvitskaya E.V., Bakhanova E.A., & Korneev A.A. (2015). Modeling coping with a difficult life situation. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 2 (18), 41-55. DOI: 10.11621/npj.2015.0205
- Gushchina, T.V. (2005) Protective and coping behaviour in a dysfunctional family crisis: Ph.D. thesis. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova.
- Khazova, S.A., & Verшинina, O.A. Emotional intelligence and coping with difficulties. *Psychology of stress and coping: proceedings of II International Scientific Practical Conference. Kostroma, September 23-25, 2010 [Psikhologiya stressa i sovladaniya: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kostroma, 23-25 sent. 2010 g.]*. Vol. 2. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 60-63.
- Kornilova, T.V. (2010) The uncertainty principle in psychology: foundations and challenges. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. 3. Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/320-kornilova11.html> - (reference date: 09.11.2015).
- Kornilova, T.V., & Chumakov, M.A. (2014) The scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of Badner questionnaire. *Experimental Psychology [Eksperimental'naya psikhologiya]*. 1, 92-110.
- Kostina, L.M. (2002) Methods of diagnosis of anxiety. St.-Petersburg, Rech', 48-49.
- Kryukov, T.L. (2010) Psychology of coping behaviour in different periods of life. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova.
- Levitov, N.D. (1967) Frustration as a type of mental states. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 6, 118-129.
- Leontiev, D.A. (2015) Call of uncertainty as the central problem of the psychology of personality. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. Vol. 8. 40. - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> - (reference date: 10.25.2015).

- Leontiev, D.A. (2013) Multilevel model of interaction with adverse circumstances: from defense to change. *Psychology of stress and coping: proceedings of III International Scientific Practical Conference. Kostroma, September 26-28, 2013 [Psikhologiya stressa i sovladaniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kostroma, 26-28 sent. 2013 g.]*. Vol. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 258-261.
- Leontiev, D.A. (2006) Life orientations test. Moscow, Smysl.
- Lvova, E.N. (2008) Anxiety and level of subjective control as predictors of coping strategies of tolerant selection: master's thesis. Moscow, Fakul'tet psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova.
- Lvova, E.N., Mitina, O.V., & Shlyagina, E.I. (2015a) Personal anxiety and coping strategies. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 2, 45-56.
- Lvova, E.N., Mitina O.V., Shlyagina, E.I. Mitina, O.V., & Shlyagina, E.I. (2015b) Personality predictors of coping in a situation of uncertainty. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. Vol. 8. 40. - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> - (reference date: 10.27.2015).
- Menshikova, K.A. (2013) The ability of the projective technique «image of the world» in overcoming the negative emotional states of the person. *Psychology of stress and coping: proceedings of III International Scientific Practical Conference. Kostroma, September 26-28, 2013 [Psikhologiya stressa i sovladaniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kostroma, 26-28 sent. 2013 g.]*. Vol. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 291-293.
- Nikolskaya, I.M. (2008) Coping in a protective system of the person. *Coping behaviour: the current state and prospects [Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy]*. A.L. Zhuravlev, T.L. Krykova, E.A. Sergienko (Eds.). Moscow, Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 113-137.
- Rasskazova, E.I., & Gordeeva, T.O. (2011) Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and research perspectives. *Psychological research [Psikhologicheskie issledovaniya]*. 3. - Electronic resource. - Access: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> - (reference date: 10.25.2015).
- Soldatova, G.U. (ed.). Practice file on psychodiagnostics and tolerance of the individual study. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M.V. Lomonosova 2003.
- Sokolova, E.T. (2012) Cultural, historical and clinical psychological perspective of the subjective uncertainty phenomena research. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 2, 37-48.
- Tarabrina, N.V. (1994) Methods of studying the reactions of frustration. *Foreign psychology [Inostrannaya psikhologiya]*. Vol. 2. 2, 68-76.
- Vasilyuk, F.E. (1984) Psychology of experiences: analysis of overcoming critical situations. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Vinogradov, M.G., & Ryzhov, A.L. (2011) The method of qualitative analysis of Rosenzweig frustration picture test. Part 1. *Siberian psychological journal [Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal]*. 42, 29-43.
- Vinogradov, M.G., & Ryzhov, A.L. (2012) The method of qualitative analysis of Rosenzweig frustration picture test. Part 2 *Siberian psychological journal [Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal]*. 43, 92-106.
- Zimbardo, F. (2014) The Lucifer Effect. Why do good people turn into villains. Moscow, Alpina Non-Fiction.
- Zinchenko, V.P. (2007) Tolerance for ambiguity: news or psychological tradition? *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 6, 3-20.

«Пусть теория руководит нашим развитием»

Интервью с избранным Президентом Американской Психологической Ассоциации (АПА) 2017 года Антонио Э. Пуэнте (Antonio E. Puente), PhD

Поступила 3 июля 2016/ Принята к публикации: 5 июля 2016

«Let the theory guide our development»

The interview with Antonio E. Puente, the President-elected of the American Psychological Association (APA) (2017)

Received: July 3, 2016 / Accepted for publication: July 5, 2016

В интервью идет речь об Американской Психологической Ассоциации (АПА) и деятельности Антонио Э. Пуэнте (Antonio E. Puente), PhD на посту президента этой организации. Антонио Пуэнте, доктор философии, профессор психологии Университет штата Северная Каролина в городе Уилмингтон (UNCW) был избран Президентом АПА 2017 года.

Отвечая на вопрос об основных направлениях будущей деятельности Американской Психологической Ассоциации, Антонио Пуэнте обратил внимание на необходимость коренной перестройки работы этой крупнейшей научной и профессиональной организации. Вызвано это прошедшим расследованием и последовавшим за ним «отчетом Хоффмана. После террористических атак 2009 года некоторые психологи (не члены АПА) помогли ЦРУ в получении информации с использованием пыток. Изменения в АПА будут касаться не только бюджета и персонала, но так же ее миссии, целей и ценностей.

Антонио Пуэнте, вслед за Майклом Вертаймером, считает, что оценить значимость тех или иных современных открытий в области психологии очень сложно. Это возможно будет сделать представителям нового поколения специалистов. Приоритетной отраслью он видит нейропсихологию, которую считает основой всей психологии как науки. Наиболее перспективной областью применения психологии, по мнению А. Пуэнте, является здравоохранение. Применение психологической науки там должно быть более эффективным и рентабельным. Данный подход расширяет значение психологии, помогает улучшить клинические результаты и сократить затраты.

Говоря о наиболее известных российских психологах, А. Пуэнте особо выделил Л.С. Выготского, работы которого он считает чрезвычайно значимыми.

Антонио Пуэнте с сожалением констатирует, что, в современном мире наблюдаются самые высокие показатели убийств и самоубийств, массовой стрельбы и психических заболеваний. Поэтому психологи вынуждены признать, что еще не пришли к окончательному пониманию психологических особенностей человека.

Ключевые слова: Американская Психологическая Ассоциация (АПА), Антонио Э. Пуэнте, перспективы психологии, применение психологии, нейропсихология, Л.С. Выготский.

The interview presents the American Psychological Association (APA) and the activities of Antonio E. Puente (Antonio E. Puente), Ph.D., as the President of this organization. Antonio Puente, Ph.D., Professor of Psychology at the University of North Carolina (UNCW), Wilmington, was elected president of the APA in 2017. When asked about the main directions of the future work of the American Psychological Association, Antonio Puente, drew attention to the need for dramatically restructuring the work of the largest scientific and professional organization. It is caused by past investigation and Hoffmann report. After the terrorist attacks of 2009, some psychologists (not APA members) helped the CIA to obtain information using torture.

Changes in the APA will apply not only to the budget and staff, but also its mission, goals and values. Antonio Puente, following Michael Wertheimer believes that to evaluate the significance of certain modern discoveries is very difficult in the field of psychology. It will be possible to make a new generation of professionals. He sees neuropsychology as priority sector, which is considered by Antonio Puente the basis of all psychology as a science. According to A. Puente the most promising area of psychology application is health care. Using psychological science in health care should be more efficient and cost-effective. This approach extends the value of psychology and contributes to improving clinical outcomes and reducing costs. Speaking of the most famous Russian psychologist, A. Puente highlighted L.S. Vygotsky whose work he considers extremely important.

Antonio Puente expresses regret that the modern world is observing the highest figures of murders and suicides, mass shooting, and mental disorders. Therefore, psychologists have to admit they have not arrived to a final understanding of the psychological characteristics of the person.

Keywords: American Psychological Association (APA), Antonio E. Puente, perspectives of psychology, psychology application, neuropsychology, L.S. Vygotsky



Антонио Пуэнте – доктор философии, профессор психологии Университет штата Северная Каролина в городе Уилмингтон (UNCW) был избран Президентом Американской Психологической ассоциации (АПА) 2017 года. Американская Психологическая Ассоциация (АПА), – основана в 1892 году – является ведущим и крупнейшим научным и профессиональным объединением психологов в США, включающим специалистов из Канады, а так же ассоциированных членов из других стран. Миссией АПА является продвижение творчества, общения и применения психологических знаний на благо общества и улучшения жизни людей. Сейчас она насчитывает 152000 членов.

Антонио, не могли бы Вы охарактеризовать основные направления деятельности Американской Психологической Ассоциации?

В настоящее время деятельность АПА коренным образом перестраивается. Это связано с прошедшим исследованием и последовавшим за ним «отчетом Хоффмана». Абсолютно все в Американской Психологической Ассоциации, включая ее функции и структуру, будет пересматриваться. Это касается не только бюджета и персонала организации, но и ее целей. Предпринимается попытка переосмыслить так же миссию и ценности АПА.

Поэтому в следующем 2017 году основной темой юбилейной 125 конференции АПА будет «Марш на Вашингтон», усиливающий наши связи с Конгрессом США, научными, образовательными и общественными организациями, здравоохранением. По сути, мы будем вспоминать нашу историю и строить планы на будущее. А оно подразумевает не только глобализацию психологии, но и ее применение в решении практических задач, использование понятия социальной справедливости и справедливости для того, чтобы АПА представляла всю психологию, а психология стремилась бы понять и служить всему обществу.

Проинформируйте, пожалуйста, российских читателей об «отчете Хоффмана».

После 9 сентября 2001 года, одной из величайших трагедий в истории США, отдельные «психологи» – не члены АПА, помогли ЦРУ в получении информации с использованием пыток, включая пытку водой. Некоторые руководители АПА были косвенно вовлечены в эту деятельность. После десяти лет обсуждений и минимальных действий, эти печальные события были преданы огласке в исчерпывающем расследовании, проведенном независимым советом. Результаты этого расследования были опубликованы в 500-страничном отчете, который называется «отчет Хоффмана», или, более правильно, «независимый комментарий». Руководством АПА было потрачено огромное количество вре-

мени и десять миллионов долларов для того, чтоб разобраться в этой ситуации и полностью ее исправить.

Какие научные достижения (открытия) в области психологии, выполненные психологами-членами Американской Психологической Ассоциации, Вы бы назвали как наиболее значимые?

Известный историк психологии Майкл Вертгаймер, сын Макса Вертгаймера, основателя гештальт-психологии в Германии, предположил, что потребуются не менее одного поколения, чтобы определить, что является исторически важным для психологии. Мы живем не только в период когнитивной революции, но и в период значительного развития парадигм в нейронауках и нейропсихологии. К тому же, движение профессиональной психологии от сферы психического здоровья в сторону здравоохранения в целом, открывает для нее новые возможности и укрепляет ее роль в обществе. Скорость развития, глубина и масштаб современной психологии говорят о возрождении исследований психики, мозга и поведения.

В Европейской Федерации Психологических Ассоциаций (EFPA) предпринята попытка создания единого образовательного стандарта в области психологического образования EuroPsy. Есть ли соответствующие аналоги в Северной Америке? Есть ли отличие психологического образования в США от других стран?

Мне кажется, что нельзя иметь разные взгляды на то, какое образование должны получать психологи. Поэтому я поддерживаю идею EuroPsy. В США существуют свои образовательные модели и, возможно, в будущем мы сможем иметь универсальное психологическое образование вместо его региональных или национальных моделей. Хотя до этого еще далеко, я надеюсь, что у нас будут образовательные системы, которые позволят профессионалам работать в разных странах. По крайней мере, необходимо иметь общую систему образовательных принципов и целей, которую разделяли бы все психологи.

Уникальность АПА в том, что у нас есть модель профессионального образова-

ния, позволяющая постоянно его совершенствовать. Единые стандарты образования начинают действовать на уровне старшей школы и продолжают на уровне бакалавриата, магистратуры, интернатуры, постдипломного и непрерывного образования. В сфере клинической психологии у нас есть практикумы, стажировки и лицензирование для всех практикующих психологов, около 10% этих специалистов получает также профессиональную сертификацию.

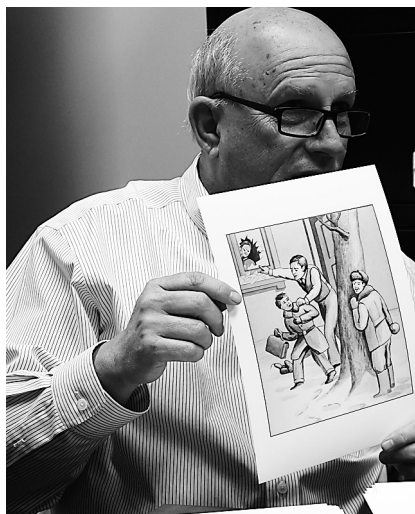
Что является общим, не зависящим от географических, лингвистических или культурных границ, реально существующих или воображаемых? Это те исследования, которые составляют основу всей психологии. Если обратиться, например, к фундаментальным работам Вильгельма Вундта и Вильяма Джеймса, то их содержание по-прежнему является фундаментом всей психологической науки.

В России психологи принимают активное участие в разработке и внедрении Федеральных государственных образовательных стандартов для детей дошкольного и школьного возраста. Есть ли такой опыт у АПА?

На государственном уровне у нас существуют два типа стандартов: стандарт общего образования и профессионального образования. Общепедагогические стандарты для психологии применяются на этапе профессионального образования, а также в течение всей профессиональной деятельности. Более подробную информацию можно найти на сайте: www.apa.org.

Сейчас в психологии наблюдается стремление объяснять результаты достижений человека функционированием и развитием соответствующих мозговых структур. Как Вы считаете, чем объясняется такая тенденция?

Я хочу переформулировать вопрос, вы говорите о деятельности, но нужно также сказать и о нарушениях, имеющих неврологическую или нейрокогнитивную основу. Позвольте мне немного отступить от темы и напомнить читателям, что один из основателей современной психологии, Виль-



гельм Вундт, был немецким врачом, и его книга «Основы психофизиологической психологии» является, по сути, текстом по нейропсихологии. В США Вильям Джеймс, который также был врачом по образованию, предположил, что корень психологии лежит в понимании работы мозга. Так, например, в третьей главе своей книги «Принципы психологии» он пишет о функциях полусферий мозга. Если обратиться к психологии в России, то, например, книгу И.П. Павлова «Условные рефлексы» также можно рассматривать как учебник по нейропсихологии, в котором говорится о классическом научении. Стремясь стать наукой, психология была захвачена бихевиоризмом. Поэтому для того, чтобы понять смысл психологии необходимо вернуться к корням и понять, что психология возникла из нейропсихологии. На наш взгляд, психология – это отрасль нейропсихологии.

В 2016 году исполняется 120 лет со дня рождения Л.С. Выготского. Насколько работы Льва Семеновича значимы для развития современной психологии?

На наш взгляд, работы Л.С. Выготского чрезвычайно важны. Летом этого года мне посчастливилось участвовать в IV Конференции имени Л.С. Выготского в г. Эшторил, Португалия. Несколько

ко лет назад я познакомился с дочерью Льва Семеновича в Москве. Для меня стало очевидно: для того, чтобы понять механизмы работы мозга человека необходимо поместить его в социально-исторический контекст. Интересно, что работы Л.С. Выготского оказали значительное влияние на принципы образования и в меньшей мере на психологию и нейропсихологию. Надеюсь, что это удастся изменить.

Какие научные исследовательские направления в области психологии являются, на Ваш взгляд, наиболее перспективными?

Я думаю, что наиболее перспективным является все, что связано с применением психологии в сфере здравоохранения. Эта сфера превышает 17% валового внутреннего продукта экономики США. Поэтому применение психологической науки в этой области должно быть более эффективным и рентабельным. Данный подход расширяет значение психологии, помогает улучшить клинические результаты и сократить затраты. Такой прагматичный подход должен сопровождаться пониманием природы нарушений. В этом плане нейропсихология предоставляет удивительную парадигму соединения тела и психики.

Что, на Ваш взгляд, необходимо изменить в работе Американской Психологической Ассоциации для ее более успешного развития?

Я не могу говорить от имени всей АПА, хотя и являюсь вновь избранным президентом этой организации, но могу поделиться собственным мнением. В начале необходимо поправить те ошибки, которые указаны в описаны в «отчете Хоффмана». Далее, необходимо перестроить АПА путем реструктуризации, назначения нового директора и полного пересмотра этических принципов. Целый год будет проводиться изучение ошибок в деятельности организации, следующие

три-пять лет будут потрачены на реструктуризацию стратегии, внутреннего регламента, а также этических стандартов и принципов. Таким образом, мы начинаем работу без основополагающих принципов для того, чтобы вывести АПА из крайне сложной ситуации, описанной в отчете, и восстановить безупречный статус нашей организации с 125-летней историей. Для этого будут пересмотрены цели, ценности, миссия, а все, что нельзя будет изменить, будет сокращено. Это время перестройки АПА снизу доверху. Это огромная возможность для перемен, но и грандиозная задача, которую нам предстоит решить.

В чем, на Ваш взгляд, состоит залог успешного будущего психологической науки и практики?

Надо помнить, что психология – прежде всего наука. Хотя, спустя почти 125 лет со дня основания АПА, мы с разочарованием наблюдаем огромное количество проблем в человеческой жизни. Мы имеем самые высокие в истории показатели убийств и самоубийств, массовой стрельбы и психических заболеваний не только в нашей стране, но и во всем мире. Мы вынуждены признать, что не пришли к окончательному пониманию психологических особенностей человека. Пусть теория руководит нашим развитием. Давайте обратимся к работам таких гигантов прошлого, как И.П. Павлов, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Р. Сперри, поскольку иной жизнеспособной и надежной альтернативы так и не было предложено. Мы обладаем хорошей методологией, большим количеством данных, но у нас очень мало мудрости.

В 2017 году ожидается визит Антонио Э. Пуэнте в Москву и его выступление в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках сотрудничества Российского психологического общества и Американской психологической ассоциации.

Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)»

И.В. Григорьева

Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии», Москва, Россия

С.Н. Ениколопов

Научный центр психического здоровья, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 18 января 2016/ Принята к публикации: 2 февраля 2016

Testing questionnaires “Liebowitz Social Anxiety Scale” and “Fear of Negative Evaluation Scale” (short version).

irina V. Grigorieva*

Centre of Testing and Developing «Humanitarian Technologies», Moscow, Russia

Sergey N. Enikolopov

Scientific Centre of Mental Health, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: January 18, 2016 / Accepted for publication: February 2, 2016

*Corresponding author. E-mail: irina.psy22@gmail.com

Социальная тревожность отрицательно влияет на повседневную жизнь человека, нарушая его социальную адаптацию. Часто социально тревожные люди бывают одиноки, с трудом заводят знакомства, испытывают трудности в отношениях с окружающими. Социальная тревожность также может стать серьезным препятствием на пути профессионального и карьерного роста, получения новых навыков и знаний. Выраженная социальная тревожность нередко связана

с целым рядом расстройств, среди которых депрессия, алкогольная и наркотическая зависимость, а также пищевые расстройства. Вместе с тем, социальная тревожность является достаточно распространенным явлением. В связи с этим, все большую важность приобретает диагностика этого явления. Поэтому целью нашего исследования стала апробация двух опросников, измеряющих социальную тревожность, – «Шкалы социальной тревожности Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки». Апробация была проведена на выборке из 179 человек, из них 65 мужчин и 114 женщин, в возрасте от 18 до 35 лет. Опросник «Шкала социальной тревожности Либовица» измеряет степень тревоги и тенденции к избеганию, возникающих у субъекта в различного рода социальных ситуациях: ситуациях социального взаимодействия и ситуациях, в которых субъект является объектом внимания со стороны окружающих. Опросник «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» измеряет центральный конструкт, лежащий в основе социальной тревожности – страх негативной оценки. В результате факторного анализа полученных данных, была продемонстрирована трехфакторная структура «Шкалы социальной тревожности Либовица» и подтверждена однофакторная структура «Шкалы страха негативной оценки». Показано, что все субшкалы «Шкалы социальной тревожности Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки» демонстрируют хорошую внутреннюю согласованность и высокую ретестовую надежность, а также внешнюю валидность.

Ключевые слова: социальная тревожность, социофобия, диагностика социальной тревожности, методы диагностики тревожности.

Social anxiety has a negative impact on individual's daily life and disturbs his or hers social adaptation. Socially anxious people are often lonely, have difficulties in meeting new people and communicating with others. Social anxiety can also be a serious obstacle to professional growth and career development, can interfere with obtaining new skills and knowledge. Severe social anxiety is often associated with a variety of disorders, including depression, alcohol and drug addiction, eating disorders. However, social anxiety has a high prevalence among population. In this regard, it is becoming increasingly important to diagnose social anxiety. Therefore, the aim of our study was the validation of two questionnaires measuring social anxiety “Liebowitz Social Anxiety Scale” and “Fear of Negative Evaluation Scale”. The validation was conducted on 179 people (65 men and 114 women), aged from 18 to 35 years. “Liebowitz Social Anxiety Scale” measures the degree of anxiety and a tendency to avoidance occurring in various social situations: situations of social interaction and performance situations. “Fear of negative evaluation (brief version)” measures the central construct underlying social anxiety – the fear of negative evaluation. As a result of factor analysis of the data it is demonstrated, that “Liebowitz Social Anxiety Scale” has three-factor structure. Single-factor structure of the “Fear of Negative Evaluation Scale” is confirmed. It is shown that all the subscale “Liebowitz Social Anxiety Scale” and “Fear of Negative Evaluation Scale (brief version)” has good internal consistency, high test-retest reliability and external validity.

Key words: social anxiety, social phobia

В последние десятилетия социальная тревожность стала предметом активных эмпирических исследований в зарубежной психологии. Социальная тревожность встречается достаточно часто: распространенность социальной тревожности может достигать 40–50% (Zimbardo, 1977). Кроме того, она вызывает целый ряд трудностей социальной адаптации индивида. Социальная тревожность может влиять на академическую успеваемость, на достижения в профессиональной сфере, мешать развитию дружбы и отношений с противоположным полом, а в крайних своих проявлениях привести к полной социальной изоляции и инвалидизации субъекта (La Greca, Lopez, 1998; Kashdan, 2007; Olatunji et al., 2007; Schneider et al., 1994; Bodinger et al., 2002).

Социальную тревожность можно определить как тревогу, возникающую в различных ситуациях социального взаимодействия. Она характеризуется напряжением и повышенным физиологическим возбуждением, ожиданием негативной оценки от окружающих, отрицательной оценкой своих способностей и возможностей взаимодействия с людьми, страхом и избеганием социальных ситуаций (Rapee, Spence, 2007; Kashdan, 2007; Leitenberg, 1990). Понятие «социальной тревожности» отно-

сится к так называемым «зонтичным», оно имеет континуальную природу и включает в себя целый спектр явлений – от застенчивости до социальной фобии (Rapee, 2004; McNeil, 2001).

Как уже было сказано выше, социальная тревожность является весьма распространенным явлением и оказывает негативное влияние на качество жизни. Именно поэтому очевидна необходимость разработки и адаптации адекватных инструментов оценки социальной тревожности.

В то время как за рубежом имеется большое количество исследований, посвященных проблеме измерения социальной тревожности, в России они немногочисленны. На данный момент имеется дефицит адекватных инструментов оценки социальной тревожности и отдельных ее компонентов на русском языке. Поэтому задачей данного исследования была апробация зарубежных опросников, предназначенных для оценки социальной тревожности.

Апробируемые нами опросники «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» уже несколько десятков лет используются за рубежом при решении исследовательских и практических задач и зарекомендовали себя как надежные инструменты измерения социальной тревоги.

Методика

Опросник был переведен, апробирован и валидизирован на российской выборке. Исследование включало в себя основное и повторное тестирование, которое проводилось через три недели после основного для оценки ретестовой надежности шкал опросников.

Методы исследования

Шкала социальной тревожности Либовица (Liebowitz, 1987) состоит из описания 24 социальных ситуаций, в каждой из которых испытуемому предлагается оценить интенсивность возникающего страха (или тревоги) и частоту избегания той или иной социальной ситуации. Оценка производится по четырехбалльной шкале Лайкерта, где 0 – отсутствие страха/избегания, а 3 – сильный страх/полное избегание. Социальные ситуации делятся на ситуации взаимодействия (interaction situation) и ситуации, в которых индивид потенциально может стать объектом наблюдения (performance situation). Таким образом, «Шкала Социальной Тревожности Либовица» содержит 4 подшкалы:

- 1) шкала страха ситуаций социальных взаимодействий;
- 2) шкала страха ситуаций, в которых индивид может стать объектом наблюдения окружающих;
- 3) шкала избегания ситуаций социального взаимодействия;
- 4) шкала избегания ситуаций, в которых индивид может стать объектом наблюдения окружающих.

Кроме того, отдельно вычисляется общий суммарный балл по подшкалам страха и общий суммарный балл по подшкалам избегания, отражающие тенденцию испытывать страх/тенденцию к избеганию в широком спектре социальных ситуаций. Общий суммарный балл по всем шкалам используется для оценки степени выраженности социальной тревожности.

Шкала страха негативной оценки (краткая версия) (Watson, Friend, 1969; Carleton et al., 2006) содержит 12 утверждений. Испытуемому предлагается оценить, насколько то или иное утверждение



Ирина Владимировна Григорьева – психолог-методист Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии»
E-mail: irina.psy22@gmail.com



Сергей Николаевич Ениколов – кандидат психологических наук, зав. отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: enikolopov@mail.ru

характеризует его/ее по пятибалльной шкале Лайкерта, где 1 – «совсем не характеризует меня», а 5 – «полностью характеризует меня». Предполагается, что данный опросник измеряет центральный конструкт, лежащий в основе социальной фобии – страх негативной оценки. Тем не менее, исследователи предлагают дополнять этот опросник другими методиками для комплексной, дифференцированной оценки структуры социальной тревожности (Hart et al., 1999).

Для оценки конструктивной валидности методик были использованы «Шкала депрессии Бека», «Шкала личностной тревожности» и «Опросник социальной тревоги и социофобии».

Шкала депрессии Бека (Тарабрина, 2001) состоит из 21 пункта с вариантами ответов. Испытуемый выбирает утверждение, наиболее соответствующее его состоянию на текущий момент времени. Опросник включает в себя 2 субшкалы: когнитивно-аффективную и субшкалу соматических проявлений депрессии.

Шкала личностной тревожности Спилбергера (Hanin V. L., Spielberger C. D., 1981) направлена на оценку уровня тревожности как устойчивой характеристики субъекта (т.н. личностная тревожность). Включает в себя 20 утверждений, предполагающих 4 варианта ответа: 1 – «никогда», 2 – «иногда», 3 – «часто», 4 – «почти всегда».

Опросник социальной тревоги и социофобии (Сагалакова, Труевцев, 2012) включает в себя 29 вопросов, на которые требуется ответить по 4-балльной шкале: 1 – нет, 2 – скорее нет, 3 – скорее да, 4 – да. Каждый из пунктов содержит указание на

определенный тип ситуации оценивания. Опросник включает в себя 5 субшкал:

- 1) Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением». Эта шкала направлена на оценку тревоги в ситуациях, где субъект сталкивается с пристальным вниманием со стороны окружающих;
- 2) Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях. Эта шкала характеризует тенденцию к управлению тревогой и волнением, попытки совладать с ними, стремление к руминативному анализу прошедшей экспертной ситуации и, одновременно, желание избавиться от нерешительности и ее отдельных проявлений;
- 3) Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях. Эта шкала направлена на оценку особенностей поведения социально тревожных индивидов в ситуациях потенциальной негативной оценки;
- 4) Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля. Данная шкала оценивает социальную тревогу при непосредственном взаимодействии с незнакомыми или малознакомыми людьми;
- 5) Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях. Эта шкала направлена на оценку склонности к избеганию контакта в ситуациях, где субъект может стать объектом оценки со стороны окружающих.

Испытуемые

Выборку составили 179 человек, из них 65 мужчин и 114 женщин, в возрасте от 18 до 35 лет ($M=26,3$, $SD=7,4$). Повторное тестирование прошли 75 человек из исходной выборки, из них 42 женщины и 35 мужчин.

Результаты

«Шкала социальной тревожности Либовица»

В результате факторного анализа «Шкалы социальной тревожности Либовица» было выделено три фактора, объясняющие 41% дисперсии переменных. Выделенные факторы были обозначены как «страх и избегание ситуаций межличностного контакта» (1 фактор), «страх и избегание ситуаций формального общения и взаимодействия» (2 фактор), «страх и избегание совершения действий в общественных местах» (3 фактор).

Из последующего анализа мы исключили несколько пунктов исходного опросника, которые не были нагружены ни на один из факторов (либо были очень слабо нагружены на выделенные факторы – значение нагрузок ниже 0,3).

Описательные статистики и факторные нагрузки для итогового набора пунктов представлены в таблице 1. Значения ассиметрии и эксцесса указывают на то, что большая часть пунктов опросника характеризуется сдвигами распределения в сторону больших или меньших значений, что может демонстрировать уязвимость формулировок в отношении социальной желательности.

Таблица 1. Описательные статистики пунктов и факторные нагрузки итогового варианта «Шкалы социальной тревоги Либовица»

Пункт опросника	Среднее	Ст.отклон.	Ассиметрия	Эксцесс	F1	F2	F3
Страх и избегание ситуаций межличностного контакта							
11. Говорить с глазу на глаз с малознакомым человеком (страх).	0,90	0,88	0,70*	-0,30**	0,33		
19. Смотреть прямо в глаза малознакомому человеку (страх).	0,79	0,88	1,01	0,33	0,39		
24. Не поддаваться уговорам продавца, делая покупки (страх).	0,61	0,80	1,01	-0,07	0,44		
9. Писать, когда за мной наблюдают (страх).	0,95	0,96	0,71	-0,49	0,46		
8. Работать, когда за мной наблюдают (страх).	1,34	0,97	0,21	-0,92	0,48		
10. Звонить малознакомому человеку (страх).	1,32	0,99	0,21	-0,97	0,51		
11. Говорить с глазу на глаз с малознакомым человеком (избегание).	0,82	0,84	0,77	-0,13	0,51		
24. Не поддаваться уговорам продавца, делая покупки (избегание).	0,73	0,95	1,05	-0,09	0,53		
22. Возвращать товар в магазин (страх).	1,13	1,02	0,38	-1,06	0,54		

19. Смотреть прямо в глаза малознакомому человеку (избегание)	0,86	0,93	0,84	-0,23	0,54		
7. Идти в гости (страх).	0,60	0,72	0,86	-0,20	0,54		
10. Звонить малознакомому человеку (избегание).	1,16	0,94	0,31	-0,85	0,57		
7. Идти в гости (избегание).	0,69	0,83	0,99	0,18	0,58		
9. Писать, когда за мной наблюдают (избегание).	0,93	1,00	0,78	-0,53	0,61		
8. Работать, когда за мной наблюдают (избегание).	1,33	1,05	0,21	-1,16	0,65		
22. Возвращать товар в магазин (избегание).	1,13	1,08	0,45	-1,10	0,66		
23. Приглашать гостей (страх).	0,59	0,81	1,28	0,87	0,72		
23. Приглашать гостей (избегание).	0,77	0,94	1,06	0,11	0,72		
Страх и избегание ситуаций формального общения и взаимодействия							
5. Говорить с вышестоящим лицом (начальством) (страх).	1,21	0,88	0,27	-0,67		0,44	
6. Выступать перед публикой (страх.)	1,74	1,00	-0,29	-0,98		0,80	
15. Находиться в центре внимания (страх).	1,04	0,93	0,55	-0,57		0,61	
16. Высказываться на собрании без предварительной подготовки (страх).	1,29	1,00	0,27	-0,99		0,81	
18. Высказывать свое неодобрение и несогласие малознакомому человеку (страх).	0,93	0,87	0,50	-0,67		0,47	
20. Выступать с подготовленной речью перед группой людей (страх).	1,20	0,98	0,36	-0,87		0,83	
5. Говорить с вышестоящим лицом (начальством) (избегание).	0,98	0,82	0,35	-0,71		0,44	
6. Выступать перед публикой (избегание.)	1,24	0,99	0,28	-0,98		0,78	
15. Находиться в центре внимания (избегание).	0,97	0,87	0,64	-0,22		0,45	
16. Высказываться на собрании без предварительной подготовки (избегание).	1,22	0,95	0,29	-0,85		0,77	
18. Высказывать свое неодобрение и несогласие малознакомому человеку (избегание).	1,18	0,89	0,16	-0,87		0,35	
20. Выступать с подготовленной речью перед группой людей (избегание).	0,92	0,89	0,66	-0,39		0,76	
Страх и избегание совершения действий в общественных местах							
1. Говорить по телефону в общественных местах (страх).	0,47	0,69	1,34	1,23			0,44
3. Есть в общественных местах (страх).	0,53	0,74	1,11	0,01			0,75
4. Пить в общественных местах (страх).	0,22	0,54	2,58	6,69			0,84
13. Справлять нужду в общественном туалете (страх).	0,49	0,82	1,62	1,77			0,39
1. Справлять нужду в общественном туалете (избегание).	0,63	0,88	1,05	-0,22			0,31
3. Говорить по телефону в общественных местах (избегание).	0,76	0,86	0,92	0,06			0,32
4. Есть в общественных местах (избегание).	0,62	0,79	0,93	-0,30			0,70
13. Пить в общественных местах (избегание).	0,30	0,64	2,44	6,11			0,77

*Величина стандартной ошибки асимметрии для всех пунктов равна 0,189.
**Величина стандартной ошибки эксцесса для всех пунктов равна 0,361.

Table 1. Descriptive statistics of items and factor loadings of the "Liebowitz Social Anxiety Scale" final version.

Questionnaire Item	Mean	Statistical Deviation	Asymmetry	Excess	F1	F2	F3
Fear and avoidance of interpersonal contact situations							
11. Talk face to face with an unfamiliar person (fear).	0.90	0.88	0.70*	-0.30**	0.33		
19. Look into in the eye of a stranger (fear).	0.79	0.88	1.01	0.33	0.39		
24. Not to succumb to the persuasion of the seller during shopping (fear).	0.61	0.80	1.01	-0.07	0.44		
9. Write when being observed (fear).	0.95	0.96	0.71	-0.49	0.46		
8. Work when being observed (fear).	1.34	0.97	0.21	-0.92	0.48		
10. Make a call to an unfamiliar person (fear).	1.32	0.99	0.21	-0.97	0.51		
11. Talk face to face with an unfamiliar person (avoidance).	0.82	0.84	0.77	-0.13	0.51		
24. Not to succumb to the persuasion of the seller during shopping (avoidance).	0.73	0.95	1.05	-0.09	0.53		
22. Return the product to the store (fear).	1.13	1.02	0.38	-1.06	0.54		
19. Look into in the eye of a stranger (avoidance).	0.86	0.93	0.84	-0.23	0.54		
7. Pay a visit (fear).	0.60	0.72	0.86	-0.20	0.54		

10. Make a call to an unfamiliar person (avoidance).	1.16	0.94	0.31	-0.85	0.57		
7. Pay a visit (avoidance).	0.69	0.83	0.99	0.18	0.58		
9. Write when being observed (avoidance).	0.93	1.00	0.78	-0.53	0.61		
8. Work when being observed (avoidance).	1.33	1.05	0.21	-1.16	0.65		
22. Return the product to the store (avoidance).	1.13	1.08	0.45	-1.10	0.66		
23. Invite guests (fear).	0.59	0.81	1.28	0.87	0.72		
23. Invite guests (avoidance).	0.77	0.94	1.06	0.11	0.72		
Fear and avoidance of situations of verbal communication and interaction							
5. Talk to higher management (the boss) (fear).	1.21	0.88	0.27	-0.67		0.44	
6. Speak in front of an audience (fear).	1.74	1.00	-0.29	-0.98		0.80	
15. Be the center of attention (fear).	1.04	0.93	0.55	-0.57		0.61	
16. Speak at the meeting without preparation (fear).	1.29	1.00	0.27	-0.99		0.81	
18. Express one's disapproval and disagreement to an unfamiliar person (fear).	0.93	0.87	0.50	-0.67		0.47	
20. Serve with prepared speech to a group of people (fear).	1.20	0.98	0.36	-0.87		0.83	
5. Talk to higher management (the boss) (avoidance).	0.98	0.82	0.35	-0.71		0.44	
6. Speak in front of an audience (избегание.)	1.24	0.99	0.28	-0.98		0.78	
15. Be the center of attention (avoidance).	0.97	0.87	0.64	-0.22		0.45	
16. Speak at the meeting without preparation (avoidance).	1.22	0.95	0.29	-0.85		0.77	
18. Express one's disapproval and disagreement to an unfamiliar person (avoidance).	1.18	0.89	0.16	-0.87		0.35	
20. Serve with prepared speech to a group of people (avoidance).	0.92	0.89	0.66	-0.39		0.76	
Fear and avoidance of doing something in public places							
1. Talk on the phone in public places (fear).	0.47	0.69	1.34	1.23			0.44
3. Eat in public places (fear).	0.53	0.74	1.11	0.01			0.75
4. Drink in public places (fear).	0.22	0.54	2.58	6.69			0.84
13. Ease oneself in public places (fear).	0.49	0.82	1.62	1.77			0.39
1. Ease oneself in public toilet (avoidance).	0.63	0.88	1.05	-0.22			0.31
3. Talk on the phone in public places (avoidance).	0.76	0.86	0.92	0.06			0.32
4. Eat in public places (avoidance).	0.62	0.79	0.93	-0.30			0.70
13. Drink in public places (avoidance).	0.30	0.64	2.44	6.11			0.77

* The value of the standard error of the asymmetry for all items is 0.189.

** The value of the standard error of kurtosis for all items is equal to 0.361.

В результате факторизации пунктов «Шкалы социальной тревоги Либовица» были получены факторы, описывающие наиболее типичные группы ситуаций, вызывающих социальную тревогу. Хотя страх и избегание сильно коррелируют между собой, исследователи предлагают все же разделять шкалы страха и избегания (Safren, 1999; Heimberg et al, 1999; Baker et al, 2002; Fresco, 2001) для более детального анализа компонентов социальной тревоги при решении практических и исследовательских задач. На основе выделенных факторов было сформировано 6 подшкал «Шкалы социальной тревоги Либовица»:

1) «Шкала страха ситуаций межличностного контакта». Эта шкала направлена на оценку тревоги и страха, возникающих в ситуациях межличностного общения и взаимодействия в неформальной обстановке (например, «Смотреть прямо в глаза незнакомому человеку», «Возвращать товар в магазин»).

2) «Шкала страха ситуаций формального общения и взаимодействия». Эта шкала позволяет оценить тревогу и страх, возникающие в формальных ситуациях и ситуациях, где необходимо произвести положительное впечатление на группу незнакомых или малознакомых людей (например, «Выступать с подготовленной речью перед группой людей», «Говорить с вышестоящим лицом (начальством»).

3) «Шкала страха совершения действий в общественных местах». Эта шкала связана с оценкой тревоги и страха, возникающих в ситуациях, когда индивид вынужден совершать некоторые достаточные личные действия в общественных местах (например, «Говорить по телефону в общественных местах», «Справлять нужду в общественном туалете»).

4) «Шкала избегания ситуаций межличностного контакта».

5) «Шкала избегания ситуаций формального общения и взаимодействия».

6) «Шкала избегания совершения действий в общественных местах».

Последние три шкалы описывают избегание в соответствующих ситуациях. Так же, как и в оригинальной версии опросника, был рассчитан общий суммарный балл для всех подшкал страха, для всех подшкал избегания и общий суммарный балл для всех подшкал «Шкалы социальной тревожности Либовица».

Общий балл, рассчитанный для шкал страха, отражает тенденцию испытывать страх в широком спектре социальных си-

туаций, а общий балл, рассчитанный для шкал избегания, отражает тенденцию

к избеганию в соответствующих ситуациях. Общий суммарный балл по всем шка-

лам используется для оценки выраженности социальной тревоги.

Таблица 2. Значения коэффициента альфа Кронбаха и ретестовой надежности для шкал опросника «Шкала социальной тревожности Либовица»

Шкала	Альфа Кронбаха	Коэф.корр.Пирсона
Страх ситуаций межличностного контакта	,835	,789**
Страх ситуаций формального общения и взаимодействия	,793	,801**
Страх совершения действий в общественных местах	,629	,812**
Избегание ситуаций межличностного контакта	,785	,773**
Избегание ситуаций формального общения и взаимодействия	,708	,799**
Избегание совершения действий в общественных местах	,609	,765**
Суммарный балл «Страх»	,870	,772**
Суммарный балл «Избегание»	,813	,807**
«Общий суммарный балл»	,908	,754**

**Уровень значимости $p=0,01$

Table 2. The values of Cronbach's Alpha Coefficient of and test-retest reliability of the questionnaire scales "Liebowitz Social Anxiety Scale".

Scale	Cronbach's Alpha	Pearson's Correlation Coefficient
Fear of interpersonal contact situations	.835	.789**
Fear of verbal communication and interaction situations	.793	.801**
Fear of doing something in public places	.629	.812**
Avoidance of interpersonal contact situations	.785	.773**
Avoiding situations of verbal communication and interaction	.708	.799**
Avoiding taking actions in public places	.609	.765**
The total score of "Fear"	.870	.772**
The total score of "Avoidance"	.813	.807**
Total scores	.908	.754**

** Significance level $p = 0.01$

Таблица 3. Описательные статистики и факторные нагрузки для пунктов «Шкалы страха негативной оценки»

№	Пункт опросника	Среднее	Ст.отклонение	Ассиметрия	Эксцесс	F1
1	Меня волнует мнение других людей обо мне, даже если я знаю, что оно не имеет особого значения.	3,10	1,12	-0,27	-0,87	0,75
2	Я переживаю, если знаю, что обо мне составили неблагоприятное впечатление.	3,37	1,14	-0,42	-0,67	0,77
3	Я очень переживаю из-за того, что окружающие могут заметить мои недостатки.	2,92	1,15	-0,02	-0,81	0,72
4	Я беспокоюсь о том, какое произвожу впечатление на окружающих.	3,26	1,12	-0,50	-0,60	0,84
5	Я боюсь того, что окружающие могут относиться ко мне с неодобрением.	2,78	1,22	0,11	-1,08	0,75
6	Я боюсь, что ко мне могут придаться.	2,63	1,24	0,26	-1,06	0,69
7	Я озабочен (-а) тем, какое мнение обо мне составили окружающие.	2,96	1,24	-0,04	-1,04	0,83
8	Когда я с кем-нибудь разговариваю, я не перестаю думать о том, какое впечатление я произвожу на своего собеседника.	2,31	1,11	0,81	0,13	0,61
9	Я всегда думаю о том, какое впечатление я произвожу на других людей.	2,62	1,19	0,33	-0,86	0,74
10	Если я знаю, что кто-то меня оценивает, я начинаю волноваться.	3,07	1,25	-0,17	-1,02	0,66
11	Иногда мне кажется, что я слишком сильно озабочен тем, что обо мне думают окружающие.	2,65	1,33	0,27	-1,21	0,78
12	Я часто беспокоюсь о том, что могу сказать или сделать что-то неправильно.	2,99	1,24	-0,10	-1,07	0,66
Шкала страха негативной оценки		35,33	11,17	-0,21	-0,63	

*Величина стандартной ошибки асимметрии для всех пунктов равна 0,189.

**Величина стандартной ошибки эксцесса для всех пунктов равна 0,361.

Table 3. Descriptive statistics and factor loadings for the items «Fear of Negative Evaluation Scale».

№	Questionnaire Item	Mean	Statistical Deviation	Asymmetry	Excess	F1
1	I care about other people's opinion of me even if I know that it does not really matter.	3.10	1.12	-0.27	-0.87	0.75
2	I worry if I know that I made a bad impression.	3.37	1.14	-0.42	-0.67	0.77
3	I am very worried because others may notice my shortcomings.	2.92	1.15	-0.02	-0.81	0.72
4	I'm worried what impression I make on others.	3.26	1.12	-0.50	-0.60	0.84
5	I'm afraid others can relate to me with disapproval.	2.78	1.22	0.11	-1.08	0.75
6	I'm afraid to be found fault with.	2.63	1.24	0.26	-1.06	0.69
7	I'm concerned what opinion others might have of me.	2.96	1.24	-0.04	-1.04	0.83
8	When I'm talking with someone I cannot stop thinking about the impression I make on the interlocutor.	2.31	1.11	0.81	0.13	0.61
9	I always think about the impression I make on others.	2.62	1.19	0.33	-0.86	0.74
10	If I know someone appreciates me I'm starting to worry.	3.07	1.25	-0.17	-1.02	0.66
11	Sometimes it seems to me I was too much concerned about what people around think of me.	2.65	1.33	0.27	-1.21	0.78
12	I often worried that I can say or do something wrong.	2.99	1.24	-0.10	-1.07	0.66
Fear of Negative Evaluation Scale		35.33	11.17	-0.21	-0.63	

* The value of the standard error of the asymmetry for all items is 0.189.
** The value of the standard error of kurtosis for all items is equal to 0.361.

Для анализа надежности шкал опросника использовался критерий α -Кронбаха. Приведенные в таблице 2 значения указывают на приемлемую надежность тестовых шкал.

Для оценки ретестовой надежности применялся коэффициент корреляции Пирсона. Приведенные в таблице 2 результаты указывают на высокую ретестовую надежность шкал теста.

Шкала страха негативной оценки

В результате исследования факторной структуры данного опросника была подтверждена его однофакторная структура. В таблице 3 представлены факторные нагрузки и описательные статистики для всех пунктов опросника. Значения асимметрии и эксцесса указывают на то, что целый ряд пунктов опросника характеризуется сдвигами распределения в сторону больших или меньших значений, что может демонстрировать уязвимость формулировок в отношении социальной желательности.

Для анализа надежности шкал опросника использовался критерий α -Кронбаха. Приведенные в таблице 4 значения указывают на приемлемую надежность тестовых шкал.

Для оценки ретестовой надежности применялся коэффициент корреляции Пирсона. Приведенные в таблице 4 результаты указывают на высокую ретестовую надежность шкал теста.

Опросник социальной тревоги и социофобии

Данный опросник использовался нами для оценки конструктивной валидности апробируемых методик («Шкалы социальной тревожности Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки»), однако результаты проверки его свойств показали изменение факторной структуры на нашей выборке. В результате было получено 5 факторов.

Факторные нагрузки и описательные статистики для пунктов опросника представлены в таблице 5. Значения асимметрии и эксцесса указывают на то, что целый ряд пунктов опросника характеризуется сдвигами распределения в сторону больших или меньших значений, что может демонстрировать уязвимость

формулировок в отношении социальной желательности.

Некоторые пункты имеют нагрузки сразу на несколько факторов. Так, пункт 4 («Верно ли, что Вы с трудом заводите новые знакомства?») нагружен на факторы: «Страх отвержения и критики в межличностных контактах», «Стремление к избеганию социальных ситуаций», «Переживание нехватки социальных навыков». Пункт 21 («Бывает ли, что у Вас учащается сердцебиение и/или возникает ком в горле от одной мысли, что завтра Вам придется беседовать с начальником о проделанной работе?») нагружен на факторы: «Стремление к преодолению тревоги в социальных ситуациях», «Уверенность в негативной оценке». Пункт 26 нагружен на факторы: «Стремление к преодолению

Таблица 4. Значения коэффициента альфа Кронбаха и коэффициента Пирсона для «Шкалы страха негативной оценки»

Шкала	Альфа Кронбаха	Коефф. корр. Пирсона
Шкала страха негативной оценки	0,912	,782**

**уровень значимости $p=0,05$

Table 4. Cronbach's Alpha Coefficient values and Pearson's Coefficient values for «Fear of Negative Evaluation Scale».

Scale	Cronbach's Alpha	Pearson's Correlation Coefficient
Fear of Negative Evaluation Scale	0.912	.782**

**Significance level $p=0.05$

Таблица 5. Описательные статистики и факторные нагрузки пунктов «Опросника социальной тревоги и социофобии»

№	Пункты опросника	Среднее	Стоткл.	Ассиметрия	Экссес	F1	F2	F3	F4	F5
Страх отвержения и критики при межличностных контактах										
7	Когда Вы испытываете симпатию (или влюбляетесь), то не говорите об этом объекту своих чувств, боясь отвержения?	2,59	0,96	-0,12	-0,90	0,83				
22	Испытываете ли вы неловкость, если человек противоположного пола уделяет Вам знаки внимания?	2,36	1,02	0,07	-1,14	0,78				
25	Трудно ли Вам проявить инициативу, знакомясь с человеком противоположного пола?	2,47	0,96	0,09	-0,92	0,53				
11	Бывает ли, что Вы смущаетесь (краснеете, опускаете глаза), если с Вами заговорил человек противоположного пола?	2,34	0,97	0,26	-0,87	0,51				
4	Верно ли, что Вы с трудом заводите новые знакомства?	2,19	1,03	0,39	-1,00	0,40		0,33		0,45
3	Трудно ли Вам, разговаривая с коллегами по работе (учебе), смотреть им прямо в глаза?	1,72	1,03	1,21	0,13	0,40				
15	Трудно ли Вам выполнять задание (какую-либо работу), если за Вами кто-то наблюдает?	2,70	0,89	-0,31	-0,56	0,34				
Стремление к преодолению тревоги в социальных ситуациях										
16	Верно ли, что Вам хотелось бы преодолеть нерешительность при общении с некоторыми интересными людьми?	2,65	1,09	-0,20	-1,24		0,36			
21	Бывает ли, что у Вас учащается сердцебиение и/или возникает ком в горле от одной мысли, что завтра Вам придется беседовать с начальником о проделанной работе?	2,22	0,98	0,26	-0,98		0,45		0,47	
27	В беседе с начальником Вам с трудом удастся не выдать признаки волнения и тревоги?	2,20	0,90	0,26	-0,74		0,49			
26	После сдачи экзамена (или аттестации или др.), вы продолжаете мысленно возвращаться к тому, как это было?	2,86	1,00	-0,33	-1,03		0,51			0,31
19	Ваш голос звучит не так уверенно, как хотелось бы (дрожит, пропадает), если приходится выступать перед незнакомой аудиторией?	2,43	1,19	0,04	-1,52		0,52			
6	Стараетесь ли Вы скрыть признаки волнения (дрожание рук, голоса, потение ладоней и т.п.) в ситуации выступления перед аудиторией?	2,95	1,02	-0,70	-0,58		0,55			
10	Бывает ли так, что, даже при тщательной подготовке к проверке знаний (экзамену, аттестации), волнение не уменьшается, а, наоборот, усиливается при приближении этого события?	2,98	1,01	-0,66	-0,69		0,58			
Стремление к избеганию социальных ситуаций										
2	Бывает ли так, что Вы хотите пойти на праздник в гости, но остаетесь дома, потому что стесняетесь чего-то, волнуетесь и не можете преодолеть это чувство?	1,94	0,96	0,73	-0,46			0,47		
13	Верно ли, что Вы скорее предпочтете самостоятельно искать нужный вам адрес, чем обратиться за помощью к прохожему, даже если спешите?	1,99	1,05	0,70	-0,74			0,78		
14	Оформление документов для вас мучительно и вы стараетесь этого избегать, т.к. это требует проявления инициативы при общении с незнакомыми людьми?	2,06	1,02	0,50	-0,95			0,73		
20	Если Вам необходимо позвонить по телефону незнакомому человеку, Вы долго настраиваетесь и, не смотря на это, волнуетесь при разговоре?	2,63	1,08	-0,22	-1,21			0,33		
28	Вы предпочтете потерять деньги и не станете возвращать некачественный продукт в магазин из-за опасения критики или недовольства в свой адрес?	2,04	0,90	0,34	-0,89			0,52		
4	Верно ли, что Вы с трудом заводите новые знакомства?	2,19	1,03	0,39	-1,00	0,40		0,33		0,45
Уверенность в критичном отношении и негативной оценке окружающих										
9	Вы считаете, что окружающие Вас негативно оценивают и отвергают при общении?	1,50	0,75	1,69	2,82				0,36	
17	Бывает ли так, что в компании Вы ведете себя нарочито свободно, стараясь скрыть свое волнение (смущение)?	2,27	0,92	0,11	-0,89				0,57	
18	Бывает ли так: осознавая, что вряд ли ваш знакомый откажет Вам в просьбе одолжить книгу на пару дней, тем не менее, Вы не решаетесь попросить его об этом?	1,86	0,88	0,81	-0,05				0,49	
23	Бывает ли так, что Вы стесняетесь примерять одежду перед покупкой?	1,54	0,89	1,40	0,68				0,77	

24	Стараетесь ли Вы оттянуть на какое-то время (или избежать) участия в ситуации оценивания ваших знаний и умений?	2,37	1,07	-0,01	-1,30					0,44
29	Иногда, находясь в кафе или столовой, Вы испытываете неловкость и дискомфорт, так как боитесь, что в глазах окружающих Вы выглядите «как-то не так» (хуже, чем обычно)?	1,84	0,92	0,63	-0,84					0,65
21	Бывает ли, что у Вас учащается сердцебиение и/или возникает ком в горле от одной мысли, что завтра Вам придется беседовать с начальником о проделанной работе?	2,22	0,98	0,26	-0,98		0,45			0,47
Переживание нехватки социальных навыков										
1	Бывает ли так, что, встречаясь с незнакомыми людьми, Вы испытываете беспокойство и волнение, т.к. не знаете, как себя вести?	2,71	0,93	-0,36	-0,66					0,48
5	Думаете ли Вы, что другие могут обсуждать ваше «неловкое поведение» или «недостатки» после общения с Вами?	2,39	0,91	0,09	-0,78					0,31
8	Вы скорее промолчите, чем будете отстаивать свою точку зрения в спорной ситуации?	1,99	0,85	0,41	-0,64					0,72
12	Чувствуете ли Вы себя неловко, если Вам приходится отказать в просьбе знакомому?	3,10	0,87	-0,83	0,14					0,52
4	Верно ли, что Вы с трудом заводите новые знакомства?	2,19	1,03	0,39	-1,00	0,40		0,33		0,45
26	После сдачи экзамена (или аттестации и др.), вы продолжаете мысленно возвращаться к тому, как это было?	2,86	1,00	-0,33	-1,03		0,51			0,31
*Величина стандартной ошибки асимметрии для всех пунктов равна 0,238. **Величина стандартной ошибки эксцесса для всех пунктов равна 0,474.										

Table 5. Descriptive statistics and factor loadings of items «Questionnaire of Social Anxiety and Social Phobia.»

№	Questionnaire Item	Mean	Statistical Deviation	Asymmetry	Excess	F1	F2	F3	F4	F5
Fear of rejection and criticism with interpersonal contacts										
7	When you feel sympathy (or fall in love) do you talk about it to this person or fear of rejection?	2.59	0.96	-0.12	-0.90	0.83				
22	Do you feel uncomfortable if a person of the opposite sex gives you signs on attention?	2.36	1.02	0.07	-1.14	0.78				
25	Is it difficult to you to take the initiative getting acquainted with someone of the opposite sex?	2.47	0.96	0.09	-0.92	0.53				
11	Do you ever hesitate (blush, depress your eyes) if you talk to a person of the opposite sex?	2.34	0.97	0.26	-0.87	0.51				
4	Is it true you could hardly make new friends?	2.19	1.03	0.39	-1.00	0.40		0.33		0.45
3	Do you have trouble talking with colleagues at work (at college), look them straight in the eye?	1.72	1.03	1.21	0.13	0.40				
15	Is it difficult to you to perform the job (any job), if someone is watching you?	2.70	0.89	-0.31	-0.56	0.34				
Desire to overcome anxiety in social situations										
16	Is it true that you would like to overcome shyness when talking with some interesting people?	2.65	1.09	-0.20	-1.24		0.36			
21	Does your heartbeat quicken and / or do you feel a lump in your throat at the thought that tomorrow you will have to talk with the boss about the work done?	2.22	0.98	0.26	-0.98		0.45		0.47	
27	In an interview with the chief of you find it difficult to not give signs of excitement and anxiety?	2.20	0.90	0.26	-0.74		0.49			
26	After passing the examination (and certification or other) do you continue to think back to how it was?	2.86	1.00	-0.33	-1.03		0.51			0.31
19	Does your voice sound as confident as you would like it to be (or trembles. or your voice is lost) if you have to speak in front of an unknown audience?	2.43	1.19	0.04	-1.52		0.52			
6	Do you try to hide the signs of agitation (shaking hands. trembling voice. sweating palms. etc.) in a situation when giving a talk in front of an audience?	2.95	1.02	-0.70	-0.58		0.55			
10	Do you feel excited at the thought of the approaching exam. certification even if you are thoroughly prepared?	2.98	1.01	-0.66	-0.69		0.58			

Avoidance of social situations										
2	Do you ever want to go to a party, but stay at home because you feel shy, worried and cannot overcome this feeling?	1.94	0.96	0.73	-0.46			0.47		
13	Is it true that you probably prefer to search for the address than ask for help from a passerby, even if in a hurry?	1.99	1.05	0.70	-0.74			0.78		
14	Paperwork is painful and you try to avoid it as it requires taking initiative when dealing with unknown people?	2.06	1.02	0.50	-0.95			0.73		
20	If you need to phone call an unknown person you have to set your mind on it, despite this, worried while talking?	2.63	1.08	-0.22	-1.21			0.33		
28	You prefer to lose money and not return the defective product to the store because of the fear of criticism or discontent?	2.04	0.90	0.34	-0.89			0.52		
4	Is it true that you can hardly make new friends?	2.19	1.03	0.39	-1.00	0.40		0.33		0.45
Self-critical attitude and a negative evaluation of others										
9	Do you think that others evaluate you negatively and reject when communicating?	1.50	0.75	1.69	2.82				0.36	
17	Do you sometimes happen to behave deliberately loose in the company, trying to hide your excitement (embarrassment)?	2.27	0.92	0.11	-0.89				0.57	
18	Do you realize that your friend is unlikely to refuse your request to borrow a book for a few days, you still do not dare to ask him about it?	1.86	0.88	0.81	-0.05				0.49	
23	Do you sometimes happen to hesitate to try on clothes before you buy?	1.54	0.89	1.40	0.68				0.77	
24	Do you try to delay (or avoid) participating in the assessment of your knowledge and skills?	2.37	1.07	-0.01	-1.30				0.44	
29	Sometimes in a cafe or diner you feel awkward and uncomfortable being afraid that in the eyes of public you look "like something is wrong" (worse than usual)?	1.84	0.92	0.63	-0.84				0.65	
21	Does your heartbeat quicken and / or do you feel a lump in your throat at the thought that tomorrow you will have to talk with the boss about the work done?	2.22	0.98	0.26	-0.98		0.45		0.47	
Feeling lack of social skills										
1	Do you happen you feel anxiety and excitement when meeting and you do not know how to behave with unknown people?	2.71	0.93	-0.36	-0.66					0.48
5	Do you think that others can discuss your "embarrassing behaviour" or "shortcomings" after talking with you?	2.39	0.91	0.09	-0.78					0.31
8	You rather say nothing than the defend their point of view in a dispute?	1.99	0.85	0.41	-0.64					0.72
12	Do you feel uncomfortable when you have to refuse the request of a friend?	3.10	0.87	-0.83	0.14					0.52
4	Is it true that you hardly make new friends?	2.19	1.03	0.39	-1.00	0.40		0.33		0.45
26	After passing the examination (and certification or other) do you continue to think back to how it was?	2.86	1.00	-0.33	-1.03		0.51			0.31

* The value of the standard error of the asymmetry for all items is 0.238.
** The value of the standard error of kurtosis for all items is equal to 0.474.

Таблица 6. Значения коэффициента альфа Кронбаха для шкал «Опросника социальной тревоги и социофобии»

Шкала	Альфа Кронбаха
Страх отвержения и критики в ситуациях межличностного контакта	0,762
Стремление преодолеть тревогу в социальных ситуациях	0,654
Стремление к избеганию социальных ситуаций	0,701
Уверенность в критичном отношении окружающих	0,714
Переживание нехватки социальных навыков	0,564
Общий суммарный балл	0,852

Table 6. The values of Cronbach's Alpha coefficient for the «Questionnaire Social Anxiety and Social Phobia» scale

Scale	Cronbach's Alpha
Fear of rejection and criticism of interpersonal contact situations	0.762
The desire to overcome anxiety in social situations	0.654
Commitment to avoidance of social situations	0.701
Self-critical attitude of others	0.714
The experience of the lack of social skills	0.564
Total score	0.852

тревоги в социальных ситуациях», «Переживание нехватки социальных навыков». Для более детального анализа адекватности данных пунктов выделенным шкалам, был проведен анализ надежности этих шкал. Поэтому для следующего этапа анализа психометрических свойств «Опросника социальной тревоги и социофобии» было решено оставить данные пункты в составе выделенных шкал в виде прямых вопросов. Соответственно 4 пункт был включен в 1, 3 и 5 шкалы (с прямым ключом), пункт 21 – во 2 и 4 шкалы (с прямым ключом), а пункт 26 – во 2 и 5 шкалы (с прямым ключом).

Для анализа надежности шкал опросника использовался критерий α -Кронбаха. Приведенные в таблице 6 значения указывают на приемлемую надежность тестовых шкал.

Таблица 7. Корреляция «Шкалы социальной тревожности Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки» с различными психологическими характеристиками

Название шкалы	Страх отвержения и критики при межличностном контакте	Стремление преодолеть тревогу в социальных ситуациях	Стремление к избеганию в социальных ситуациях	Уверенность в критичном отношении окружающих	Переживание нехватки социальных навыков	Общий балл «Опросника социальной тревоги и социофобии»	«Шкала депрессии Бека»	«Шкала личностной тревожности»
Страх ситуаций межличностного контакта	,527**	,291**	,599**	,466**	,420**	,637**	,241*	,403**
Страх ситуаций формального общения и взаимодействия	,409**	,598**	,287**	,379**	,452**	,546**	,252*	,498**
Страх совершения действий в общественных местах	,231*	,196**	,278**	,268**	,234*	,320**	0,16	,242*
Избегание ситуаций межличностного контакта	,589**	,243*	,619**	,445**	,396**	,631**	,265**	,441**
Избегание ситуаций формального общения и взаимодействия	,394**	,534**	,398**	,343**	,404**	,538**	,203*	,466**
Избегание совершения действий в общественных местах	,258**	,197*	,293**	,191*	,270**	,318**	,206*	,308**
Суммарный балл «Страх»	,535**	,448**	,536**	,494**	,491**	,678**	,285**	,503**
Суммарный балл «Избегание»	,601**	,420**	,630**	,456**	,484**	,701**	,303**	,547**
«Общий суммарный балл»	,608**	,466**	,624**	,511**	,523**	,739**	,315**	,562**
Шкала страха негативной оценки	,305**	,275**	,257**	,338**	,503**	,468**	0,19	,467**

*Корреляция значима на уровне $p=0,05$
**Корреляция значима на уровне $p=0,01$

Table 7. Correlation of "Liebowitz Social Anxiety Scale" and Fear of Negative Evaluation Scale with various psychological characteristics.

Scale	Fear of rejection and criticism with interpersonal contact	Desire to overcome anxiety in social situations	Avoidance in social situations	Self-critical attitude and a negative evaluation of others	Feeling lack of social skills	Total Score for «Questionnaire Social Anxiety and Social Phobia»	Beck Depression Inventory	Scale of Personal Anxiety
Fear of interpersonal contact situations	.527**	.291**	.599**	.466**	.420**	.637**	.241*	.403**
Fear of verbal communication and interaction situations	.409**	.598**	.287**	.379**	.452**	.546**	.252*	.498**
Fear of doing something in public places	.231*	.196**	.278**	.268**	.234*	.320**	0.16	.242*
Avoiding of interpersonal contact	.589**	.243*	.619**	.445**	.396**	.631**	.265**	.441**
Avoiding situations of verbal communication and interaction	.394**	.534**	.398**	.343**	.404**	.538**	.203*	.466**
Avoiding doing something in public places	.258**	.197*	.293**	.191*	.270**	.318**	.206*	.308**
Total Score for "Fear"	.535**	.448**	.536**	.494**	.491**	.678**	.285**	.503**
Total Score for "Avoidance"	.601**	.420**	.630**	.456**	.484**	.701**	.303**	.547**
Total Score	.608**	.466**	.624**	.511**	.523**	.739**	.315**	.562**
Fear of Negative Evaluation Scale	.305**	.275**	.257**	.338**	.503**	.468**	0.19	.467**

* Correlation is significant at $p = 0.05$
** Correlation is significant at the $p = 0.01$

Как оказалось, исключение пунктов, имеющих нагрузку сразу на несколько шкал, не повышало показателей надежности шкал, а, напротив, снижало их. Поэтому было решено оставить пункт 4 в составе 1, 3 и 5 шкалы, пункт 21 – в составе 2 и 4 шкалы, а пункт 26 – во 2 и 5 шкалы в виде прямых вопросов.

Анализ валидности опросников

Для проверки валидности шкал опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» рассчитывался коэффициент корреляции Пирсона с «Опросником социальной тревоги и социофобии» и его

подшкалами, а также со «Шкалой депрессии Бека» и «Шкалой личностной тревожности Спилбергера». Все показатели социальной тревоги коррелируют между собой, свидетельствуя в пользу валидности опросников. При этом все шкалы опросников, направленные на оценку социальной тревоги, значимо коррелиру-

ют с результатами по «Шкале личностной тревожности Спилберга» и «Шкале депрессии Бека». Подобная корреляция вполне ожидаема и воспроизводит результаты, полученные в других исследованиях, посвященных оценке психометрических свойств рассматриваемых методик диагностики социальной фобии (Carleton, 2006; Levin, 2002; Heimberg, 1999; Safren, 1999; Safren, 1999; Fresco, 2001). Значения коэффициентов корреляции Пирсона «Шкалы социальной тревожности Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки» приведены в таблице 7.

Обсуждение результатов

Результаты исследования указывают на трехфакторную структуру «Шкалы социальной тревожности Либовица». Выделенные факторы соответствуют различным типам социальных ситуаций, в которых могут проявляться страх или избегание: межличностное общение и взаимодействие, общение и взаимодействие в формальных ситуациях, совершение каких-либо действий общественных местах.

Полученная факторная структура существенно отличается от исходной, предложенной автором опросника. Более того, в разных исследованиях, посвященных проверке психометрических свойств данной методики, было выделено разное количество факторов, которые также отличались и по содержанию. Так, в исследовании, проведенном на американской выборке (Safren et al., 1999), было выделено четыре фактора:

- 1) социальное взаимодействие;
- 2) выступление перед публикой;
- 3) быть под наблюдением;
- 4) пить и есть в общественных местах.

В другом исследовании (Terra et al., 2006), проведенном на португальской выборке, была получена пятифакторная структура:

- 1) высказываться в группе людей;
- 2) совершать действия на публике;
- 3) социальное взаимодействие с незнакомыми людьми;
- 4) выражение несогласия или неодобрения;
- 5) социальное взаимодействие в неформальных ситуациях.

В исследовании (Levin et al., 2002), проведенном на еврейской выборке, было получено 3 фактора:

- 1) общение и взаимодействие с группой;
- 2) диадическое общение и взаимодействие;
- 3) действия, совершаемые в общественных местах.

Факторная структура, предложенная автором опросника М.Р. Либовицем, включала в себя 2 типа ситуаций:

- 1) взаимодействие с людьми;
- 2) действие (в контексте какой-либо социальной ситуации).

Данные исследований, посвященных анализу психометрических свойств опросника «Шкала социальной тревожности Либовица», могут указывать на высокую чувствительность факторной структуры данного опросника к культурным различиям, что, в свою очередь, может демонстрировать межкультурные различия в структуре социальных страхов, характерных для представителей различных обществ.

Анализ показал высокий уровень надежности всех шкал опросника, за исключением шкал «Страх совершения действий в общественных местах» и «Избегание совершения действий в общественных местах», которые продемонстрировали невысокий, но приемлемый уровень надежности. Кроме того, шкалы опросника продемонстрировали достаточно высокие показатели надежности-устойчивости.

Анализ «Шкалы страха негативной оценки (краткая версия)» подтвердил его однофакторную структуру (Carleton, 2006; Carleton, 2007). Результаты анализа надежности данного опросника указывают на высокую надежность-согласованность и высокую ретестовую надежность.

Результаты анализа пунктов опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» указывают на необходимость внесения корректировок в формулировку ряда пунктов.

«Опросник социальной тревожности и социофобии» в настоящем исследовании предполагалось использовать для валидизации «Опросника Либовица» и «Шкалы страха негативной оценки». Однако анализ его факторной структуры показал отличия от оригинального исследования.

Авторы «Опросника социальной тревожности и социофобии» (Сагалакова, Труевцев, 2012) описывают 5 шкал:

- 1) Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»;
- 2) Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях;
- 3) Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях;
- 4) Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля;
- 5) Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях.

Анализ данных, полученных в нашем исследовании, показал неожиданные результаты. Нами также была выделена пятифакторная структура опросника, однако и содержание этих факторов, и их интерпретация отличались от исходных. Были выделены следующие факторы:

- 1) Страх отвержения и критики в межличностных контактах;
- 2) Стремление к преодолению социальной тревоги;
- 3) Стремление к избеганию социальных ситуаций;
- 4) Уверенность в негативной оценке и критичном отношении окружающих;
- 5) Переживание нехватки социальных навыков.

Полученные различия могут объясняться особенностями выборки. Вполне вероятно, что при увеличении репрезентативности выборки результаты факторизации больше соответствовали бы исходной модели. В то же время, учитывая высокую культурную обусловленность социальной тревожности, возможно, подобные результаты вызваны культурными различиями (опросник был создан на базе Алтайского государственного университета).

Тем не менее, для дальнейшего анализа мы использовали шкалы, сформированные на основании выделенных нами факторов. Каждая из полученных шкал продемонстрировала адекватную надежность.

Данный опросник использовался нами для проверки конструктивной валид-

ности апробируемых методик. С одной стороны, полученные нами значимые и достаточно высокие корреляции шкал «Опросника социальной тревоги и социофобии» со шкалами опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» указывают на конструктивную валидность апробируемых шкал. Существенные сдвиги в факторной структуре «Опросника социальной тревоги и социофобии» не позволяют нам говорить о валидности апробируемых шкал с полной уверенностью. Однако, можно утверждать, что все эти опросники направлены на оценку одного и того же конструкта.

Дальнейших исследований и подтверждений требует вопрос о дискриминантной валидности апробируемых методик. С одной стороны, результаты анализа указывают на то, что методики оценки социальной тревожности связаны между собой сильнее, чем со «Шкалой депрессии Бека», что говорит об адекватной дискриминантной валидности апробируемых методик относительно измерения депрессии. С другой стороны, связи шкал, направленных на оценку социаль-

ной тревожности, между собой иногда ниже, чем связи этих шкал со «Шкалой личностной тревожности Спилбергера». Социальная тревожность является одной из форм тревожности. Поэтому связи между опросниками, направленными на оценку социальной тревожности, могут быть для некоторых шкал этих опросников ниже, чем для «Шкалы личностной тревожности Спилбергера». Иными словами, достаточно высокие корреляции между этими шкалами не являются артефактами.

Заключение

Хотелось бы сделать ряд замечаний по всем выявленным ограничениям. Во-первых, следует учитывать тот факт, что Россия – многокультурная страна, и факторы «Шкалы социальной тревожности Либовица», полученные на московской выборке, могут не соответствовать факторам, полученным при анализе свойств данной шкалы в других регионах России. То есть, структура ситуаций, вызывающих социальную тревогу, может

существенно меняться от региона к региону. Следовательно, необходимо провести апробацию «Шкалы социальной структуры Либовица» на более широкой выборке. Во-вторых, в результате анализа «Опросника социальной тревоги и социофобии» была получена факторная структура, существенно отличающаяся от задуманной авторами. Значит, необходимо собрать большее количество эмпирических данных из разных регионов России, чтобы нивелировать влияние культурных различий и окончательно определить факторную структуру опросника. Кроме того, прежде чем проводить повторную апробацию, надо внести корректировки в формулировки ряда пунктов опросников. Далее, чтобы установить пригодность апробируемых шкал для оценки социофобии, нужно провести исследование на больших социофобиях. Возможно, анализ связей между тревожностью и социальной тревожностью в группе с выраженными показателями последней, позволит более детально прояснить вопрос о дискриминантной валидности опросников социальной тревоги.

Литература:

- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 36-48. doi: 10.11621/npj.2014.0205
- Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России. – 2012. – № 4. (15) – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php.
- Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – Санкт-Петербург : Питер, 2001.
- Baker M., Kim L.J., Hoffman S.G. The Liebowitz social anxiety scale as a self-report instrument: a preliminary psychometric analysis // Behaviour Research and Therapy. – 2002. – 40. – p. 701-715.
- Bodinger L., Hermesh H., Aizenberg D., Valevski A., Marom S., Shiloh R. Sexual function and behavior in social phobia // Journal of Clinical Psychiatry. – 2002. – 63. – p. 874-879.
- Carleton N.R., McCreary D.R., Norton P.J., Asmundson G.J.G. Brief Fear of Negative Evaluation Scale-Revised // Depression and Anxiety. – 2006. – 23. – p. 297-303.
- Carleton R., Social anxiety and fear of negative evaluation: Construct validity of the BFNE-II // Journal of Anxiety Disorders. – 2007. – 21. – p. 131-141.
- Fresco D. et al The Liebowitz Social Anxiety Scale: a comparison of the psychometric properties of self-report and clinician-administered formats // Psychological Medicine. – 2001. – 31. – p. 1025-1035.
- Handbook of social anxiety / Ed. Lietaenberg H. – New York: Plenum Press, 1990.
- Hanin Y.L., Spielberger C.D. The development and validation of the Russian form of the state-trait-anxiety inventory. // C.D. Spielberger, R. Diaz-Guerrero (eds.) Cross-cultural anxiety. V. 2. – Washington: Hemisphere Publishing Corporation, 1981. – p. 15-26.
- Hart T.A., MacAndrew S.J., Turk C.L., Heimberg R.G. Issues for the measurement of social phobia // H.G.M. Westenberg and J.A. den Boer (Eds.) Social phobia: Recent trends and progress. – Amsterdam: Syn-Thesis Publisher, 1990. – p. 133-155.
- Heimberg R., Horner K.J., Juster H. R., Safren S.A., Brown E.J., Schneier F.R., Liebowitz M.R. Psychometric properties of the Liebowitz Social Anxiety Scale // Psychological Medicine. – 1999. – 29. – p. 199-212.
- Kashdan T.B. Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis // Clinical Psychology Review. – 2007. – 27. – p. 348-365.
- La Greca A.M., Lopez N. Social anxiety among adolescents: linkages with peer relations and friendships // Journal of Abnormal Child Psychology. – 1998. – 26(2). – p. 83-94.
- Levin J., Marom S., Gur S., Wechter D., Hermesh H. Psychometric properties and three proposed subscales of a self-report version of the Liebowitz social anxiety scale translated into Hebrew // Depression and anxiety. – 2002. – 16. – p. 143-151.

- Liebowitz M.R. Social phobia // *Modern Problems in Pharmacopsychiatry*. – 1987. – 22. – p. 141-173.
- McNeil D.W. Terminology and evolution of constructs related to social phobia // *From social anxiety to social phobia* / Hoffman S. (ed.) – Boston: MA, 2001. – p. 8-19.
- Olatunji B.O., Cisler J.M., Tolin D.F. Quality of life in the anxiety disorders: A metaanalytic review // *Clinical Psychology Review*. – 2007. – 27. – p. 572-581.
- Rapee R.M., Spence S.H. The etiology of social phobia: Empirical evidence and an initial model // *Clinical psychology review*. – 2007. – 27. – p. 737-767.
- Safren S.A., Heimberg R.G. Factor Structure of Social Fears: The Liebowitz Social Anxiety Scale // *Journal of Anxiety Disorders*. – 1999. – 13(3). – p. 253-270.
- Schneier F.R., Heckelman L.R., Garfinkel R., Campeas R., Fallon B.A., Gitow A., Street, L., Del Bene D., Liebowitz M.R. Functional impairment in social phobia // *Journal of Clinical Psychiatry* – 1994. – 55. – p. 322-331.
- Terra J., Barros H., Stein A., Figueira I., Athayde L., De Gonsalves M., Tergolina L., Rovani J., Da Silveira D. Internal consistency and factor structure of the Portuguese version of the Liebowitz Social Anxiety Scale // *Rev. Bras. Psiquiatr.* – 2006. – 28(4). – p. 265-269.
- Watson D., Friend R. Measurement of Social-evaluative Anxiety // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1969. – 33 (4). – p. 448-457.
- Zimbardo P.G. *Shyness: What is it and what to do about it*. – New York: Symphony press, 1977.

References:

- Baker, M., Kim, L.J., & Hoffman, S.G. (2002) The Liebowitz social anxiety scale as a self-report instrument: a preliminary psychometric analysis. *Behaviour Research and Therapy*. 40, 701-715.
- Bodinger, L., Hermesh, H., Aizenberg, D., Valevski, A., Marom, S., & Shiloh, R. (2002) Sexual function and behavior in social phobia. *Journal of Clinical Psychiatry*. 63, 874-879.
- Carleton, N.R., McCreary, D.R., Norton, P.J., & Asmundson, G.J.G. (2006) Brief Fear of Negative Evaluation Scale-Revised. *Depression and Anxiety*. 23, 297-303.
- Carleton, R., (2007) Social anxiety and fear of negative evaluation: Construct validity of the BFNE-II. *Journal of Anxiety Disorders*. 21, 131-141.
- Fresco, D. et al (2001) The Liebowitz Social Anxiety Scale: a comparison of the psychometric properties of self-report and clinician-administered formats. *Psychological Medicine*. 31, 1025-1035.
- (Ed.) Lietenberg H. (1990) *Handbook of social anxiety*. New York, Plenum Press.
- Hanin, U.L., & Spielberger, C.D. (1981) The development and validation of the Russian form of the state-trait-anxiety inventory. C.D. Spielberger, R. Diaz-Guerrero (eds.) *Cross-cultural anxiety*. Vol.2. Washington, Hemisphere Publishing Corporation, 15-26.
- Hart, T.A., MacAndrew, S.J., Turk, C.L., & Heimberg, R.G. (1990) Issues for the measurement of social phobia. H.G.M. Westenberg and J.A. den Boer (Eds.) *Social phobia: Recent trends and progress*. Amsterdam, Syn-Thesis Publisher, 133-155.
- Heimberg, R., Horner, K.J., Juster, H. R. , Safren, S.A., Brown, E.J., Schneier, F.R., & Liebowitz, M.R. (1999) Psychometric properties of the Liebowitz Social Anxiety Scale. *Psychological Medicine*. 29, 199-212.
- Kashdan, T.B. (2007) Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 27, 348-365.
- La Greca, A.M., & Lopez, N. (1998) Social anxiety among adolescents: linkages with peer relations and friendships. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 26(2), 83-94.
- Levin, J., Marom, S., Gur, S., Wechter, D., & Hermesh, H. (2002) Psychometric properties and three proposed subscales of a self-report version of the Liebowitz social anxiety scale translated into Hebrew. *Depression and anxiety*. 16, 143-151.
- Liebowitz, M.R. (1987) Social phobia. *Modern Problems in Pharmacopsychiatry*. 22, 141-173.
- McNeil, D.W. (2001) Terminology and evolution of constructs related to social phobia. Hoffman S. (ed.) *From social anxiety to social phobia*. Boston, MA, 8-19.
- Melnikova O.T., & Khoroshilov D.Ä. (2014). Modern criteria system of identifying the validity of qualitative research in psychology. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal]*, 2(14), 36-48. doi: 10.11621/npj.2014.0205
- Olatunji, B.O., Cisler, J.M., & Tolin, D.F. (2007) Quality of life in the anxiety disorders: A metaanalytic review. *Clinical Psychology Review*. 27, 572-581.
- Rapee, R.M., & Spence, S.H. (2007) The etiology of social phobia: Empirical evidence and an initial model. *Clinical psychology review*. 27, 737-767.
- Safren, S.A., & Heimberg, R.G. (1999) Factor Structure of Social Fears: The Liebowitz Social Anxiety Scale. *Journal of Anxiety Disorders*. 13(3), 253-270.
- Sagalakova, O.A., & Truettsev, D.V. (2012) Social anxiety and social phobia questionnaire. *Medical psychology in Russia [Meditsinskaja psikhologiya v Rossii]*. 4. (15) - Electronic resource. – Mode of Access: http://www.mprj.ru/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php.
- Schneier, F.R., Heckelman, L.R., Garfinkel, R., Campeas, R., Fallon, B.A., Gitow, A., Street, L., Del Bene, D., & Liebowitz, M.R. (1994) Functional impairment in social phobia. *Journal of Clinical Psychiatry*. 55, 322-331.
- Tarabrina, N.V. (2001) *Workshop on the psychology of post-traumatic stress*. St. Petersburg, Piter.
- Terra, J., Barros, H., Stein, A., Figueira, I., Athayde, L., De Gonsalves, M., Tergolina, L., Rovani, J., & Da Silveira, D. (2006) Internal consistency and factor structure of the Portuguese version of the Liebowitz Social Anxiety Scale. *Rev. Bras. Psiquiatr.* 28(4),265-269.
- Tous Ral, J.M., & Liutsko, L.N. (2014). Human errors: Their psychophysical bases and the Proprioceptive Diagnosis of Temperament and Character (DP-TC) as a tool for measuring. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(2), 48-63. doi: 10.11621/pir.2014.0205
- Watson, D., & Friend, R. (1969) Measurement of Social-evaluative Anxiety. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 33 (4), 448-457.
- Zimbardo, P.G. (1977) *Shyness: What is it and what to do about it*. New York, Symphony press.

Стресс-реакция на холод: энтропийная и хаотическая оценка

В.М. Еськов, М.А. Филатов, Т.В. Стрельцова

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Ю.П. Зинченко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 декабря 2015/ Принята к публикации: 27 декабря 2015

Stress reaction to cooling: entropic and chaotic estimation

Valery M. Eskov*, Mikhail A. Filatov, Tatiana V. Streltsova

Surgut State University, Surgut, Russia

Yuriy P. Zinchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: December 20, 2015 / Accepted for publication: 27, December 2015

*Corresponding author. E-mail: valery.eskov@gmail.com

Возникновение психофизиологических реакций на локальное охлаждение (кисти) в виде изменения параметров треморограмм изучалось с позиций теории хаоса-самоорганизации и расчета энтропий Шеннона. Показывается эффективность такого подхода для количественной оценки эффекта Еськова-Зинченко в биомеханике. Рассматривается динамика поведения параметров квазиаттракторов и значений энтропий для треморограмм в режиме многократных ($N = 225$) повторений опытов у одного испытуемого. Доказывается почти полное совпадение энтропии площади квазиаттракторов по 15-ти выборкам в каждой из 15-ти серий треморограмм. Это подобно детерминированному хаосу при инвариантности мер в оценке реальных аттракторов Лоренца. Стрессовое воздействие (5 мин. охлаждение конечности в воде при $t = 5$ °C) не вызывает существенного изменения параметров энтропий E для треморограмм всех трёх групп испытуемых при их сравнении с исходным (спокойным) состоянием. Высказывается необходимость применения других критериев оценки холодового стресса в психофизиологии. Такие новые подходы сейчас нами выполняются в рамках теории хаоса-самоорганизации. В итоге мы получили отсутствие изменений параметров энтропии E , но при этом параметры квазиаттракторов (S) для треморограмм изменялись существенно. Это доказывает уникальность теории хаоса-самоорганизации и открывает новые возможности использования этой новой теории в психологии и психофизиологии. Объективная оценка стресс – реакции человека на внешние агенты – очень сложная задача для количественного описания и моделирования. В рамках теории хаоса – самоорганизации это сейчас становится возможным. В этом случае эффект Еськова-Зинченко будет регистрироваться только с позиций квазиаттракторов и матриц парного сравнения выборок с расчётом числа совпадений k .

Ключевые слова: тремор, хаос, энтропия, квазиаттракторы, холодовой стресс.

The local limb cooling provides the special psychophysiology reaction as alteration of tremor parameters. Shannon's entropy after limb cooling is researched. The efficacy of such approaches for quantity estimation according to Eskov-Zinchenko effect at biomechanics is presented. Entropy E value and quasi-attractor parameters for one person with multi repetition of tremor registration ($N=225$ repetition) is shown. All these 15 samples with 15 series (registration of tremorogramm of one person) present the stable value of E and quasi-attractor sequence for 225 repetitions. When the Lorenz attractors demonstrate mixing property the invariant means correspond the determined chaos. But the stress perturbation (5 min. cooling of limb in water $t = 5$ °C) does not change the E value. Three groups of subjects do not present the distinction between groups without stress and after cooling of limb. So it is necessary to construct the new theory for cooling stress (not stochastic approach) in psychophysiology. The new approaches is realized according to the new theory of self-organization chaos. As a result, E entropy parameters are not obtained while the quasi-attractor (S) parameter for termograms differ significantly. This proves the uniqueness of self-organization chaos theory, and opens up new opportunities to use this new theory in psychology and psychophysiology. Objective evaluation of stress – the human response to external agents – is a very difficult task for the quantitative description and simulation. As part of chaos theory self-organizing it now becomes possible. In this case, Eskov-Zinchenko effect will be recorded only regarding quasi-attractors and matrix of pairwise comparison of samples with the calculation of k matches.

Keywords: tremor, chaos, entropy, quasi-attractors, cooling stress.

Эффект Н.А. Бернштейна по выявлению особенностей организации движений с позиций «повторение без повторений», открыл новую эпоху в изучении сложных систем – *complexity*. До настоящего времени этот эффект никем так и не был изучен и не смоделирован. Постуральный тремор сейчас с позиций новой, разрабатываемой нами теории хаоса-самоорганизации (ТХС) реально представляет наглядный пример организации движений

без повторений (Еськов, 2015, 2016а, 2016б; Майстренко, 2009; Русак, 2014; Филатова, 2015). Эта проблема сейчас нами расширена до понимания произвольных и непроизвольных движений и роли хаоса в организации любых видов движения (Гавриленко, 2013, 2015; Добрынина, 2015; Дудин, 2011; Еськов, 2013, 2015). Одновременно, такой подход может служить связующим звеном при переходе от движения физическое к движению абстрактному в фазовом

пространстве состояний (ФПС) вектора состояния $x = x(t) = (x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ любой биомеханической системы. В настоящее время хаотические биомеханические системы обычно представляют в рамках детерминированного хаоса как особый вид движения, которое совершенно некорректно описывать в рамках традиционной статистики, столь широко распространённой в психологии (Адайкин, 2007; Ануфриев, 2008; Гавриленко, 2013; Еськов, 2004).

Попытки построения детерминистских и стохастических моделей в изучении биомеханических процессов (в частности теппинга или тремора) неизбежно приводят к изучению возможности моделирования хаотической динамики и постурального тремора, и теппинга. При этом возникает одна из фундаментальных задач психологии: чем произвольное движение отличается от непроизвольного? Ответ на этот вопрос касается и психологов, и физиологов, что сближает позиции этих двух наук. Решение этой проблемы – ключ к пониманию особенностей гомеостаза и эволюции любых биосистем – *complexity* (Еськов, 2004, 2010а, 2010б, 2012, 2013), в нашем случае речь идёт о психологическом гомеостазе как сохранении стабильного психического состояния.

В новом эффекте Еськова-Зинченко численно доказывается почему любой интервал треморограммы (ТМГ) будет уникальным и неповторимым. Это описывается в эффекте Еськова – Зинченко не только для выборок ТМГ, но и их амплитудно-частотных характеристик (АЧХ), автокорреляционных функций $A(t)$ и фрактальных размерностей. Иными словами, ТМГ и ее любой участок будут уникальны и неповторимы, а любой анализ этого участка с позиции стохастического подхода будет применим только для конкретного интервала времени Δt . В другой момент времени все статистические параметры будут другими и, соответственно, мы будем получать другие результаты стохастического анализа как ТМГ, так и других видов движения (на других интервалах времени $\Delta t_1, \Delta t_2, \dots, \Delta t_n$) (Гавриленко, 2013, 2015; Добрынина, 2015; Дудин, 2011; Еськов, 2013, 2015; Еськов, 2012, 2013, 2015а, 2015б, 2016а, 2016б).



Валерий Матвеевич Еськов – доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией биокибернетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: valery.eskov@gmail.com



Юрий Петрович Зинченко – академик и вице-президент РАО, главный ученый секретарь президиума РАО, президент РПО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии психологии, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: dek@psy.msu.ru



Михаил Александрович Филатов – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики и нейрокибернетики Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: filatovmik@yandex.ru



Татьяна Владимировна Стрельцова – аспирант кафедры биофизики и нейрокибернетики Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: stv@no.surgu.ru

Все статистические характеристики любых движений будут показывать разные статистические функции $f(x)$, разные их АЧХ, $A(t)$, другие характеристики. Тогда возникает базовый вопрос: может ли сознание человека точно управлять процессом движения (или где граница произвольности?) и какова роль ВНД? Ответы на эти вопросы для психологии имеют фундаментальное значение. Это понимал Н.А. Бернштейн, но количественное изучение движений «без повторов» было сделано только в наше время (Ануфриев, 2008; Гавриленко, 2013; Еськов, 2016; Филатова, 2015).

1. Оценка статичности тремора в рамках энтропийного подхода

Исследования проводились на базе Сургутского государственного университета (СурГУ) в период 2014 – 2015 годов. Во все три группы входили студенты СурГУ (мужского и женского пола), средний возраст 21 год в каждой группе (студенты старших курсов).

Сразу отметим, что при квантовании треморограмм мы получали некоторые выборки координат $x_i = x_i(t)$, которые представляли положение пальца в пространстве по отношению к датчику регистрации координаты x_i (положение пальца в пространстве). Регистрировался набор дискретных величин x_i , т.е. выборки треморограмм x_i , как непрерывно изменяющихся координат. Эти выборки x_i для каждого интервала Δt_j ($j = 1, 2, \dots, n$, где $n = 15$ обычно в наших исследованиях) статистически обрабатывались. Далее $x_i(t)$ дифференцировался, т.е. находилась скорость движения конечности $x_2(t) = dx_1/dt$ и получался вектор $x(t) = (x_1, x_2)^T$, в таком двумерном фазовом пространстве. Причём x_1 и скорость x_2 с позиций физики образовывали сопряжённые координаты (Гавриленко, 2013; Еськов, 2016а, 2016б) для некоторого вектора $x = x(t) = (x_1, x_2)^T$ в двумерном фазовом пространстве состояний (ФПС).

Вся установка включала в себя токовихревой датчик (1), усилители сигнала, аналого-цифровой преобразователь – АЦП и ЭВМ, которая кодировала и сохраняла информацию для каждого интервала Δt_j в виде отдельных файлов (выборки x_i) с реальной длительностью $T = 5$ сек для каждой треморограммы.

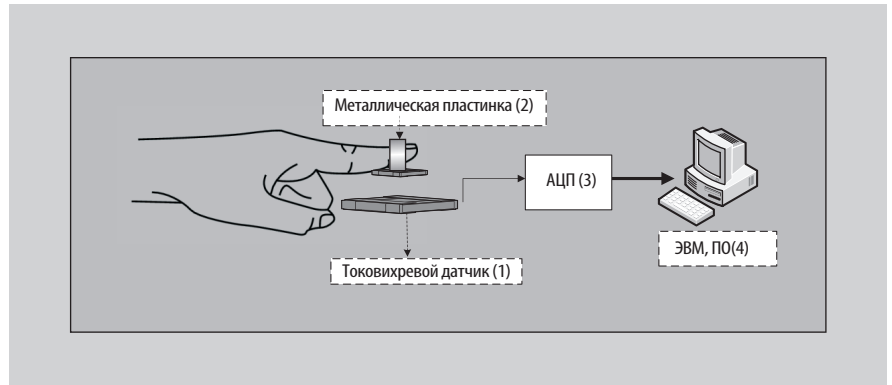


Рис 1. Схема биоизмерительного комплекса регистрации тремора и теппинга

Fig 1. Bioinstrumentation complex of registering tremor and tapping

Металлическая пластинка (2), которая крепилась к пальцу, обеспечивала регистрацию Δx_i с точностью, 0,1 мм в частном диапазоне от 0 Гц до 1000 Гц, что весьма затруднительно для акселерометрических датчиков (или других типов регистраторов).

В целом, мы сейчас говорим о высокоточной регистрации как по x_1 , так и по частотному диапазону, что позволяет оперировать координатой x_1 и скоростью x_2 с высокой точностью (сравнительно с другими работами). Для обработки полученных файлов (выборок x_1 и $x_2 = x_2(t)$) первоначально использовались методы статистики (*Statistica* – 6) для получения статистических функций $f(x)$ (обычно это были непараметрические распределения) а затем определяли АЧХ и $A(t)$. Одновременно рассчитывались площади квазиаттракторов вектора $x(t) = (x_1, x_2)^T$, в виде $S = \Delta x_1 \cdot \Delta x_2$, где Δx_1 – вариационный размах треморограммы.

Одновременно использовался один из методов стохастики, широко применяемой в теории информации и термодинамике, в виде расчета значения энтропии Шеннона. Энтропия Шеннона связана с распределением вероятностей амплитуд колебаний движения. Фактически, это мера упорядоченности выборок x_i – компонент вектора состояния системы $x(t)$ в фазовом пространстве состояний (ФПС). Характерно, что для странных аттракторов их $f(x)$ для разных Δt_j получаются практически одинаковыми, что для ТМГ невозможно в принципе и это (неповторяемость $f(x)$, АЧХ и $A(t)$) составляет сейчас основу эффекта Еськова-Зинченко (Еськов, 2015;

Еськов, 2004, 2010, 2012, 2013, 2015а, 2015б).

Формальное определение энтропии для независимых случайных событий x с n возможными состояниями (от 1 до n , p – функция вероятности) рассчитывается по формуле:

$$H(x) = - \sum_{i=1}^n p(i) \log_2 p(i).$$

где p – функция вероятности. Для равномерного распределения (как мы проверили экспериментально) обычно число k повторов выборок E бывает $k \approx 98\%$, что отлично от ТМГ при расчёте выборок в режиме неизменного психического и физиологического гомеостаза. Отдельно, нами производилось сравнение значений E с особенностями функциональных состояний испытуемых. Это делалось для учёта возможных влияний высшей нервной деятельности (ВНД) на параметры ТМГ (Еськов, 2012, 2013, 2015а, 2015б, 2016а, 2016б).

Главное во всех наших исследованиях – это многочисленные повторы измерений у одного и того же человека, находящегося в условиях одинакового или разного гомеостаза. При этом можно считать, что психическое состояние испытуемого не изменяется во всех 15-ти сериях повторов (по 15-ти выборок ТМГ в каждой серии), т.е. мы можем говорить о сохранении одинакового психического гомеостаза (ПГ). Разработка критериев идентификации ПГ и составляет основу наших всех усилий, т.е. разработки и применения ТХС в психологии. Итого, в первой части исследования мы имели всего 225 выборок

(по 15 серий). Для каждого испытуемого, находящегося в условиях разной адаптации к холодным воздействиям (1-я группа без закаливания, 2-я группа – 1 год и 3-я группа – 2 года закаливания), в качестве теста было предложено погружение в воду с $t = 4$ °C. Результаты таких испытаний (для одного человека) представлены в табл. 1, где мы демонстрируем матрицу статистической обработки поведения площади S квазиаттракторов измеряемых треморограмм всех 15-ти серий испытаний до предъявления стресс-агента (охлаждения) (Добрынина, 2015; Дудин, 2011; Еськов, 2013, 2015; Еськов, 2004, 2016а, 2016б, Майстренко, 2009).

Таблица 1. Результаты статистической обработки динамики поведения S^*10-6 – площади квазиаттракторов для тремора одного и того же человека для 225 выборок ($n = 15$ экспериментов по $N = 15$ выборок в каждом)

Table 1. The results of statistical processing of the S^*10-6 dynamic behavior - Square quasi-attractors for tremor of the same person for 225 samples ($n = 15$ experiments, $N = 15$ samples in each)

№	S1	S2	S3	S4	S5	S6	S7	S8	S9	S10	S11	S12	S13	S14	S15
1	1.57	3	2.46	4.13	1.07	1.94	1.37	2.86	1.74	1.02	1.24	1.05	1.56	0.55	0.14
2	1.33	1.34	2.72	2	2.2	1.99	0.81	3.27	1.9	2.2	1.53	1.31	2.59	1.43	5.78
3	1.7	1.61	1.89	3.99	1.6	0.79	1.49	1.99	1.88	1.86	1.45	1.35	4.83	0.55	9.38
4	1.17	1.36	4.36	2.22	1.64	1.61	1.01	1.46	1.6	2.26	2.86	1.47	2.03	1.03	3.48
5	0.87	1.34	3.06	1.5	3.16	1.04	1.26	4.82	1.3	1.07	1.31	1.91	1.9	1.24	3
6	2.93	1.5	2.82	1.06	4.07	1.08	1.13	6.79	1.69	1.8	1.17	3.84	2.7	1.51	3.8
7	2.08	1.86	5.49	1.25	3.33	5.96	0.51	2.56	0.98	1.62	1.48	1.78	1.6	0.93	2.52
8	0.89	4.2	2	1.32	1.9	3.63	0.98	1.94	1.24	1.1	0.50	1.2	0.97	2.07	4.17
9	0.79	1.74	2.76	1.06	1.1	1.82	0.73	1.49	1.67	1.35	0.83	1.39	0.90	1.42	4.67
10	2.03	1.65	1.42	1.94	0.56	2.15	0.79	2	1.25	2.72	0.46	1.3	1.95	0.49	4.22
11	3.31	2.75	2.88	1.81	2.22	1.46	2.05	3.54	2.82	1.39	0.79	3.15	0.96	2.21	0.90
12	0.97	1.55	1.25	0.85	1.86	0.85	1.02	1.42	1.79	2.02	1.63	2.57	1.29	1.19	6.22
13	1.31	0.73	3.78	1.17	1.54	1.15	1.42	4.01	2.15	1.87	3.18	1.53	1.18	1.02	2.56
14	1.87	1.29	1.94	1.72	2.16	2.36	2.35	1.81	2.07	1.17	0.62	1.38	1.11	3.22	5
15	1.19	0.67	1.9	1.03	0.95	1.96	1.64	2.71	2.07	0.65	0.81	1.41	0.68	2.39	2.4
<S>	1.6	1.77	2.71	1.8	1.96	1.99	1.24	2.84	1.74	1.61	1.33	1.78	1.75	1.42	4.86

Эти многократные повторы с одной стороны выполняли требования «повторений» Н.А. Бернштейна (в его эффекте «повторение без повторений») и позволяли оценить количественно устойчивость параметров ТМГ, оценить само понятие *психического гомеостаза* – ПГ, насколько этот гомеостаз статичен с позиций традиционной стохастичности. В табл. 1 мы представляем результаты расчёта всех 15-ти серий измерений S для квазиаттракторов по 15-ти выборкам в каждой серии. Итого мы имеем 225 разных (!) выборок значений площади квазиаттракторов S для одного и того же испытуемого. Такое многократное повторение опытов с испытуемым, находящимся в одном

гомеостазе, раскрывает нам сущность самого *психического гомеостаза* (ПГ) и особенности поведения квазиаттракторов при одинаковом гомеостазе. Это составляет основу первой части наших исследований в области устойчивости параметров квазиаттракторов для одного ПГ испытуемого.

Для идентификации существенных или несущественных различий в повторяющихся сериях опытов для полученных 225 выборок расчётов также значения энтропии Шеннона E (разделенных на $N = 15$ серий по $n = 15$ выборок ТМГ в каждой) и строилась матрица парного сравнения этих всех n выборок энтропий (число серий $N = 15$) для одного и того же испытуемого. Результаты такого сравнения показали, что число совпадений пар вы-

в нашем случае с ТМГ мы с исходными выборками треморограмм этого не имеем. Обычно для ТМГ мы в подобных матрицах имеем число совпадений не более $k \approx 5\%$. В этом заключается эффект Еськова-Зинченко, когда число статистических совпадений выборок ТМГ или теппинграмм невелико и мы имеем хаотическую динамику самих *функций распределения* $f(x)$. Выборки не могут быть повторяемыми, мы имеем «повторение без повторений» Н.А. Бернштейна. Суммарные значения числа пар совпадений выборок k для всех 15-ти серий представили для тремора устойчивость (статистическую) числа совпадений выборок. Общее число совпадений показало среднее значение $\langle k \rangle$ для всех пятнадцати выборок k в пределах $\langle k \rangle \leq 5\%$.

Таким образом, становится очевидным, что энтропия E даёт почти абсолютную статистическую устойчивость ($k_s = 100$) а квазиаттракторы несколько ниже ($\approx 70\%$), при психическом гомеостазе (в задачах регуляции тремора), а число совпадений выборок самих треморограмм для k при 15-ти сериях опытов тоже даёт высокую степень устойчивости этих k для ТМГ. Однако при этом сами выборки ТМГ очень далеки от стохастичности ($k \approx 5\%$).

В целом, энтропия Шеннона E не даёт существенных различий для повторов измерения ТМГ подряд от одного испытуемого (100 совпадений пар из 105 разных) в сравнение с повторением самой энтропии. Если система находится в условном статическом состоянии (в гомеостазе регуляции тремора), то выборки повторить два раза подряд (произвольно!) совершенно невозможно, хаотически иногда происходят повторения отдельных выборок. Этот вывод составил основу эффекта Еськова-Зинченко в условиях многократных повторов испытаний одного человека в одном гомеостазе (Добрынина, 2015; Дудин, 2011; Еськов, 2013, 2015; Еськов, 2004, 2010а, 2010б, 2012, 2013, 2015а, 2015б, 2016а, 2016б; Майстренко, 2009; Русак, 2014; Филатова, 2015).

2. Локальные охлаждения как стресс – агент: энтропийный подход в оценке треморограмм

Можно ли объективно зарегистрировать изменения психического гомеостаза по параметрам ТМГ? Одновременно к этому возникает и закономерный второй вопрос – можно ли создать условия, при которых k изменяются, система регуляции тремора перейдёт в другой гомеостаз? В данном параграфе рассматривается влияние локального холодного воздей-

борок (т.е. возможность их отнесения к одной генеральной совокупности) $k=100$. Такое же количество числа совпадений получается и для детерминированного хаоса (выборки, полученные с помощью стандартного хаотического генератора чисел), т.е. мы имеем почти абсолютную статистическую устойчивость для E при одном ПГ. Для квазиаттракторов $k = 68$, что больше 50 % но меньше, чем у E .

Для хаоса всегда мы получаем одинаковое равномерное распределение (инвариантность мер). Хаотические выборки всегда демонстрируют 97-99 % совпадений и имеют равномерное распределение, что демонстрирует динамический хаос Лоренца-Арнольда. Однако в

ствия на параметры нервно – мышечной системы (НМС) человека (треморграммы) у 3-х групп испытуемых (1-я группа из 15-ти человек, не закаливающихся; 2-я группа из 15-ти человек, закаливающихся менее года; 3-я группа из 15-ти человек, закаливающихся более 2-х лет). Для каждого испытуемого производилась регистрация параметров ТМГ до и после локального охлаждения кисти, как стресс-воздействия. Очевидно, что охлаждение кисти вызывает определённый психогенный стресс и возмущение психического гомеостаза (наряду с физиологическими изменениями в самой НМС, т.е. это комплексное воздействие на психику и НМС). Для охлаждения кисть помещалась в воду с $t = 4\text{ }^{\circ}\text{C}$ (до субъективной потери чувствительности на время $\tau = 2$ мин). При этом охлаждении регистрировались стандартно (за $\tau = 5$ сек.) треморограммы и затем для каждой полученной выборки производился расчет энтропии Шеннона E . В этом случае мы не использовали повтор измерений, а работали с группой в целом (Еськов, 2010, 2012, 2013, 2015а, 2015б).

Отметим, что всегда для тремора у любого человека (если нет нарушений двигательных функций) мы имеем небольшие вариации энтропии E , что доказывает табл. 2. Поэтому использование группы из разных испытуемых или опыта с одним испытуемым дают несущественные различия. Однако, имеет значение психический статус испытуемого или изменение его функционального гомеостаза. В нашем случае мы сейчас имеем сочетанные изменения и психики (стрессовая ситуация), и физиологических параметров НМС. В целом, очень часто бывает весьма сложно чётко разделить доминанты ВНД или специфику физиологии периферической НМС, т.к. изменения на периферии всегда вызывают изменения и в ЦНС (ВНД всегда реагирует). Мы считаем, что это приемлемо именно для психофизиологии, которая и должна сочетать учёт психических и физиологических функций человека (Адайкин, 2007; Ануфриев, 2008; Бернштейн, 1947; Гавриленко, 2013, 2015; Добрынина, 2015; Дудин, 2011; Еськов, 2013, 2015).

Как видно из таблицы 2, первая группа испытуемых показала динамику (после локального охлаждения конечности) в сторону небольшого увеличения энтропии Шеннона ($E_{\text{до}} = 3,76$, $E_{\text{после}} = 3,79$). Однако, такие изменения, как показали наши расчёты, статистически не могут быть выявлены. Лица, не занимающиеся закаливающим организмом, образовали эту первую

Таблица 2. Результаты статистической обработки динамики поведения E – энтропии Шеннона для тремора до и после локального холодого воздействия (до-после) для трех групп испытуемых (1-я группа – 15 человек не закаливающихся, 2-я группа – 15 человек закаливающихся менее года, 3-я группа – 15 человек закаливающихся более 2-х лет)

№	1 группа – E1		2 группа – E2		3 группа – E3	
	до	после	до	после	до	после
1	3,86	3,81	3,68	3,67	3,67	3,73
2	3,40	4,05	3,89	3,48	3,83	3,54
3	3,75	3,89	3,86	4,08	3,78	3,59
4	3,75	4,05	3,67	3,81	4,13	3,59
5	3,81	3,97	3,59	3,94	3,57	3,68
6	3,75	3,75	3,92	3,64	3,81	3,54
7	3,60	3,48	4,13	3,56	3,89	3,68
8	4,16	3,78	3,86	3,64	3,64	3,68
9	3,86	3,65	3,81	3,62	3,62	3,83
10	3,89	3,54	3,51	3,67	3,80	3,59
11	3,65	3,84	3,89	4,02	3,88	4,00
12	3,70	3,94	3,75	3,78	3,59	3,54
13	3,94	3,62	3,68	3,35	3,65	3,97
14	3,64	3,75	3,84	3,78	3,86	3,81
15	3,59	3,62	3,78	3,73	3,56	3,67
<E>	3,76	3,79	3,79	3,72	3,75	3,70

Примечание: E – значение энтропии Шеннона, <E> - среднее значение энтропии Шеннона

Table 2. The results of statistical processing of the dynamic behavior of E - Shannon entropy of tremor before and after local cold exposure (pre-post) for the three test groups (group 1 - 15 people not quenched, Group 2 - 15 people hardenable less than a year, 3-1 group - 15 people hardenable more than 2 years)

#	1 Group – E1		2 Group – E2		3 Group – E3	
	Before	After	Before	After	Before	After
1	3.86	3.81	3.68	3.67	3.67	3.73
2	3.40	4.05	3.89	3.48	3.83	3.54
3	3.75	3.89	3.86	4.08	3.78	3.59
4	3.75	4.05	3.67	3.81	4.13	3.59
5	3.81	3.97	3.59	3.94	3.57	3.68
6	3.75	3.75	3.92	3.64	3.81	3.54
7	3.60	3.48	4.13	3.56	3.89	3.68
8	4.16	3.78	3.86	3.64	3.64	3.68
9	3.86	3.65	3.81	3.62	3.62	3.83
10	3.89	3.54	3.51	3.67	3.80	3.59
11	3.65	3.84	3.89	4.02	3.88	4.00
12	3.70	3.94	3.75	3.78	3.59	3.54
13	3.94	3.62	3.68	3.35	3.65	3.97
14	3.64	3.75	3.84	3.78	3.86	3.81
15	3.59	3.62	3.78	3.73	3.56	3.67
<E>	3.76	3.79	3.79	3.72	3.75	3.70

Note: E - the value of the Shannon entropy, <E> - the average value of the Shannon entropy

группу, которая, очевидно, имеет и другие физиологические параметры, и психические (при реакции на стрессорное воздействие – охлаждение кисти). Вторая группа наблюдения представлена людьми более тренированными к холодному стрессу, использующими закаливающие процедуры менее 1 года. Третья группа наблю-

дения – закаливающиеся на протяжении длительного времени (более 2-х лет). Очевидно, что вторая и третья группы показали обратную динамику в сторону уменьшения (хотя и статистически незначимо) значения энтропии: для второй группы ($E_{\text{до}} = 3,79$, $E_{\text{после}} = 3,72$), для третьей группы ($E_{\text{до}} = 3,75$, $E_{\text{после}} = 3,70$).

Это характерные изменения E в результате холодового воздействия у людей, которые адаптируются к холоду. Очевидно, что с позиций теоремы Глендсдорфа-Пригожина мы не получили существенных изменений E , т.е. скорость изменения (прироста) энтропии $P = dE/dt$ у нас почти нулевая (с позиций статистики). При уходе из положения равновесия, ВНД, психический гомеостаз не показывают изменение энтропии E . Согласно базовой теореме термодинамики неравновесных систем, мы в точке равновесия (покое) должны иметь $E \rightarrow \max$ и $dE/dt \rightarrow 0$. При уходе от равновесия E должно убывать (у нас для разных групп получается разная динамика E), а dE/dt должно нарастать (у нас она статистически не изменяется, т.к. $dE/dt = 0$). Это характеризует возможности стохастики и ТХС в оценке физиологических эффектов тремора при холодовом стрессе, когда точно известно об изменении ПГ (возникают болевые ощущения).

Из полученных результатов значений энтропии Шеннона, можно видеть, что при выходе организма из стационарного состояния (т.е. гомеостаза) изменение величин энтропий E происходит в сотых или в десятых долях значений. Это говорит о слабой чувствительности

метода расчета E при использовании стохастических подходов для измерения параметров гомеостаза и сложных биосистем (*complexity*). Низкая чувствительность энтропии E может не показать различий в состоянии системы регуляции тремора при физических воздействиях на испытуемого или эти различия будут статистически недостоверны (что мы и имеем в табл. 2). Оценка стрессорных холодовых эффектов и изменений в периферическом звене *нервно-мышечной системы* – НМС следует производить другими методами. Мы предлагаем использовать матрицы парных сравнений самих выборок ТМГ или производить расчёт параметров квазиаттракторов (КА) для сравниваемых ТМГ (Еськов, 2010а, 2010б, 2012, 2013, 2015а, 2015б, 2016а, 2016б, Майстренко, 2009; Русак, 2014).

Выводы

1. Психический гомеостаз (как требование неизменности состояния психических функций человека), о котором впервые начал говорить Н.А. Бернштейн при изучении организаций движений (Бернштейн, 1947), можно оценивать энтропией Шеннона E в режиме многократных повторений

тремора. При этом E как оказалось, не изменяется существенно, если гомеостаз не изменяется. Получаемые выборки для E дают почти 95% совпадений их статистических функций $f(x)$. Этого нельзя сказать про сами выборки ТМГ, которые хаотически и непрерывно изменяются вместе с их (ТМГ) статистическими функциями $f(x)$.

2. Расчет энтропий Шеннона E может быть использован в оценке адаптивных изменений в системе регуляции тремора (к холодовым стрессорным воздействиям), но он обладает слабой чувствительностью и с позиций стохастики может быть вообще не применим для оценки холодового стресса. Требуются другие методы и критерии оценки холодового стресса и других изменений психического гомеостаза.

3. Оценка стрессорных изменений по параметрам треморограмм с помощью энтропии E не даёт существенных результатов. Это означает, что теорема Глендсдорфа-Пригожина для биомеханических систем не применима, скорость изменения энтропии $P = dE/dt = 0$ при условии, что система регуляции тремора выходит из состояния равновесия (психического гомеостаза).

Литература

- Адайкин В.А., Еськов В.М., Добрынина И.Ю., Дроздович Е.А., Полухин В.В. Оценка хаотичной динамики параметров вектора состояния организма человека с нарушениями углеводного обмена // Вестник новых медицинских технологий. – 2007. – Т. 14. – № 3. – С. 17-19.
- Ануфриев А.С., Еськов В.М., Назин А.Г., Полухин В., Третьяков С.А., Хадарцева К.А. Медико-биологическая трактовка понятия стационарных режимов биологических динамических систем // Вестник новых медицинских технологий. – 2008. – Т. 15. – № 1. – С. 29-32.
- Бернштейн Н.А. О построении движений - М.: Медгиз, 1947. – 254с.
- Гавриленко Т.В., Баженова А.Е., Балтикова А.А., Башкатова Ю.В., Майстренко Е.В. Метод многомерных фазовых пространств в оценке хаотической динамики тремора // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2013. – № 1. – С. 5.
- Гавриленко Т.В., Горбунов Д.В., Эльман К.А., Григоренко В.В. Возможности стохастики и теории хаоса в обработке миограмм // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015. – № 1. – С. 48-53.
- Добрынина И.Ю., Горбунов Д.В., Козлова В.В., Синенко Д.В., Филатова Д.Ю. Особенности кардиоинтервалов: хаос и стохастика в описании сложных биосистем // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Т. 22. – № 2. – С. 19-26.
- Дудин Н.С., Русак С.Н., Хадарцев А.А., Хадарцева К.А. Новые подходы в теории устойчивости биосистем – альтернатива теории А.М. Ляпунова // Вестник новых медицинских технологий. – 2011. – Т. 18. – № 3. – С. 336.
- Еськов В.В., Вохмина Ю.В., Гавриленко Т.В., Зимин М.И. Модели хаоса в физике и теории хаоса-самоорганизации // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 2. – С. 42-56.
- Еськов В.В., Гараева Г.Р., Синенко Д.В., Филатова Д.Ю., Третьяков С.А. Кинематические характеристики движения квазиаттракторов в оценке лечебных эффектов кинезотерапии // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 128-136.
- Еськов В.М., Еськов В.В., Живогля Р.Н., Попов Ю.М. Фазатон мозга в норме и при патологии // Вестник новых медицинских технологий. – 2004. – Т. 11. – № 4. – С. 5-8.
- Еськов В.М., Еськов В.В., Хадарцев А.А., Филатов М.А., Филатова Д.Ю. Метод системного синтеза на основе расчета межаттракторных расстояний в гипотезе равномерного и неравномерного распределения при изучении эффективности кинезитерапии // Вестник новых медицинских технологий. – 2010а. – Т. 17. – № 3. – С. 106-110.

- Еськов В.М., Брагинский М.Я., Козлова В.В., Майстренко Е.В. Диагностика физиологических функций женщин-пловцов Югры методом расчета матриц межкластерных расстояний // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. – 2010б. – Т. 9. – № 3. – С. 500-504.
- Еськов В.М., Гавриленко Т.В., Дегтярев Д.А., Еськов В.В., Балтикова А.А. Динамика квазиаттракторов параметров произвольных микродвижений конечностей человека как реакция на локальные термические воздействия // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – Т. 19. – № 4. – С. 26-29.
- Еськов В.М., Добрынина И.Ю., Дрожжин Е.В., Живогляд Р.Н. Разработка и внедрение новых методов теории хаоса и самоорганизации в медицину и здравоохранение // Северный регион: наука, образование, культура. – 2013. – № 1 (27). – С. 150-163
- Еськов В.М., Еськов В.В., Филатова О.Е., Филатова Д.Ю. Сравнительная характеристика возрастных изменений сердечно - сосудистой системы населения Севера РФ // Вестник новых медицинских технологий. – 2015а. – Т. 22. – № 3. – С. 15-20.
- Еськов В.М., Полухин В.В., Филатова Д.Ю., Эльман К.А., Глазова О.А. Гомеостатические системы не могут описываться стохастически или детерминированным хаосом // Вестник новых медицинских технологий. – 2015б. – Т. 22. – № 4. – С. 28-33.
- Еськов В.М., Газа Г.В., Майстренко Е.В., Болтаев А.В. Влияние промышленных электромагнитных полей на параметры сердечнососудистой системы работников нефтегазовой отрасли // Экология и промышленность России. – 2016а. – № 1. – С. 59-63.
- Еськов В.М., Еськов В.В., Вохмина Ю.В., Гавриленко Т.В. Эволюция хаотической динамики коллективных мод как способ описания поведения живых систем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3. Физ. Астрон. – 2016б. – № 2.
- Майстренко Е.В., Еськов В.М., Майстренко В.И., Берестова А.Ф. Сравнительный анализ параметров функциональной асимметрии полушарий и вегетативной нервной системы учащихся // Информатика и системы управления. – 2009. – № 4. – С. 63-65.
- Русак С.Н., Молягов Д.И., Бикмухаметова Л.М., Филатова О.Е. Биоинформационные технологии в анализе фазовых портретов погодноклиматических факторов в m-мерном пространстве признаков // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2014. – № 3. – С. 24-28.
- Филатова Д.Ю., Вохмина Ю.В., Гараева Г.Р., Синенко Д.В., Третьяков С.А. Неопределенность 1-го рода в восстановительной медицине // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 136-143.

References:

- Adaykin, V.A., Es'kov, V.M., Dobrynin, I.Yu., Drozdovich, E.A., & Polukhin, V.V. (2007) Evaluation of the chaotic dynamics of the parameters of the state vector of the human body with carbohydrate metabolism disorders. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 14, 3, 17-19.
- Anoufrieu, A.S., Es'kov, V.M., Nazin, A.G., Polukhin, V., Tretyakov, S.A., & Khadartseva, K.A. (2008) Medical and biological interpretation of the concept of stationary regimes of biological dynamic systems. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 15, 1, 29-32.
- Bernstein, N.A. (1947) On the construction of movements. Moscow, Medgiz, 254.
- Dobrynin, I.Yu., Gorbunov, D.V., Kozlov, V.V., Sinenko, D.V., & Filatov, D.Yu. (2015) Features cardio intervals: chaos and stochastic in the description of complex biological systems. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 22, 2, 19-26.
- Dudin, N.S., Rusak, S.N., Khadartsev, A.A., & Khadartseva, K.A. (2011) New approaches in the theory of stability of biosystems – alternative to A.M. Lyapunov's theory. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 18, 3, 336.
- Eskov, V.V., Vokhmina, Yu.V., Gavrilenko, T.V., & Zimin, M.I. (2013) Models of chaos in physics and chaos theory, self-organization. *Complexity. Mind. Postnonclassics [Slozhnost'. Razum. Postneklassika]*. 2, 42-56.
- Eskov, V.V., Garayev, G.R., Sinenko, D.V., Filatov, D.Yu., & Tretyakov, S.A. (2015) Kinematic characteristics of quasi-attractors movement in the evaluation of therapeutic effects kinesotherapy. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 22, 1, 128-136.
- Eskov, V.M., Eskov, V.V., Zhivoglyadov, R.N., & Popov, Yu.M. (2004) Fazaton brain in normal and pathological conditions. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 11, 4, 5-8.
- Eskov, V.M., Eskov, V.V., Khadartsev, A.A., Filatov, M.A., & Filatov, D.Yu. (2010a) System synthesis method based on the calculation of distances mezhattraktornykh in the hypothesis of uniform and non-uniform distribution in the study of the effectiveness of kinesotherapy. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 17, 3, 106-110.
- Eskov, V.M., Braginsky, M.Ya., Kozlov, V.V., & Maystrenko, E.V. (2010b) Diagnostics of the physiological functions of female swimmers Ugra method of calculating the matrix of inter-cluster distances. *System analysis and control in biomedical systems [Sistemnyy analiz i upravlenie v biomeditsinskikh sistemakh]*. Vol. 9, 3, 500-504.
- Eskov, V.M., Gavrilenko, T.V., Degtyarev, D.A., Eskov, V.V., & Baltikova, A.A. (2012) The dynamics of quasi-attractors parameters involuntary micro-movements of human limbs in response to local thermal effects. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 19, 4, 26-29.
- Eskov, V.M., Dobrynin, I.Yu., Drozhzhin, E.V., & Zhivoglyadov, R.N. (2013) Development and introduction of new methods of chaos theory and self-organization in the medicine and health. *Northern region: science, education, culture [Severnnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura]*. 1 (27), 150-163.
- Eskov, V.M., Eskov, V.V., Filatova, O.E., & Filatova, D.Yu. (2015a) Comparative characteristics of age-related changes of cardio - vascular system of the people of the North of Russia. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 22, 3, 15-20.
- Eskov, V.M., Polukhin, V.V., Filatov, D.Yu., Elman, K.A., & Glazov, O.A. (2015b) Homeostatic systems cannot be described by a stochastic or determined chaos. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 22, 4, 28-33.
- Eskov, V.M., Gazya, G.V., Maystrenko, E.V., & Boltaev, A.V. (2016a) The impact of electromagnetic fields on the industrial parameters of the cardiovascular system of workers of oil and gas industry. *Ecology and Industry of Russia [Ekologiya i promyshlennost' Rossii]*. 1, 59-63.
- Eskov, V.M., Eskov, V.V., Vokhmina, Yu.V., & Gavrilenko, T.V. (2016b) The evolution of chaotic dynamics of collective modes as a way to describe the behavior of living systems. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 3, Astron, 2.
- Filatov, D.Yu., Vokhmina Yu.V., Garayev, G.R., Sinenko, D.V., & Tretyakov, S.A. (2015) The uncertainty of the 1st kind in regenerative medicine. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. Vol. 22, 1, 136-143.

- Gavrilenko, T.V., Bazhenova, A.E., Baltikova, A.A., Bashkatova, Yu.V., & Maystrenko, E.V. (2013) The method of multidimensional phase spaces in assessing the dynamics of chaotic tremor. *Journal of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy]*. The electronic edition. 1, 5.
- Gavrilenko, T.V., Gorbunov, D.V., Elman, K.A., & Grigorenko, V.V. (2015) Features stochastics and chaos theory in processing myograms. *Complexity. Mind. Postnonclassics [Slozhnost'. Razum. Postneklassika]*. 1, 48-53.
- Maystrenko, E.V., Eskov, V.M., Maystrenko, V.I., & Berestovaya, A.F. (2009) A comparative analysis of the parameters of the functional asymmetry of the hemispheres and the autonomic nervous system of students. *Informatics and control systems [Informatika i sistemy upravleniya]*. 4, 63-65.
- Rusak, S.N., Molyagov, D.I., Bikmukhametova, L.M., & Filatov, O.E. (2014) Bioinformatic analysis of the technology in the phase portraits of climatic factors in the m-dimensional feature space *Complexity. Mind. Postnonclassics [Slozhnost'. Razum. Postneklassika]*. 3, 24-28.

Особенности самооценки у больных с различными речевыми нарушениями

А.Е. Вишнева

Центр патологии речи и нейрореабилитации, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 ноября 2015/ Принята к публикации: 12 декабря 2015

Features of self-esteem in patients with various speech disorders

Anastasia E. Vishneva

Center of speech Pathology and neurorehabilitation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 20, 2015 / Accepted for publication: 12, December 2015#

В статье представлены результаты исследования самооценки у пациентов, перенесших инсульт или черепно-мозговую травму и страдающих различными речевыми расстройствами. Все пациенты на момент исследования проходили курс нейрореабилитации. Самооценка рассматривается как важный параметр в исследовании психологического статуса пациентов. В стрессовой ситуации болезни самооценка изменяется, что искажает систему жалоб пациентов и усложняет психокоррекционную работу. Самооценка исследуется при помощи трех различных методик, позволяющих раскрыть как количественные, так и качественные ее характеристики. В исследовании приняли участие пациенты с различными речевыми дефектами (моторными афазиями, височными афазиями, дизартриями). Для получения полной картины изменения самооценки именно в ситуации болезни, исследуется актуальная самооценка, а также ретроспективное (до болезни) и идеальное оценивание себя. Выявлено, что для пациентов с моторными формами афазии характерна заниженная самооценка себя в настоящем и в идеальном плане на фоне завышенной ретроспективной самооценки. Пациенты с височными формами афазий демонстрировали обратную картину оценивания себя до болезни, на настоящий момент и в идеале. Нарушение экспрессивной стороны речи является наиболее инвалидирующим фактором, накладывающим значительные ограничения на такие социальные сферы, как карьера, дружеские отношения, физическая привлекательность. Ограничения коммуникативных возможностей компенсируется у пациентов с моторными формами афазий приоритетным выбором морально-этических качеств для характеристики себя на момент болезни. При помощи сопоставления результатов разных методик выявлена декларируемая самооценка (для других) и самооценка для себя. Полученные результаты указывают на то, что качество речевого дефекта является значимым фактором в изучении самооценки.

Ключевые слова: нейрореабилитация, самооценка, декларируемая самооценка, самооценка для себя, Я-реальное, Я-идеальное, социальная значимость болезни.

The paper presents the results of the self-assessment study in patients with aphasia and dysarthria after stroke or traumatic brain injury. All the patients were neurorehabilitation course. Self-esteem is considered as important parameter in the study of the psychological status of patients. This article describes the differences in the quantitative and qualitative parameters of self-esteem in patients with various speech defect (motor aphasia, temporal aphasia, dysarthria). The actual self-esteem is evaluated in the retrospective (before disease) and is compared with the ideal indicators. Self-esteem is studied using three methods that allow to reveal both quantitative and qualitative characteristics of self-esteem.

To obtain a complete picture of self-esteem changing in the disease situation, the actual self-confidence state in the retrospective (to disease) and an ideal self-evaluation are studied. Patients with logaphasia are characterized by low self-esteem in the present and in the ideal plane on a background of retrospective self-esteem. Patients with temporal aphasia showed the opposite picture of self-evaluation at present and in the ideal plane. Violation of the speech expressive aspect is the most debilitating factor which places significant restrictions on such social sectors as career, friendships, physical attractiveness. Restrictions on communicative possibilities in patients with compensated logaphasia first choice of moral and ethical qualities to characterize themselves at the time of illness are observed. Comparing the results of different methods revealed the declared self-esteem (for others) and self-esteem for oneself. The results indicate that the quality of the speech defect is a significant factor in the study of self-esteem.

Keywords: neurorehabilitation, self-esteem, self-reportable self-esteem, self-esteem for oneself, real-self, ideal-self, social significance of the disease.

В современной нейрореабилитации отмечается тенденция использования комплексного подхода к восстановлению пациентов. Комплексный подход в нейрореабилитации заключается в сочетании медикаментозного лечения, нейропсихологической коррекции, психотерапевтической и социальной работы с пациентами (Шкловский, 2002; Цветкова, 2004; Григорьева, 2012; Tyerman, 2004; Wilson, 2004). Для проведения эффективной психокоррекционной работы с пациентами необходима правильная диагностика их психологического статуса, важное место в которой занимает исследование самооценки таких пациентов.

До сих пор нет однозначных данных о том, какие именно параметры самооценки являются оптимальными для нормальной адаптации и функционирования в обществе людей, перенесших инсульты и черепно-мозговые травмы.

Самооценка является одной из значимых личностных характеристик, направляющих регулятивные процессы и обуславливающих психологическое здоровье личности (Чеснокова, 1977). Самооценка формируется на базе оценок субъекта окружающими, и в зрелом виде представляет хорошее и стабильное знание субъектом самого себя (Бороздина, 2011, Чеснокова, 1977). Во многих исследованиях (Соколова Е.Т., Бороздина Л.Н., Тхостов А.Ш., Глозман Ж.М.) показано, что самооценка сильно меняется в зависимости от ситуации, особенно, если это стрессовая ситуация болезни (Тхостов, Степанович, 1987). Самооценка или неадекватно завышается, что зачастую может быть следствием работы защитных механизмов личности и приводить к анозогнозии, к снижению критичности, или оказывается неадекватно заниженной, что влечет за собой депрес-

сивные и ипохондрические состояния человека (Соколова, 1989). Изменение самооценки в значительной мере может исказить картину болезни пациента, что усложняет контакт специалистов с пациентами, искажает систему жалоб пациента и затрудняет реабилитационную работу в целом (Соколова, Николаева, 1995; Вишнева, 2013).

До сих пор нет однозначных данных о том, какие именно параметры самооценки являются оптимальными для нормальной адаптации и функционирования в обществе людей, перенесших инсульты и черепно-мозговые травмы. Известно, что патологическим является как недифференцированность идеальной

и реальной самооценки, их слияние, приводящее к непродуктивности деятельности (Братусь, Павленко, 1986), так и гиперразведение идеальной и реальной целей, что также может повлечь за собой невротические нарушения личности пациента.

Описание исследования

Исследование имело несколько целей:

1. Определить уровень самооценки и описать ее качественные различия у пациентов с различными речевыми нарушениями (моторные формы афазий, височные формы афазий, пациенты с дизартриями);
2. Исследовать оценивание пациентами себя до болезни, на настоящий момент и в идеальном плане;
3. Использовать для исследования самооценки три различных психоди-

агностических методики с целью получения более полного и глубокого представления о феномене самооценки. Сочетание использования трех различных методик позволит повысить достоверность и объективность исследования самооценки.

Характеристика пациентов

Исследование проводилось на базе Центра патологии и нейрореабилитации (ЦПРН). В исследовании приняли участие 70 пациентов в возрасте от 20 до 45 лет на момент проведения обследования (средний возраст – 32,6 г.). Неврологические диагнозы пациентов, перенесших инсульты: хроническая ишемия головного мозга, инфаркт головного мозга в бассейне левой средней мозговой артерии; разрыв аневризмы в бассейне левой средней мозговой артерии, субархноидальное кровоизлияние. Пациенты, перенесшие черепно-мозговые травмы, имели следующие неврологические диагнозы: ушиб головного мозга тяжелой и средней тяжести, субархноидальное кровоизлияние (развивалось у некоторых пациентов в результате черепно-мозговой травмы).

По нейропсихологическому диагнозу все пациенты были разделены на 3 группы в зависимости от нейропсихологического синдрома:

1. Пациенты с поражениями премоторных и постцентральных (теменных) отделов коры левого полушария: комплексная моторная афазия, динамическая мануальная апраксия, кинестетическая мануальная апраксия – передние формы афазии (за исключением динамической афазии) – 13 чел.
2. Пациенты с поражениями височных отделов коры левого полушария: сенсорная, акустико-мнестическая афазия – височные формы афазии – 30 чел.
3. Пациенты с поражениями подкорковых структур головного мозга: нарушение нейродинамического компонента психической деятельности – дизартрия – 27 чел.

Речевой дефект на момент обследования у всех пациентов был средне-легкой и легкой степени выраженности (по результатам нейропсихологического об-



Анастасия Евгеньевна Вишнева – аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Клинический психолог Центра патологии речи и нейрореабилитации. Основные профессиональные интересы: клиническая психология, нейропсихология, нейрореабилитация, психологическая реабилитация больных после инсультов и черепно-мозговых травм. E-mail: nvishneva@mail.ru

следования и количественной оценки речи КОР (Методика оценки ..., 1981). Это не мешало пациентам в полной мере понимать предлагаемые вопросы методик и оценивать собственное состояние.

Обязательным условием включения пациентов в настоящее обследование было отсутствие снижения когнитивного уровня и сохранность критического отношения к собственному состоянию.

Процедура и методы исследования

В работе использовался методический комплекс, включающий в себя психологическую и медицинскую диагностику, а также методы статистической обработки данных. Психологическое исследование было представлено рядом этапов.

Первый этап включал в себя нейропсихологическую диагностику речи и других высших психических функций пациентов (праксиса, гнозиса, интеллектуально-мнестической деятельности, произвольной регуляции) (Цветкова и др., 1981; Хомская, 2010).

На втором этапе проводилось полуструктурированное клиническое интервью с целью сбора дополнительных анамнестических фактов, оценивания полноты понимания пациентами обращенной развернутой речи. Проводилось изучение медицинских историй болезни для исключения из эмпирической выборки пациентов с отягченными анамнезами (сопутствующими соматическими заболеваниями, повторными инсультами, с множественными очагами поражения головного мозга, с алкоголизмом в анамнезе).

На третьем этапе проводилось психологическое исследование самооценки. Для получения полной картины самооценки были выбраны следующие методики:

1. Методика Дембо-Рубинштейн (Рубинштейн, 1999).

В нашем исследовании шкала «ум» была заменена шкалой «самочувствие». Были использованы шкалы: «здоровье», «самочувствие», «характер», «счастье». По результатам предварительного

клинического интервью с пациентами было выявлено, что понятия «здоровье» и «самочувствие» для пациентов имеют различное значение. Это обусловлено спецификой заболевания: пациенты, перенесшие инсульты и черепно-мозговые травмы, находящиеся на этапе реабилитации, как правило, не имеют угрозы жизни, их физическое состояние оценивается как стабильное. По результатам беседы оказалось, что пациенты не страдают какими-либо болями и стойкими недомоганиями. Таким образом, исследование оценки самочувствия пациентов дает нам лучшее понимание представлений пациентами своего состояния здоровья. Также для получения более точной позиции испытуемого по той или иной характеристике (здоровья, самочувствия, счастья и характера) была введена 100-балльная система оценок. Так, 100 баллов соответствовали верхнему полюсу каждой шкалы, абсолютно хорошим показателям, 0 баллов соответствовало нижнему полюсу каждой из характеристик.

2. Методика самооценки, метод «ранжирования определений».

Методика является модификацией метода измерения самооценки, предложенного американским психологом R. Wylie в 1974–1979 гг. (Wylie, 1979).

Данная методика была модифицирована Ж.М. Глозман для оценивания пациентами с речевыми нарушениями «Я-реального», «Я-до-болезни» и «Я-идеального», а также для взаимооценок больного его родственниками (Глозман, 2002). Метод семантического оценивания и эмоционально-личностного отношения пациента к себе или значимому другому состоит из 20 характеристик:

- 1) легкость в общении;
- 2) честность;
- 3) активность;
- 4) чуткость;
- 5) независимость в суждениях и оценках;
- 6) творческий подход к любимому делу;
- 7) организаторские способности;
- 8) практичность;
- 9) широта взглядов;
- 10) сила воли;

- 11) справедливость;
- 12) физическое совершенство;
- 13) хороший характер;
- 14) сообразительность;
- 15) уверенность в себе;
- 16) самокритичность;
- 17) реалистичность;
- 18) умение привлекать людей;
- 19) оптимистичность;
- 20) высокая общая культура.

В нашем исследовании пациенту предлагалось выбрать из 20 определенных 10, которые «лучше всего описывают его и его характер». Затем проранжировать выбранные характеристики по их выраженности/представленности в характере: 1 ранг – самая выраженная характеристика, 10 – наименее выраженная характеристика. Таким образом, мы получали иерархию личностных характеристик пациента. После оценивания себя на настоящий момент, каждому пациенту предлагалось таким же образом оценить себя ретроспективно до болезни («Я-до-болезни»), а затем создать при помощи еще одного выбора и ранжирования 10-ти характеристик свой идеальный образ («Я-идеальное»).

3. Методика «Оценка социальной значимости болезни» А.И. Сердюка (Малкина-Пых, 2005, С. 63).

Методика позволяет выделить и подвергнуть количественной оценке влияние болезни на разные сферы социального статуса пациентов. Результатами данной методики являются 10 шкал, оценивающие разные параметры социальной жизни респондентов:

- 1) ограничение ощущения силы и энергии;
- 2) ухудшение отношения к больному в семье;
- 3) ограничение удовольствий;
- 4) ухудшение отношения к больному на работе;
- 5) ограничение свободного времени;
- 6) ограничение карьеры;
- 7) снижение физической привлекательности;
- 8) формирование чувства ущербности;
- 9) ограничение общения;
- 10) материальный ущерб.

Максимальное количество баллов по каждой шкале – 10, свидетельствует

о выраженных ограничениях данной социальной сферы болезнью. Минимальное количество баллов – 2, показывает минимальное изменение социальной сферы под воздействием болезни.

Для адаптации оригинального опросника для нашей выборки пациентов, каждый из 10-ти вопросов мы разделили на два более коротких и однозначных утверждения. Это было сделано для упрощения понимания смысла вопросов пациентами с речевыми нарушениями.

Методики Дембо-Рубинштейн и «Ранжирование определений» проводились с испытуемыми трижды: для оценки себя до болезни, на настоящий момент и в идеальном плане.

Обработка полученных результатов проводилась при помощи статистической программы IBM SPSS Statistics 22. Сначала проводится корреляционный анализ для подтверждения согласованности методик. Результаты корреляционного анализа показали наличие значимых корреляций между аналогичными по смыслу шкалами разных методик, что указывает на адекватность используемых методик для исследования самооценки и на высокую их внутреннюю валидность. Далее проводился однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), при помощи которого выявлялись различия в оценивании себя пациентами с различными нейропсихологи-

ческими диагнозами. Для исследования ретроспективной самооценки и идеального Я-образа в разных группах пациентов проводился дисперсионный анализ повторных измерений (ОНЛ-повторные измерения) для методики Дембо-Рубинштейн и методики «Ранжирование определений».

Результаты исследования и их обсуждение

Пациенты с моторными формами афазий склонны давать завышенную оценку своего «здоровья», «самочувствия» и «характера» в методике Дембо-Ру-

Таблица 1. Средние значения оценивания себя в настоящем, ретроспективно и в идеале по методике Дембо-Рубинштейн

	Здор.	Самоч	Хар.	Счаст.	Здор.	Самоч	Хар.	Счаст.	Здор.	Самоч	Хар.	Счаст.
	До болезни				В настоящем				Идеальный Я-образ			
Дизар. N-27	82,67	82,33	71,56	75,67	55,74	66,48	67,93	71,22	77,41	83,27	80,15	85,85
височные аф. N-30	85,80	84,23	71,66	81,61	61,87	69,87	72,55	69,00	85,93	88,23	80,34	91,41
моторные аф. N-13	89,62	91,92	82,69	81,15	61,15	62,54	70,08	56,92	80,36	77,75	80,00	72,18

Table 1. Average values of self-evaluation in the present, in retrospect, in ideal by Dembo-Rubinstein procedure.

	Health	General State	Character	Happiness	Health	General State	Character	Happiness	Health	General State	Character	Happiness
	Before Disease				Present				Ideal I-Image			
Dysarthria N-27	82.67	82.33	71.56	75.67	55.74	66.48	67.93	71.22	77.41	83.27	80.15	85.85
Temporal Aphasia N-30	85.80	84.23	71.66	81.61	61.87	69.87	72.55	69.00	85.93	88.23	80.34	91.41
Logaphasia N-13	89.62	91.92	82.69	81.15	61.15	62.54	70.08	56.92	80.36	77.75	80.00	72.18

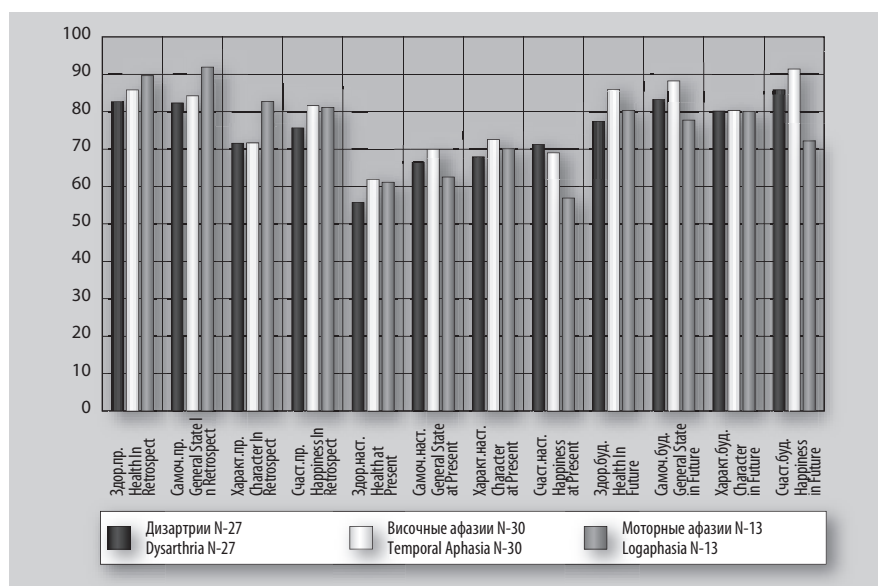


Рисунок 1. Различия в самооценке между пациентами с разным нейропсихологическим диагнозом
Figure 1. Differences in self-esteem in patients with different neuropsychological diagnosis.

бинштейн в прошлом («Я-до-болезни») по сравнению со всеми другими пациентами (см. рис. 1 и табл. 1). Идеальный Я-образ у них был, наоборот, самый пессимистичный. По шкале «счастья» эти пациенты давали самые низкие оценки в настоящем и в идеальном плане (значимость различий $p \leq 0,05$) по сравнению с другими пациентами. Самооценка в настоящем соответствует нормативным показателям (выше среднего) здоровых пациентов (см. табл. 1 и рис. 1). Завышенная самооценка до болезни в сочетании с более низкой оценкой счастья в настоящем и с заниженными оценками идеального Я-образа указывает на субдепрессивное состояние моторных пациентов. Данное эмоциональное состояние может носить как первичный характер, т.е. быть обусловлено анатомическими изменени-

ями мозга, так и быть реакцией пациентов на ограничение речевой деятельности (Глозман, 2002).

По результатам последующей клинической беседы при выполнении методики Дембо-Рубинштейн большинство пациентов аргументировали высокую оценку хорошим самочувствием и тем, что они «не чувствуют себя больными». Это касалось и пациентов с выраженными гемипарезами правых или левых конечностей, т.е. с очевидными инвалидирующими последствиями болезни. Учитывая тот факт, что в исследовании приняли участие пациенты без нейропсихологических нарушений критичности, мы предполагаем, что завышенная самооценка в методике Дембо-Рубинштейн, это декларируемая для других позиции, обусловленная работой защитных механизмов личности. Оценивая «здоровье», «самочувствие», «характер» и «счастье» достаточно высоко в методике Дембо-Рубинштейн, пациенты все же высказывали в методике «Оценка социальной значимости болезни» жалобы на ограничения, накладываемые болезнью на различные сферы жизни.

Большинство пациентов затруднились аргументировать высокую оценку собственного характера и испытывали трудности при описании конкретных черт своего характера, особенно это касалось негативных черт. Это указывает на ограниченность рефлексии и эмоциональной сферы пациентов, что может быть следствием когнитивных нарушений после болезни или же характерологических особенностей пациентов.

Пациенты с височными формами афазий, наоборот, имели наиболее оптимистичные ожидания изменения своего здоровья, самочувствия и счастья в будущем («Я-идеальное») (см. рис. 1). Также они в среднем выше всех других пациентов оценивали свой характер и самочувствие в настоящем (значимость различий на уровне тенденции) при умеренных оценках себя до болезни. Это указывает на более оптимистичный эмоциональный фон, на игнорирование собственного речевого дефекта у височных пациентов по сравнению с моторными пациентами. Данная картина объясняется спецификой речевых дефектов (Цветкова, 2004; Хомская, 2010). Более легкое

переживание речевого дефекта, наблюдаемое у пациентов с височными формами афазий, связано еще с реакцией окружающих на речевые дефекты пациентов. Дефекты импрессивной речи и слабость слухоречевой памяти у височных пациентов, как правило, выглядят менее пугающими для окружающих, чем нарушения экспрессивной речи у моторных пациентов, при полной сохранности по-

нимания. Невозможность высказать собственные мысли порождает фобию коммуникаций и способствует обеднению социальных связей и самоизоляции моторных пациентов.

Пациенты с дизартриями демонстрировали самые умеренные и средние оценки по всем шкалам и наименьший разброс в оценке себя в настоящем, ретроспективно и в идеальном плане.

Таблица 2. Результаты методики «Ранжирование определений»

	До болезни	В настоящем	Идеальный Я-образ	До болезни	В настоящем	Идеальный Я-образ
	Честность			Легкость в общении		
Дизарт.	2,55	4,05	3,41	3,95	3,23	3,14
Височн.	4,68	4,48	4,00	5,25	3,76	4,36
Моторн.	3,62	6,55	5,27	5,25	2,64	5,18
	Активность			Умение привлекать людей		
Дизарт.	4,50	3,45	4,36	2,00	2,00	1,86
Височн.	3,00	3,12	3,68	2,78	2,24	2,60
Моторн.	5,55	5,82	2,64	1,82	0,09	1,18
	Сила воли			Независимость в суждениях и оценках		
Дизарт.	3,32	3,91	4,68	1,68	2,14	1,73
Височн.	3,08	3,72	5,24	1,52	1,48	2,24
Моторн.	5,00	6,55	4,18	1,09	0,36	1,45
	Справедливость			Широта взглядов		
Дизарт.	2,86	2,59	2,00	1,50	2,18	1,05
Височн.	3,40	4,04	2,20	1,92	1,60	1,08
Моторн.	3,74	5,27	4,00	2,09	0,82	3,09
	Самокритичность			Творческий подход к любимому делу		
Дизарт.	2,36	3,41	1,05	3,68	2,23	1,77
Височн.	1,16	1,36	0,36	2,16	1,64	2,04
Моторн.	1,45	2,27	1,36	2,64	0,73	3,00
	Чуткость			Оптимистичность		
Дизарт.	1,18	2,59	2,77	2,41	3,82	1,86
Височн.	2,32	3,08	1,92	2,68	3,96	2,48
Моторн.	0,36	2,09	1,64	2,27	2,82	2,36
	Реалистичность			Организаторские способности		
Дизарт.	1,95	4,27	1,91	2,55	1,55	2,05
Височн.	2,48	3,64	1,28	2,00	0,60	1,61
Моторн.	2,73	3,36	2,00	2,82	0,90	0,73
	Практичность			Физическое совершенство		
Дизарт.	2,82	2,91	1,77	2,18	0,45	3,50
Височн.	2,76	3,08	1,60	1,60	1,32	3,24
Моторн.	2,55	2,55	0,45	0,73	1,09	2,18
	Сообразительность			Уверенность в себе		
Дизарт.	2,95	2,75	3,36	5,32	3,73	4,64
Височн.	2,56	2,60	3,24	3,40	3,92	5,00
Моторн.	3,36	2,45	2,09	4,36	3,64	5,45
	Высокая общая культура			Хороший характер		
Дизарт.	0,77	1,00	2,14	2,23	1,91	4,00
Височн.	1,44	0,88	1,88	4,36	3,64	4,48
Моторн.	0,91	0,64	3,55	3,00	2,55	3,09

Table 2. Results of "Ranking of Definitions" method.

	Before Disease	Present	Ideal I-Image	Before Disease	Present	Ideal I-Image
	Honesty			Ease of Communication		
Dysarthria	2.55	4.05	3.41	3.95	3.23	3.14
Temporal Aphasia	4.68	4.48	4.00	5.25	3.76	4.36
Logaphasia	3.62	6.55	5.27	5.25	2.64	5.18
	Activeness			Ability to Attract People		
Dysarthria	4.50	3.45	4.36	2.00	2.00	1.86
Temporal Aphasia	3.00	3.12	3.68	2.78	2.24	2.60
Logaphasia	5.55	5.82	2.64	1.82	0.09	1.18
	Will Power			Independence of Judgment and Estimates		
Dysarthria	3.32	3.91	4.68	1.68	2.14	1.73
Temporal Aphasia	3.08	3.72	5.24	1.52	1.48	2.24
Logaphasia	5.00	6.55	4.18	1.09	0.36	1.45
	Fairness			Broadmindedness		
Dysarthria	2.86	2.59	2.00	1.50	2.18	1.05
Temporal Aphasia	3.40	4.04	2.20	1.92	1.60	1.08
Logaphasia	3.74	5.27	4.00	2.09	0.82	3.09
	Self-Criticism			Creative Approach to Favorite Jobs		
Dysarthria	2.36	3.41	1.05	3.68	2.23	1.77
Temporal Aphasia	1.16	1.36	0.36	2.16	1.64	2.04
Logaphasia	1.45	2.27	1.36	2.64	0.73	3.00
	Advertance			Optimism		
Dysarthria	1.18	2.59	2.77	2.41	3.82	1.86
Temporal Aphasia	2.32	3.08	1.92	2.68	3.96	2.48
Logaphasia	0.36	2.09	1.64	2.27	2.82	2.36
	Realist Approach			Organizational Skills		
Dysarthria	1.95	4.27	1.91	2.55	1.55	2.05
Temporal Aphasia	2.48	3.64	1.28	2.00	0.60	1.61
Logaphasia	2.73	3.36	2.00	2.82	0.90	0.73
	Practical Approach			Physical Perfection		
Dysarthria	2.82	2.91	1.77	2.18	0.45	3.50
Temporal Aphasia	2.76	3.08	1.60	1.60	1.32	3.24
Logaphasia	2.55	2.55	0.45	0.73	1.09	2.18
	Smartness			Self-Confidence		
Dysarthria	2.95	2.75	3.36	5.32	3.73	4.64
Temporal Aphasia	2.56	2.60	3.24	3.40	3.92	5.00
Logaphasia	3.36	2.45	2.09	4.36	3.64	5.45
	High Overall Culture			Good Temper		
Dysarthria	0.77	1.00	2.14	2.23	1.91	4.00
Temporal Aphasia	1.44	0.88	1.88	4.36	3.64	4.48
Logaphasia	0.91	0.64	3.55	3.00	2.55	3.09

В методике «Ранжирования определений» пациенты с афазиями, особенно с моторными формами, для характеристики себя на настоящий момент значимо чаще, чем другие пациенты, выбирали характеристики: «честность», «активность», «сила воли», «справедливость» и реже – коммуникативные и социально-обусловленные характеристики:

«легкость в общении», «умение привлекать людей», «независимость в суждениях и оценках», «широта взглядов», «творческий подход к любимому делу», «оптимистичность» (см. табл. 2). Таким образом, в личностных портретах моторных пациентов на момент болезни преобладают морально-этические характеристики, в то время как характеристики

коммуникативности и внешней удачливости выбираются ими реже, чем другими пациентами. Но коммуникативные характеристики преобладают у моторных пациентов в оценке себя до болезни и в идеальном плане, что указывает на значимость для них коммуникативных характеристик. Частота их выбора снижается в настоящем у моторных пациентов именно вследствие дефектов экспрессивной речи. Возрастание частоты морально-этических характеристик на момент болезни может рассматриваться как компенсация речевого дефекта.

Пациенты с височными формами афазий, несмотря на то, что показывали снижение коммуникативных характеристик на момент болезни, по некоторым параметрам оценивали себя также, как и до болезни. Например, они показывали, что и на момент болезни так же, как и раньше активны, сообразительны, уверены в себе и даже более, чем раньше, оптимистичны (см. табл. 2). Это подтверждает полученные результаты в методике Дембо-Рубинштейн. Пациенты с височными формами афазий не склонны к самоизоляции вследствие переживания речевого дефекта, наоборот, некоторое игнорирование речевых дефектов делает их наиболее оптимистичными и социально адаптивными.

Если у пациентов с афазиями, особенно с моторными формами, снижалась частота выбора коммуникативных характеристик, то пациенты с дизартриями значимо реже выбирали характеристику «физическое совершенство» на момент болезни. В идеальном плане и до болезни эта характеристика у данных пациентов представлена часто, что указывает на ее значимость. У пациентов с дизартриями на момент болезни повышается частота некоторых коммуникативных характеристик: «широта взглядов», «независимость в суждениях и оценках», «высокая общая культура», «оптимистичность», «умение привлекать людей» (см. табл. 2). Это указывает на то, что речевой дефект у данных пациентов не является основным инвалидизирующим фактором, не снижает их социальной активности. На это указывают и результаты методики «Оценка социальной значимости болезни».

В методике «Оценка социальной значимости болезни» на уровне тенденций

обозначаются следующие различия между группами пациентов. Пациенты с моторными формами афазий чувствуют большую напряженность в сфере карьеры, ограничения общения, отношений к себе на рабочем месте, физической привлекательности (см. табл. 3). Пациенты с височными формами афазий отмечали ограничение в карьере, в общении, ухудшение отношений на работе, однако давали не такие высокие оценки, как моторные пациенты (см. табл. 3). Пациенты с дизартриями чаще других пациентов упоминали об ограничениях удовольствий (приходится во многом себе отказывать, соблюдать режим, исключить алкоголь и курение) и о чувстве ущербности в связи с болезнью. Это, скорее всего, связано с наличием у некоторых пациентов двигательных нарушений в виде гемипарезов. По всем другим шкалам они показывали более низкие баллы, чем пациенты с афазиями, что указывает на меньшую напряженность в социальных сферах в связи с болезнью.

При общем анализе результатов методики видно, что наиболее проблемными областями являются сферы карьеры и материального ущерба от болезни, ограничение свободного времени и удовольствий. Шкалы, связанные непосредственно с оценкой самочувствия и внутрисемейных отношений («ограничение ощущения силы и энергии» и «ухудшение отношения к больному в семье»), имеют наименьшее количество баллов у всех пациентов. Это указывает на то, что пациенты в большинстве своем не страдают от плохого самочувствия, чувствуют поддержку в семье.

По результатам анализа методик, можно предположить наличие декларируемой самооценки (это проявляется в методике Дембо-Рубинштейн: «я не больной, а полноценный человек», где напрямую оценивается здоровье и др. параметры) и «самооценки для себя», которая выявляется при помощи косвенных вопросов об ограничениях в разных сферах жизни, возникших в связи с болезнью. Это мы можем видеть в методиках «Ранжирование определений» и «Оценка социальной значимости болезни».

Полученные различия в самооценке между пациентами с разными нейропсихологическими синдромами могут быть

Таблица 3. Средние значения в методике «Оценка социальной значимости болезни»

	Дизарт.	Височ.афаз.	Мотор.афаз	Знач.
1. Ограничение ощущения силы и энергии.	3,60	3,46	3,45	Тенд.
2. Ухудшение отношения к больному в семье.	3,52	3,46	4,00	Тенд.
3. Ограничение удовольствий.	6,16	5,96	5,45	Тенд.
4. Ухудшение отношения к больному на работе.	3,4	4,19	4,54	Тенд.
5. Ограничение свободного времени.	5,12	5,19	5,63	Тенд.
6. Ограничение карьеры.	6,44	6,57	7,54	Тенд.
7. Снижение физической привлекательности.	4,52	4,15	4,90	Тенд.
8. Формирование чувства ущербности.	4,76	4,07	4,54	Тенд.
9. Ограничение общения.	3,96	4,42	4,36	Тенд.
10. Материальный ущерб.	6,60	6,53	6,45	Тенд.

Table 3. Average values in of "Assessment of Social Significance of the Disease" method.

	Dysarthria	Temporal Aphasia	Logaphasia	Value
1. Limiting the sense of power and energy.	3.60	3.46	3.45	Tendency
2. Deteriorating attitude to the sick person in the family.	3.52	3.46	4.00	Tendency
3. Limiting entertainment.	6.16	5.96	5.45	Tendency
4. Deteriorating attitude to the sick person at work.	3.4	4.19	4.54	Tendency
5. Limiting spare time.	5.12	5.19	5.63	Tendency
6. Career restrictions.	6.44	6.57	7.54	Tendency
7. Reduced physical attractiveness.	4.52	4.15	4.90	Tendency
8. Developing the feeling of inferiority.	4.76	4.07	4.54	Tendency
9. Communication restrictions.	3.96	4.42	4.36	Tendency
10. Physical and financial damage.	6.60	6.53	6.45	Tendency

обусловлены физиологией повреждения головного мозга. Так, известно, что пациенты, с очагом поражения в левой передней гемисфере головного мозга (моторные афазии) склонны к депрессивным настроениям (Хомская, 2010), что и отражается в завышенных оценках здоровья, самочувствия и счастья в прошлом и, наоборот, в пессимистичной оценке настоящего и будущего у моторных пациентов по сравнению с другими пациентами. Для пациентов с височными формами афазий характерно недооценивание собственного речевого дефекта (Глозман, 2002), что может объяснять их завышенные оценки

здоровья, самочувствия и счастья в настоящем и ожидания значительных улучшений в будущем. Полученные результаты показывают значимость речевого дефекта в исследовании самооценки.

Выводы

1. Получены качественные и количественные различия в самооценке между группами пациентов с разными нейропсихологическими диагнозами.
- Для пациентов с моторными формами афазии характерна завышенная ре-

троспективная самооценка на фоне более низкой самооценки Я-реального и Я-идеального, по сравнению с другими группами пациентов. Это может указывать на наличие субдепрессивного эмоционального фона у пациентов с локализацией очага поражения головного мозга в премоторных и постцентральных отделах левого полушария.

• Пациенты с височными формами афазий показывали завышенную самооценку в настоящем и в идеальном плане на фоне умеренных показателей ретроспективной самооценки (картина обратная, по сравнению с моторными формами афазий). Это может указывать на игнорирование стойкости и выраженности речевого дефекта

у пациентов с височными формами афазий.

- У пациентов с афазиями, особенно с моторными формами, наблюдается снижение частоты выбора коммуникативных характеристик и компенсация речевого дефекта предпочтительным выбором морально-волевых качеств (честность, справедливость, сила воли) для характеристики Я-реального, в то время как в ретроспективной самооценке данных различий не наблюдалось.
- У пациентов с афазиями, особенно с моторными видами, речевой дефект накладывает значительные ограничения на сферы карьеры, дружеских и рабочих отношений, физической привлекательности.

• У пациентов с дизартриями наиболее измененными болезнью оказались сферы досуга и удовольствий. Пациенты с дизартриями в связи с болезнью не отмечали снижения коммуникативности и социальной успешности, но отмечали наличие отрицательного самоотношения (чувство ущербности).

Полученные результаты указывают на то, что качество речевого дефекта является значимым фактором при изучении самооценки. Для объяснения некоторых полученных феноменов требуется дальнейшее расширение исследования самооценки с применением методик, исследующих внутреннюю картину болезни и защитные механизмы личности.

Литература:

- Бороздина Л.В., Волкова Н.Н. Опыт коррекции «триады риска» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – №1 – с.72–86.
- Вишнева А.Е. Динамика стратегий совладания у больных с последствиями инсультов и черепно-мозговых травм // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9) – С. 103-109. DOI: 2079-6617/2013.0114
- Братусь Б.С., Павленко В.Н. Соотношение структуры самооценки и целевой регуляции деятельности в норме и при аномальном развитии // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 146-154.
- Выготский Л.С. Основы дефектологии. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 654 с.
- Глозман Ж.М. Общение и здоровье личности. – Москва : Академия, 2002.
- Григорьева В.Н. Когнитивная реабилитация больных с инсультом и черепно-мозговой травмой : монография / В.Н. Григорьева, М.С. Ковязина, А.Ш. Тхостов. – Нижний Новгород : Издательство Нижегородской государственной медицинской академии, 2012. – 324 с.
- Каминская Н.А., Айламазян А.М. Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 45-55. DOI: 10.11621/npj.2015.0305
- Малкина-Пых И.Г. Психосоматика : справочник практического психолога – Москва : Эксмо, 2005. – 992 с.
- Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 167 с.
- Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – Москва : МГУ, 1989.
- Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. – Москва, 1995. – 352 с.
- Хомская Е.Д. Нейропсихология : учебник для вызов. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 496 с.
- Цветкова Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. – Воронеж : МОДЭК, 2004. – 424 с.
- Методика оценки речи при афазии : учеб. пособие к спецпрактикуму для студентов психол. фак. / Л.С. Цветкова, Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева. – Москва : Изд-во МГУ, 1981.
- Тхостов А.Ш., Степанович Д.А. Влияние кризисной жизненной ситуации на структуру самооценки // Вопросы психологии. – 1987. – С. 128-133.
- Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – Москва : Наука, 1977. – 143 с.
- Шкловский В.М. Системная организации нейрореабилитации больных с последствиями черепно-мозговой травмы // Клиническое руководство по черепно-мозговой травме. Т. 3 / ред. А.Н. Коновалов, Б. Лихтерман, А.А. Потапов. – Москва : Антидор, 2002. – С. 543-557.
- Mezzich, J.E., Zinchenko, Y.P., Krasnov, V.N., Pervichko, E.I., & Kulygina, M.A. (2013). Person-centered approaches in medicine: Clinical tasks, psychological paradigms, and postnonclass perspective. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 95-109. Doi: 10.11621/pir.2013.0109
- Tyerman A. Intervention for psychological problems after brain injury / A. Tyerman, N.S. King // *Clinical neuropsychology. A practical guide to assessment and management for clinicians* / Edited by L.H. Goldstein, J.E. McNeil. – John Wiley&Sons, Ltd., England, 2004. – P. 73-82.
- Wilson B.A. Theoretical approaches to cognitive rehabilitation / B.A. Wilson // *Clinical neuropsychology. A practical guide to assessment and management for clinicians* / Edited by L.H. Goldstein, J.E. McNeil. – John Wiley&Sons, Ltd., England, 2004. – P. 345-366.
- Wylie R. The self concept. – Lincoln, 1979. – 433 p.

References:

- Borozdina, L. V., & Volkova, N. N. (2014) The experience of correction of "Risk Triad". *Moscow University Psychology Bulletin [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 1, 72–86 DOI: 2079-6617/2013.0114.
- Vishneva, A.E. (2013). Dynamics of coping strategies in patients after stroke and traumatic brain injury. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 103–109. DOI: 2079-6617/2013.0114
- Bratus', B.S., & Pavlenko, V.N. (1986) The ratio of self-regulation of the target structure and activity in normal and abnormal development. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 4, 146-154.
- Vygotsky, L.S. (2003) Fundamentals of Defectology. St. Petersburg, Lan', - 654.
- Glozman, Zh.M. (2002) Community and health of the individual. Moscow, Akademiya.
- Grigoryeva, V.N. (2012) Cognitive rehabilitation of patients with stroke and traumatic brain injury: Monograph. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii, 324.
- Kaminskaya, Natalia A., Ailamazyan, Aida M. (2015). Studies of the body image in various psychological approaches. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 3 (19), 45-55. DOI: 10.11621/npj.2015.0305
- Mezzich, J.E., Zinchenko, Y.P., Krasnov, V.N., Pervichko, E.I., & Kulygina, M.A. (2013). Person-centered approaches in medicine: Clinical tasks, psychological paradigms, and postnonclassic perspective. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 95-109. doi: 10.11621/pir.2013.0109
- Malkin-Pykh, I.G. (2005) Psychosomatics: A Handbook of Practical Psychology. Moscow, Eksmo, 992.
- Mezzich, J.E., Zinchenko, Y.P., Krasnov, V.N., Pervichko, E.I., & Kulygina, M.A. (2013). Person-centered approaches in medicine: Clinical tasks, psychological paradigms, and postnonclassic perspective. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 95-109. doi: 10.11621/pir.2013.0109
- Nikolaeva, V.V. (1987) The impact of chronic disease on the psyche. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 167.
- Rubinstein, S.Ya. (1999) Experimental methods psychopathology. Moscow, Eksmo-Press.
- Sokolova, E.T. Self-awareness and self-esteem of the individual anomalies. Moscow: Moscow State University, 1989.
- Sokolova, E.T., & Nikolaeva, V.V. (1995) Features of the individual with borderline disorders and somatic diseases. Moscow, 352.
- Khomskaya, E.D. (2010) Neuropsychology: textbook for universities. St. Petersburg, Piter, 496.
- Tsvetkova, L.S. (2004) Neuropsychological rehabilitation of patients. Voronezh, MODEK, 424.
- Tsvetkova, L.S., Akhutina, T.V., & Pylaeva, N.M. (1981) Method of evaluating speech in aphasia: practice File for psychology students. Moscow, MGU.
- Tkhostov, A. Sh., & Stepanovich, D.A. (1987) Influence of crisis situations in the self-structure. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 128-133.
- Chesnokova, I.I. (1977) The issue of consciousness in psychology. Moscow, Nauka, 143.
- Shklovsky, V.M. (2002) Systemic organization neurorehabilitation of patients with sequelae of craniocerebral trauma. *Clinical guidelines for traumatic brain injury [Klinicheskoe rukovodstvo po cherepno-mozgovoy travme]*. Vol. 3. Moscow, Antidor, 543-557.
- Tyerman, A. (2004) Intervention for psychological problems after brain injury. In A. Tyerman, & N.S. King. *Clinical neuropsychology. A practical guide to assessment and management for clinicians*. Eds. L.H. Goldstein, & J.E. McNeil. John Wiley&Sons, Ltd., England, 73-82.
- Wilson B.A. (2004) Theoretical approaches to cognitive rehabilitation. *Clinical neuropsychology. A practical guide to assessment and management for clinicians*. Eds. L.H. Goldstein, & J.E. McNeil. John Wiley&Sons, Ltd., England, 345-366.
- Wylie R. (1979) The self concept. Lincoln, 433.

Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем

С.А. Капустин

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 22 июня 2015/ Принята к публикации: 10 октября 2015

Influence of hyperprotection (overexactness) on marital problems

Sergey A. Kapustin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: June 22, 2015 / Accepted for publication: October 10, 2015

В одной из наших публикаций было показано, что в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам основными стилями родительского воспитания были гиперопека и сверхтребовательность. В другой нашей работе на основе работ Э. Фромма был описан новый так называемый экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности. Использование данного критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам показало, что их личность можно квалифицировать как аномальную. Исследование влияния гиперопеки и сверхтребовательности на развитие личности детей из этих семей, проводимое также с использованием экзистенциального критерия, показало, что эти стили воспитания способствуют формированию у детей определенных аномальных типов личности: ориентированного на внешнюю помощь, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей и ориентированного на протест против такого соответствия.

В настоящем исследовании консультирования супружеских проблем в 80% случаев обнаружено прямое или косвенное наличие гиперопеки или сверхтребовательности. Прямое присутствие последних означает, что они явно наблюдаются во взаимоотношениях супругов. Косвенное присутствие указывает на то, что у супругов наблюдаются аномальные типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности. Разработана классификация этих случаев, основаниями которой являются различные варианты прямого или косвенного участия гиперопеки или сверхтребовательности в возникновении супружеских проблем. Показано, что многие проблемы супругов тесно связаны с аномальностью их собственной личности или личности людей из их ближайшего окружения, прежде всего, жен, мужей и родителей.

Ключевые слова: нормальная личность, аномальная личность, стили родительского воспитания, гиперопека, сверхтребовательность, детско-родительские проблемы, супружеские проблемы.

As it was mentioned in one of the previous papers, basic styles of parenting in families with parent-child problems were hyperprotection and overexactness. Another paper described a new so-called existential criterion of normal and abnormal personality based on the works of Erich Fromm. Applying this criterion to personality evaluation of overprotecting and overexacting parents in families with parent-child problems showed that their personality could be identified as abnormal. Research on the influence of hyperprotection and overexactness at children personality development in these families, where existential criterion was also applied, showed that these parenting styles contribute to promoting child specific abnormal personality types: oriented on external assistance, oriented on compliance with other people's requirements and oriented on protest against such compliance.

In the present study, the direct or indirect hyperprotection or overexactness in 80 per cent of cases was observed. Direct hyperprotection or overexactness means that they are clearly determined in relationship of the married couple. Indirect hyperprotection or overexactness indicates that the couple has abnormal personality types that date have roots in the childhood under the influence of the hyperprotection and overexactness. Classification of these cases was developed, based on various types of direct or indirect input of hyperprotection and overexactness in emerging marital problems. A variety of problems in couples are shown to be closely connected with abnormality of their own personality or the personality of their immediate environment, primarily wives, husbands and parents.

Key words: normal personality, abnormal personality, parenting styles, hyperprotection, overexactness, parent-child problems, marital problems.

В одной из наших публикаций (Капустин, 2014) было показано, что в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам основными стилями родительского воспитания были гиперопека и сверхтребовательность. Условия жизни ребенка в семьях с гиперопекающими родителями можно в целом охарактеризовать как «тепличные»: он окружен повышенной любовью, заботой и вниманием, родители стремятся максимально оградить его от трудностей и опасностей, всегда с готовностью оказывают ему своими действиями и советами помощь, которая охотно им принимается. Условия жизни ребенка в семьях со сверхтребовательными родителями иные: к нему постоянно предъявляются со стороны родителей повышенные требования, направленные на то, чтобы сформировать у ребенка определенные, желаемые для них личностные качества, важные, по их мнению, для его успешной жизни в обществе.

В другой нашей работе (Капустин, 2013) на основе работ Э. Фромма (1990а, 1990б, 1993, 2012) был описан новый так называемый экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности. Согласно этому критерию, нормальность и аномальность личности определяются, во-первых, особенностями содержания, а во-вторых, особенностями формирования ее позиции по отношению к свойственным природе человека экзистенциальным дихотомиям – объективно существующим в его жизни неустраняемым двухальтернативным противоречиям между разными ее сторонами. Позиция нормальной личности по содержанию может быть названа компромиссной, поскольку она ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных ди-

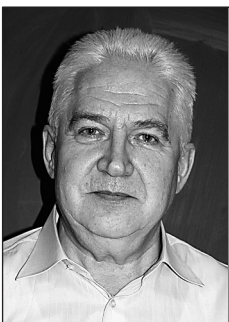
хотомий и, следовательно, на необходимость поиска компромисса для их разрешения. Такая позиция формируется на рациональной основе и при активном участии самого человека (базируется на его собственном опыте и разуме и является результатом его самоопределения). Позиция аномальной личности по содержанию характеризуется отрицанием заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий и ориентирует человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Она навязывается человеку другими людьми на иррациональной основе и не предполагает его самоопределения.

В этой же работе на основе анализа теорий личности З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла было показано, что данный критерий также неявно присутствует в них при описании личности, предрасположенной и не предрасположенной к возникновению жизненных проблем или психических расстройств. Но здесь он присутствует в более частных его вариантах – по отношению к таким конкретным дихотомиям как природа и культура (З. Фрейд), превосходство и общность (А. Адлер), противоположности (К. Юнг), самоактуализация и условные ценности (К. Роджерс), детерминизм и самоопределение (В. Франкл).

Дихотомия природы и культуры, содержащаяся в работах З. Фрейда (Фрейд, 1989а, 1989б), состоит в том, что человек как природное существо должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь естественным требованиям сексуальных влечений, а как член общества он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь морально-эстетическим требованиям, предъявляемым обществом

к объектам этих влечений и способам их удовлетворения.

Дихотомия превосходства и общности, содержащаяся в работах А. Адлера (Адлер, 1993, 2014), состоит в том, что, в соответствии с мотивом достижения превосходства над другими людьми, возникающим у человека в качестве компенсации чувства неполноценности, его жизнь направлена на достижение этого превосходства, конфронтацию с другими людьми, получение различного рода преимуществ для себя лично, в то же время, в соответствии с врожденным чувством общности, он должен жить в единении с другими людьми, ради их блага, подчиняя свои личные интересы интересам общества. Дихотомии противоположностей, содержащиеся в работах К. Юнга (Адлер, 1991, 1994), характеризуют, с его точки зрения, природу человеческой жизни. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и между любыми другими несовместимыми сторонами действительности, то из этого следует, что дихотомии противоположностей можно рассматривать как более узкий класс экзистенциальных дихотомий. Примером может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными требованиями со стороны его бессознательного. Дихотомия самоактуализации и условных ценностей, содержащаяся в работах К. Роджерса (Роджерс, 1994, 2007; Rogers, 1959), состоит в том, что человек должен, с одной стороны, реализовывать в своем личностном развитии врожденную тенденцию к самоактуализации, а с другой – соответствовать условным ценностям, навязываемым ему другими людьми, что является условием удовлетворения его потребности в положительном к нему отношении со стороны окружающих. Дихотомия детерминизма и самоопределения, содержащаяся в работах В. Франкла (Франкл, 1990, 1997, 2011), состоит в том, что человек должен жить, с одной стороны, в соответствии со своей биологической и социальной природой, подчиняясь различного рода природным, психологическим и общественным влияниям, а с другой – в соответствии со своей духовной природой



Сергей Александрович Капустин – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: skapustin@mail.ru

Для цитирования: Капустин С.А. Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 62-69.

For citation: Kapustin Sergey A. (2016). Influence of hyperprotection (overexactness) on marital problems. *National Psychological Journal*, 4, 62-69.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

как существо свободное и ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни.

Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам (Капустин, 2015а) показало, что их личность можно квалифицировать как аномальную.

Исследование влияния гиперопеки и сверхтребовательности на развитие личности детей из таких семей (Капустин, 2015б, 2015в), в котором также использовался экзистенциальный критерий, позволило сделать следующие выводы. Стиль воспитания «гиперопека» способствует формированию у детей аномального типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, которому свойственна односторонняя позиция по отношению к экзистенциальной дихотомии помощи и самостоятельности, заключающаяся в преимущественной жизненной ориентации на внешнюю помощь, а не на проявление самостоятельности. Стиль воспитания «сверхтребовательность» способствует формированию у детей трех аномальных типов личности:

- 1) ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей;
- 2) ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей;
- 3) смешанного, представляющего собой сочетание первых двух типов.

Всем этим типам присуща односторонность позиции по отношению, по меньшей мере, к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Для личности, ориентированной на соответствие своего поведения требованиям других людей, эта односторонность заключается в чрезмерной жизненной ориентации детей на соответствие своего поведения социальным требованиям других людей в ущерб реализации собственных природных влечений, самоактуализации и самоопределения. А для противоположной ей личности, ориентированной на протест против

такого соответствия, она заключается в асоциальном поведении, отрицающем ценности, которыми руководствуются ее родители и другие взрослые, в стремлении жить так, как она сама считает нужным, в большем согласии со своими природными влечениями.

Цель и задачи исследования

В своей консультационной практике мы сталкивались не только с детско-родительскими проблемами, но и с проблемами взрослых людей, среди которых очень распространенными были супру-

Жирным шрифтом выделено в оригинале.

Жирным шрифтом выделено в оригинале.

Гиперопека и сверхтребовательность используются супругами не только по отношению к детям, но и по отношению к другому супругу. Кроме того, среди супругов зачастую встречались лица с теми же типами аномальной личности, которые были свойственны детям, воспитывавшимся в условиях гиперопеки и сверхтребовательности

жеские проблемы. В процессе анализа этих проблем часто обнаруживалось, что гиперопека и сверхтребовательность используются супругами не только по отношению к детям, но и по отношению к другому супругу. Кроме того, среди супругов зачастую встречались лица с теми же типами аномальной личности, которые были свойственны детям, воспитывавшимся в условиях гиперопеки и сверхтребовательности. Эти факты побудили нас провести более тщательное исследование консультационных случаев с супружескими проблемами, предполагающее решение трех основных задач:

1. Выявление степени распространенности гиперопеки и сверхтребовательности, а также аномальных типов личности, формирующихся под влиянием этих стилей воспитания, в консультационных случаях с супружескими проблемами;
2. Разработку классификации этих случаев;
3. Доказательство того, что одним из важнейших факторов, влияющих на возникновение многих супружеских проблем, является аномальность личности самих супругов или людей из их ближайшего окружения.

Объектами нашего исследования были 66 аудиозаписей консультационных случаев с супружескими проблемами.

Результаты и их обсуждение

Анализ этих случаев показал, что в 80% из них (в 53 из 66 случаев) присутствовали гиперопека или сверхтребовательность, при этом их присутствие могло быть прямым или косвенным. В нашей терминологии прямое присутствие означает, что гиперопека или сверхтребовательность явно наблюдаются во взаимоотношениях супругов или супругов с их родителями. Косвенное присутствие указывает на то, что у супругов наблюдаются аномальные типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

Все эти случаи мы классифицировали на 4 группы:

1. Случаи, в которых со стороны одного из супругов по отношению к другому осуществлялась сверхтребовательность;
2. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны тещи к зятю или свекрови к невестке;
3. Случаи, в которых личность одного из супругов сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности;
4. Случаи, в которых со стороны одного из супругов осуществлялась сверхтребовательность по отношению к другому, личность которого сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

В остальных 13 случаях с супружескими проблемами нам не удалось выявить ни прямого, ни косвенного присутствия гиперопеки или сверхтребовательности.

Рассмотрим каждую из выделенных групп случаев более подробно.

Случаи, в которых со стороны одного из супругов по отношению к другому осуществлялась сверхтребовательность

Эта группа оказалась самой многочисленной, в нее вошло 23 случая (7 клин-тов были мужчины и 23 – женщины).

Возраст клиентов варьировал от 19 до 64 лет и в среднем составлял 35 лет. В 13 случаях сверхтребовательность наблюдалась со стороны мужа, в 10 – со стороны жены.

Проблемы, встречающиеся в этих случаях, можно разделить на два класса в зависимости от типа доминирующей реакции одного из супругов в ответ на сверхтребовательность к нему со стороны другого супруга. Эти типы реакций составляют основу проблем. Словом «доминирующая» мы хотим подчеркнуть тот факт, при одновременном присутствии обеих реакций в каждом из этих случаев имеет место относительное преобладание одной из них. Реакция первого типа, которую можно обозначить реакцией покорности, состоит в том, что супруг, подвергающийся сверхтребовательности, начинает подстраиваться под предъявляемые ему требования, пытается жить в соответствии с ними, проявляя терпение. В результате у него начинают периодически возникать состояния подавленности, уныния, горя, усталости от совместной жизни. Реакцией второго типа является протест супруга против оказываемого на него давления, проявляющийся во вспышках раздражения, злости или гнева и соответствующих этим эмоциям формах поведения. У жен сверхтребовательных мужей явно доминировала реакция покорности, она встречалась в 10 из 13 случаев. Напротив, у мужей сверхтребовательных жен в 8 из 10 случаев наблюдалась реакция протеста.

Ниже приводятся примеры двух случаев, в которых демонстрируются эти два типа доминирующих реакций в ответ на сверхтребовательность со стороны, соответственно, мужа и жены.

Случай 1.

В консультацию обратилась супружеская пара: София (24 года) и Олег (30 лет). В браке состоят всего полгода, живут вдвоем.

Олег сообщил о себе, что у него есть сложившаяся жизненная позиция, которой он неукоснительно следует, и в соответствии с которой он предъявляет требования к другим людям, в том числе, к жене. У него отмечается склонность к регламентированности человеческих взаимоотношений. Так, например, он

собирается написать конституцию для своей семьи, где будут четко оговорены права и обязанности супругов, правила поведения и санкции за их несоблюдение. София характеризует его отношение к ней «как к машине, которая должна выполнять какие-то функции, вне зависимости от настроения».

Софию раздражает повышенная требовательность мужа по отношению к ней и его повелительный тон. Она против того, что муж «пытается затянуть меня в свой мир», «если начинаешь уступать, то чувствуешь, что он еще больше затягивает». Особенно остро она реагирует на требования мужа вести светские беседы с его клиентами по бизнесу, которые очень часто приходят к нему домой. Буквально сразу же после свадьбы София стала высказывать в резкой форме свое недовольство таким поведением Олега, несколько раз после очередного скандала уходила ночевать к родителям.

Случай 2.

В консультацию обратилась Алена (29 лет). Замужем 1 год, живут вдвоем с мужем.

О себе сообщила, что была очень требовательна по отношению к мужу: «У меня сформировался идеал человека, с которым я его соотносила; пыталась его переделать, требовала от него проявления мужских качеств; постоянно терроризировала его по мелочам, сделай то, сделай это, хотелось, чтобы у него был чистенький и аккуратненький вид, и по этому поводу делала замечания».

Муж старался соответствовать ее требованиям, но недавно заявил, что «я тебя люблю, но жить вместе больше не могу, если мы будем продолжать жить, то я устану или сойду с ума». В настоящее время у него состояние подавленности, «ходит какой-то вялый, не может разговаривать со мной без слез, начинает говорить и плачет; постоянно обвиняет себя, говорит, что недостойн меня, что он не очень хороший человек, у него много недостатков, он сделал все, что мог, но ничего не получилось». Кроме того, он стал жаловаться на боли в сердце. Несмотря на такое тяжелое состояние мужа, Алена считает, что «он приложил недостаточно сил для искоренения своих недостатков».

В нашей практике не встречались случаи с проявлениями в супружеских взаимоотношениях гиперопеки. Возможно, это свидетельствует о том, что отношения гиперопеки среди супругов не столь разрушительны для их совместной жизни, как отношения сверхтребовательности.

Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны тещи к зятю или свекрови к невестке

Эта группа состояла из 7 случаев (1 клиент был мужчина и 6 – женщины). Возраст клиентов варьировал от 22 до 68 лет и в среднем составлял 37 лет. В 5-ти случаях сверхтребовательность наблюдалась со стороны тещи к зятю, в 2-х – со стороны свекрови к невестке.

Во всех этих случаях основу проблем составляли напряженные отношения между тещей и зятем или свекровью и невесткой, которые возникали в результате несоответствия требований, предъявляемых тещами или свекровьями к поведению своих зятей или невесток. Два следующих случая иллюстрируют эти проблемы.

Случай 3.

В консультацию обратилась Олеся (26 лет). В браке 7 лет. Живут вчетвером: она, ее мать, муж и ребенок (6 лет).

Олеся характеризует свою мать как «властного человека с трудным характером», постоянно вмешивающегося в жизнь молодой семьи.

По ее словам, вследствие этого вмешательства муж «никогда не чувствовал себя хозяином в этом доме, они постоянно конфликтовали с тещей по разным поводам, особенно по поводу воспитания ребенка». Как выяснилось, Олеся в этих конфликтах была в большей степени на стороне матери, она говорила мужу, что «раз ты пришел к нам в дом, то соблюдай заведенные порядки». В результате начали возникать ссоры и между супругами. Муж стал задерживаться на работе, приходил поздно и нередко выпивши. Олеся по наущению матери запретила приходиться ему пьяному домой и однажды сказала, что «если будешь пить, я с тобой разведусь». На что муж ответил: «Давай разводиться, все равно у нас жизни никакой не было».

Случай 4.

В консультацию обратилась Антонина (55 лет). Живет вместе с мужем, сыном, невесткой и двумя внуками (6 лет и 1 год). Сын женат 7 лет.

В ходе беседы выяснилось, что Антонина сразу же после женитьбы сына стала активно вмешиваться в жизнь молодой семьи и особенно невестки: «С первых дней нашей жизни у меня было такое желание, чтобы она смотрелась, была культурной, была образованной; это я старалась для сына, чтобы у него была хорошая жена».

Невестка стала сопротивляться этому вмешательству, устраивая громкие скандалы, во время которых «она кричала, что ненавидит свекровь, что свекровь ее затравила, что она живет в невыносимых условиях». В последнее время скандалы участились и стали возникать по самым незначительным поводам. Сын в этом конфликте в большей степени принимает сторону своей жены. Антонина считает, что ее «обижают незаслуженно», поскольку она «очень много могла для становления их семьи».

Случаи, в которых личность одного из супругов сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности

Эта группа состояла из 12 случаев (9 клиентов были мужчины, 9 – женщины). Возраст клиентов варьировал от 24 до 48 лет и в среднем составлял 32 года. В 9-ти случаях один из супругов (7 мужчин и 2 женщины) обладал типом личности, ориентированным на внешнюю помощь, сформировавшимся в детстве под влиянием гиперопеки, и в 3 случаях (все 3 – мужчины) – типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей, сформировавшимся в детстве под влиянием сверхтребовательности. Как видно из приведенной статистики, эти два типа личности в значительно большей степени наблюдались у мужчин (в 10 случаях) и только в 2 случаях – у женщин.

Основу проблем в семьях с мужьями, обладающими личностью, ориентированной на внешнюю помощь, составляли претензии к ним жен по поводу их чрезмерной ориентации на внешнюю

помощь, конкретными формами проявления которой были, как правило, лень, беззаботность, безответственность по отношению к решению семейных вопросов. Кроме того, они нередко выказывали недовольство повышенной привязанностью мужей к своим родителям. Проблемы в семьях с женами, обладающими данным типом личности, заключались в их претензиях к своим мужьям по поводу их недостаточной помощи, заботы и внимания к ним.

В двух следующих случаях приводятся примеры подобных проблем. В одном из них тип личности, ориентированный на внешнюю помощь, наблюдается у мужа, в другом – у жены.

Случай 5.

В консультацию обратились муж Кирилл (35 лет) и жена Анна (35 лет). Они женаты 6 лет, есть дочь (4 года), живут втроем, отдельно от родителей.

По словам Анны, родители всегда опекали и продолжают опекать ее мужа вплоть до настоящего времени: «Они всегда поддерживали его материально, любят давать ему советы, а он их слушается; он со мной не советуется, все важные вопросы решает со своими родителями». Кирилл характеризует свою жизнь с родителями до женитьбы как легкую и беззаботную: «Я отношусь к родителям с пиететом; мне в жизни никогда не приходилось прикладывать каких-либо усилий для достижения каких-то целей, я их просто не ставил перед собой, т.е. всегда плыл по течению, не было никакой целеустремленности; у меня всегда было хорошее настроение, я привык считать, что все разрешится само собой».

Основные претензии Анны к мужу заключаются в том, что он «должен обеспечивать семью, быть опорой в жизни, сам решать свою судьбу», а вместо этого он «не стремится зарабатывать больше, последние 4 месяца вообще не работает, апатично относится к жизни; я верчусь, а он лежит на диване и смотрит телевизор; до сих пор считает себя частью той семьи, а я и дочь должны войти в состав его семьи». Эти претензии Анна периодически высказывает Юрию, после чего происходят скандалы. Два раза муж подавал заявление на развод и сам же забирал его.

Случай 6.

В консультацию обратились жена Яна (24 года) и муж Антон (24 года). В браке состоят 4 года, живут вдвоем.

Яна сообщила, что в детстве ее очень опекала мать: «Я инфантильная, мама за меня принимала все решения, все делала за меня, старалась во всем помочь».

Проблемы в семье начались год назад после того, как Яна окончила институт и начала трудовую деятельность. За этот год она поменяла три места работы, так как везде сталкивалась с различного рода трудностями, которые, по ее словам, «выбивали меня из колеи, у меня начиналась депрессия, опускались руки». Яна «начала жаловаться на свою жизнь мужу». Антону это было неприятно, он стал чаще задерживаться на работе, а Яна в ответ на задержки мужа устраивала скандалы, обвиняя его в недостаточности чуткости, заботы и внимания к ней. Виктор весь этот период «чувствовал себя виноватым за все ее проблемы». В настоящее время он собирается подать заявление на развод, поскольку устал от скандалов и обвинений.

Во всех трех семьях с мужьями, обладающими личностью, ориентированной на соответствие своего поведения требованиям других людей, проблемы были тесно связаны с характерной для данного типа личности чертой – повышенной привязанностью к своим родителям. Ниже приводится один из примеров проблемы, связанной с этой чертой.

Случай 7.

В консультацию обратились жена Ирина (29 лет) и муж Валентин (30 лет). Женаты 4 года, живут вдвоем.

По словам Ирины, у ее свекрови «властный характер, она всегда руководила всеми членами ее семьи», в том числе, своим сыном. Валентин очень привязан к матери и бабушке, «они для него – святые люди». Он не менее одного раза в две недели уезжает к ним на выходные навесить (они живут за городом) или уезжает по первому требованию матери, «как она прикажет, так и будет». Там «он делает по хозяйству все, что его попросят». Когда у Валентина заболела бабушка, «он развил бурную активность, чтобы достать нужные лекарства».

Ирину раздражает привязанность Валентина к родителям и его постоянная готовность помогать им, поскольку в своей семье он ведет себя совершенно иначе: «дома он ложится на диван, а я кручусь; если у него нет настроения, он может целый день пролежать на диване». При этом Ирина специально поясняет, что «мне работа по дому не в тягость, но меня раздражает, что он там помогает, а мне нет; не могу уговорить вбить гвоздь для вешалки и сделать задвижку, получается, что основная семья там, а не здесь».

Случаи, в которых со стороны одного из супругов осуществлялась сверхтребовательность, а личность другого сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности

Эта группа состояла из 11 случаев (2 клиента были мужчины и 11 – женщины). Возраст клиентов варьировал от 22 до 39 лет и в среднем составлял 29 лет.

Проблемы в данной группе случаев были очень сходны с проблемами, характерными для первой группы, в которой один из супругов проявлял сверхтребовательность по отношению к другому. Основу этих проблем так же составляли реакции покорности или протеста того супруга, по отношению к которому осуществлялась сверхтребовательность, с той лишь разницей, что тип его личности, сформировавшийся под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности, вносил свой специфический вклад в содержание супружеских проблем.

Этот специфический вклад мы продемонстрируем на примерах трех случаев, соответственно, с тремя разными типами личности – ориентированными на внешнюю помощь, на соответствие своего поведения требованиям других людей, и на протест против такого соответствия. В этой группе случаев все указанные типы наблюдались только у жен.

Личность, ориентированная на внешнюю помощь, встречалась в 5 случаях. В каждом из них у жен доминировала реакция покорности с характерными для относящихся к третьей группе случаев жалобами на недостаточную помощь, заботу и внимание к ним со стороны мужей. Ниже приводится пример одного из этих случаев.

Случай 8.

В консультацию обратилась Лидия (23 года). В браке состоит 4 года. Живет с мужем, свекром и свекровью.

О своем детстве она сообщила, что росла в атмосфере тепла, заботы и внимания, которую создавали ее родители: «У нас все заботились друг о друге». В нынешней семье к ней отношение совершенно иное: со стороны свекрови и мужа предъявляются повышенные требования. По словам Лидии, у нее «очень властная свекровь», которая «постоянно дает понять, что я недостаточно забочусь о муже», «муж также все время пытается меня переделать», а «я не могу даже высказать свое мнение», «у меня такое чувство, что об меня вытирают ноги».

В результате этого двойного давления у Лидии возникают состояния подавленности, она часто плачет, «в последнее время появились боли в сердце». Кроме того, Лидия жалуется на многочисленные жизненные трудности: «утром трудно встать, тяжело добираться до работы, очень устаю на работе так, что вечером нет сил поесть». Основная претензия к мужу – недостаточность заботы и внимания. Как она говорит: «Если нет заботы и поддержки со стороны мужа, то зачем он тогда нужен; если жить с человеком и не получать от него внимания, тогда зачем с ним жить». Идеалом отношения мужа к жене является для нее пример семьи подруги: «У нее муж пришел с работы, устал, не устал, голодный, не голодный, все бросит и на другой конец Москвы помчится ее встретить, если она ему позвонит и попросит».

Личность, ориентированная соответствие своего поведения требованиям других людей, встречалась в 4 случаях. Во всех них у жен наблюдалась более ярко выраженная реакция покорности с более безропотным подчинением требованиям мужей, чем в первой группе случаев. Ниже приводится пример одного из них.

Случай 9.

В консультацию обратилась Кристина (39 лет). Замужем 14 лет. Живет с мужем и двумя детьми (6 и 9 лет).

Характеризуя мужа, она сообщает, что «он полный хозяин в доме, лидер, ведет себя грубо, не считаясь с интере-

сами других, люди для него – средство для достижения своих целей». Его позиция в отношении семьи состоит в том, что «муж – это глава семьи, а жена должна ухаживать за мужем и детьми, заниматься домашним хозяйством». Кристина полностью разделяет эту позицию, ее тяготит лишь повышенная требовательность и грубость мужа. Все эти годы она периодически испытывала состояния подавленности, «успокаивалась только тогда, когда муж во время отпуска уезжал», (муж всегда проводил отпуск один без семьи), даже «дети плакали и говорили, что не хотят, чтобы он приезжал».

Несколько лет назад муж стал ей говорить, что она не устраивает его «духовно и как женщина». Два года назад у него появилась любовница и он этого от жены не скрывает. На предложение Кристины переехать к любовнице ответил, что «буду жить с двумя, так как хочу быть счастливым». Последнее время он часто говорит ей: «Чтоб ты отдохла». Несмотря на такое отношение, Кристина не хочет уходить от мужа, поскольку любит его и считает, что у детей должен быть отец.

В 2 случаях у жен наблюдался тип личности, ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. В обоих этих случаях жены давали очень резкий отпор в ответ на сверхтребовательность по отношению к ним со стороны их мужей. В качестве иллюстрации мы приводим один из них.

Случай 10.

В консультацию обратилась Елизавета (22 года). Замужем 4 года. Живет вдвоем с мужем.

О своих взаимоотношениях с матерью сообщила, что «у мамы были крепкие жизненные устои, высокие моральные принципы – это надо, это не надо; она сама такая и хотела видеть такими других, пыталась воспитать меня по какому-то образцу, по системе Макаренко; меня никогда не жалела, сильно мной манипулировала». Елизавета «всегда протестовала против ее давления, в 14-15 лет стала ходить на ночные дискотеки, уехала из дома на 2-3 дня».

В 18 лет познакомилась со своим будущим мужем, который старше ее на 14 лет, и сразу же ушла к нему жить. Вско-

ре они поженились. По словам Елизаветы, «муж был очень требовательный, ему нужна была жена, которая ставит семейную жизнь выше собственной самореализации». С его точки зрения «муж должен зарабатывать деньги, а жена готовить, стирать, убирать». Первые 3 года она занималась домашним хозяйством с удовольствием, поскольку ей «казалось, что лучше человека нет, но потом прозрела». Так называемое прозрение наступило, когда она захотела пойти работать, чтобы «реализовать себя», а муж стал возражать. Елизавета настояла на своем, и через год по ее инициативе они разошлись.

Выводы

Результаты исследования консультационных случаев с супружескими проблемами позволяют сделать следующие выводы:

1. В 80% случаев обнаружено прямое или косвенное присутствие гиперопеки или сверхтребовательности. Прямое присутствие означает, что гиперопека или сверхтребовательность явно наблюдаются во взаимоотношениях супругов. Косвенное присутствие указывает на то, что у супругов наблюдаются аномальные типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

2. Разработана классификация случаев, основаниями которой являются различные варианты прямого или косвенного участия гиперопеки или сверхтребовательности в возникновении супружеских проблем.

3. Показано, что многие проблемы супругов тесно связаны с аномальностью их собственной личности или личности людей из их ближайшего окружения, прежде всего, жен, мужей и родителей.

Литература:

- Адлер А. Наука о характерах. Понять природу человека. – Санкт Петербург : Академический проект ; Гаудеамус, 2014. – 240 с.
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – Москва : Прага, 1993. – 175 с.
- Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 52–63. DOI: 10.11621/npj.2014.0406
- Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – №2 – С. 51–62.
- Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 79–87. DOI: 10.11621/npj.2015.0109
- Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76–96.
- Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20)). – С. 119–129. DOI: 10.11621/npj.2015.0412
- Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. – Москва: Когито-Центр, 2013. – 101 с.
- Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – Москва : Прогресс, Универс, 1994. – 480 с.
- Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия: теория, современная практика и применение. – Москва : Психотерапия, 2007. – 560 с.
- Серых А.Б., А.А. Лифинцева Влияние факторов, связанных с особенностями родителей, на эффективность психотерапии детей и подростков // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 91–96. DOI: 10.11621/npj.2014.0211
- Франкл В. Доктор и душа. – Санкт Петербург : Ювента, 1997. – 287 с.
- Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. – Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2011. – 105 с.
- Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
- Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. – Москва : Наука, 1989а. – 456 с.
- Фрейд З. Психология бессознательного : сборник произведений. – Москва : Просвещение, 1989б. – 448 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы. – Москва: МНПП «ЭСИ», 1990а. – 272 с.
- Фромм Э. Иметь или быть? – Москва: Прогресс, 1990б. – 333 с.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. – Москва. М.: Республика, 1993. – 415 с.
- Фромм Э. Человек для себя. – Москва: Астрель, 2012. – 290 с.
- Юнг К. Архетип и символ. – Москва : Ренессанс, 1991. – 300 с.
- Юнг К. Психология бессознательного. – Москва : Канон, 1994. – 320 с.
- Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework // Psychology: A study of a science / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, INC. – 1959. – Vol. 3. – 184–256.

References:

- Adler, A. (1993) Practice and theory of individual psychology. Moscow, Pragma, 175.
- Adler, A. (2014) The science of characters. To Understand Human Nature. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, Gaudeamus, 240.

- Dzukaeva V.P., Sadovnikova T.Y. (2014). The role of mother and father in the development of individuation of late adolescence: cross-cultural aspect. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 52–63. DOI: 10.11621/npj.2014.0406
- Frankl, V.E. (1990) *Man's Search for Meaning: Selected Works*. Moscow, Progress, 368.
- Frankl, V.E. (1997) *The Doctor and the Soul*. St. Petersburg, Uventa, 287.
- Frankl, V.E. (2011) Suffering from Meaninglessness of Life. *Actual Psychotherapy [Aktual'naya psikhoterapiya]*. Novosibirsk, Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 105.
- Freud, S. (1989a) *Introductory Lectures on Psychoanalysis*. Moscow, Nauka, 456.
- Freud, S. (1989b) *Psychology of the Unconscious: Selected Works*. Moscow, Prosveshchenie, 448.
- Fromm, E. (1990a) *Escape from Freedom*. Moscow, Progress, 272.
- Fromm, E. (1990b). *To Have or to Be?* Moscow, Progress, 333.
- Fromm, E. (1993) *Psychoanalysis & Ethics*. Moscow, Respublika, 415.
- Fromm, E. (2012) *Man for Himself*. Moscow, Astrel', 290.
- Jung, C.G. (1991) *Archetype and Symbol*. Moscow, Renessans, 300.
- Jung, C.G. (1994) *Psychology of the Unconscious*. Moscow, Canon, 320.
- Kapustin, S.A. (2013) Existential criterion of normality and abnormality of personality in the classical areas of psychology and psychotherapy. Moscow, Kogito-Tsentr, 101.
- Kapustin, S.A. (2014) Parenting styles in client families with psychological consultation for parent-child problems. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 4, 76-90.
- Kapustin, S.A. (2015a). Personal features of children in client families who receive psychological advice. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1(17), 79-87. DOI: 10.11621/npj.2015.0109
- Kapustin, S.A. (2015b) Using existential criterion for assessing personality of hyperprotecting and overexacting parents in families of psychological consultation clients for parent-child problems. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 2, 51-62.
- Kapustin, S.A. (2015c) Styles of parenting in families, never applied to psychological counseling, and their influence on the personality development of children. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 2, 119-129. DOI: 10.11621/npj.2015.0412.
- Rogers, C.R. (1959) A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework. *Psychology: A study of a science [Psikhologiya. Izuchenie nauki]*. New York, McGraw-Hill Book Company, INC. 3, 184-256.
- Rogers, C.R. (1994) *On Becoming a Person: A Therapist's View on Psychotherapy*. Moscow, Progress, Univer, 480.
- Rogers, C.R. (2007) *Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications, and Theory*. Moscow, Psikhoterapiya, 560.
- Serykh A.B., Lifintseva A.A. (2014). The influence of factors related to parent features on the children and adolescents psychotherapy efficacy. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 90–96. DOI: 10.11621/npj.2014.0211
- Shvedovskaya A.A., Archakova T.O. (2015). Styles of parent-child interactions in families with preschool-age children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(2), 36-51.

Психолого-педагогическая помощь родителям детей с тяжелыми нарушениями здоровья: основные направления и возможности

Н.В. Мазурова

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Т.А. Подольская

Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Москва, Россия

Поступила 18 января 2016/ Принята к публикации: 2 февраля 2016

Psychological pedagogical assistance to parents of children with severe health problems: guidelines and opportunities

Nadezhda V. Mazurova*

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

Tatyana A. Podolskaya

Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Received: January 18, 2016 / Accepted for publication: February 2, 2016

*Corresponding author. E-mail: mazariny-2@yandex.ru

В статье представлен анализ данных отечественных и зарубежных исследований по проблеме оказания психологической помощи родителям детей с тяжелыми нарушениями здоровья. Рассматривается понятие «семья больного ребенка» как нестабильная система, на которую оказывает влияние сильный хронический семейный стрессор. Приведена типология семей по критерию уязвимости к стрессу: уязвимые семьи, регенеративные семьи. Анализируются отечественные исследования по изучению семейного стресса и способов его преодоления. Раскрывается содержание понятия «семейный стресс». Описываются нарушения психологической адаптации семьи больного ребенка в аспекте посттравматических стрессовых реакций. Объясняются причины неодинаковой устойчивости семей к жизненным сложностям.

Рассматривается понятие «семейный копинг», включающее в себя защитные факторы семьи, факторы восстановления, семейные ресурсы. Анализируются результаты исследования проблемы семейного копинга. Раскрывается роль семейных факторов в формировании личностных копинг-ресурсов и индивидуального копинг-стиля. Показано содержание психологической помощи родителям тяжелобольных детей, построенной на основе принципа системности с учетом тяжести состояния ребенка, индивидуальных особенностей родителей, уровня социально-психологической адаптации, а также микросоциальных и макросоциальных факторов воздействия. К ним относятся: психолого-педагогическая поддержка семьи на первом этапе принятия диагноза ребенка, психолого-педагогическая помощь родителям безнадежно больного ребенка, психолого-педагогическая помощь родителям с высоким уровнем социально-психологической адаптации, психолого-педагогическая помощь родителям детей с патологией центральной нервной системы.

Ключевые слова: Психологическая помощь родителям детей с тяжелыми нарушениями здоровья, семейный стресс, семейные ресурсы в преодолении трудной жизненной ситуации, семейный копинг, уровень социально-психологической адаптации родителей.

An analysis of reference data on the psychosocial assistance to parents of sick children is presented. The level of such topics as family stress, family resources in overcoming difficult situations is highlighted. The content of the correction phase of psychological assistance to parents of seriously ill children based on the principle of consistency is shown.

Russian studies of family stress and ways to overcome are shown. The content of the concept of «family stress» is revealed. Violations of psychological adjustment of the sick child in the family aspect of the posttraumatic stress reactions are shown. The paper explains the reasons for unequal family resistance to the complexities of life. The concept of «family coping», that includes protective family factors, recovery factors, family resources is revealed. The results of the study of family problems coping. It reveals the role of family factors in developing personal coping resources and individual coping style. The paper displays the content of the psychological assistance to parents with seriously ill children, taking into account the severity of the child's condition, the individual characteristics of the parents, the level of social psychological adaptation micro- and macrosocial impacts. These include psychological pedagogical support of the family in the first stage of adopting child diagnosis, psychological and educational assistance to parents with a seriously ill child, psychological and pedagogical assistance to parents with a high level of social and psychological adaptation, psychological and educational assistance to parents of children with disorders of the central nervous system.

Keywords: psychological assistance to parents of seriously ill children, family stress, family resources in overcoming difficult situations, level of social and psychological adaptation of parents.

Ситуация, когда в семье воспитывается ребенок с ограниченными возможностями здоровья, с тяжелыми хроническими заболеваниями, безусловно, является сложной. Она оказывает сильное и длительное стрессогенное воздействие на членов семьи. Тяжело и длительно болеющие дети в течение долгого периода жизни находятся на лечении и реабилитации в учреждениях системы здравоохранения, поэтому первостепенной задачей в работе специалистов является сохранение и восстановление здоровья пациентов. При этом целенаправленная помощь самой семье, как правило, отсутствует.

В научных исследованиях нашли отражение лишь отдельные аспекты проблемы психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с тяжелыми нарушениями здоровья и испытывающим хронический стресс. Большинство исследователей определяют «семейный стресс» как макрособытие (в смысле критического жизненного события), которое нарушает гомеостаз семьи. Такие события требуют долговременного приспособления и включают так называемые изменения вторичного порядка – на уровне структуры семьи. Относительную вероятность адекватного реагирования членов семьи на стрессовые события М. Perrez назвал семейной копинг-компетентностью (Perrez, 1992). Авторы

отечественных и зарубежных исследований доказали, что тяжелая или хроническая болезнь ребенка затрудняет функционирование семьи и ставит ее членов перед необходимостью совладания с неблагоприятными изменениями. В специальной психологии существует достаточное количество работ, в которых рассматривается проблема эмоционального реагирования и социальной адаптации родителей детей с сенсорными и интеллектуальными нарушениями (Мастюкова, Московкина, 2003; Смирнова, 1996; Ткачева, 1999; Шипицына, 1997). Появление такого ребенка сопровождается не только естественными, «нормативными» трудностями, но и рядом серьезных негативных жизненных изменений: крах родительских ожиданий; неуверенность супругов в правильности выполнения своей роли, меняющие стиль жизни семьи ограничения, выполнение новых сложных функций и обязанностей, социальная изоляция.

В формировании личностных копинг-ресурсов и индивидуального копинг-стиля решающая роль принадлежит семейным факторам. Однако семейный стресс и способы его преодоления являются в нашей стране малоизученными. Объясняется это трудоемкостью проведения таких исследований: требуется систематичность наблюдений, обязательное участие всех членов семьи и пр. Едва ли

не единственными серьезными работами на настоящий момент являются исследования Н.Ф. Михайловой и Е.В. Куфтык (Михайлова, 1998; Куфтык, 2010). Авторы отмечают, что семейная сплоченность и семейная адаптация могут рассматриваться в качестве семейных копинг-ресурсов, оказывающих положительное влияние на эмоциональные переживания и преодоление стресса членами семей, а удовлетворенность семейным функционированием является психологическим фактором, способствующим эффективной адаптации.

Трудные жизненные ситуации проверяют прочность семейной системы и ее способность восстанавливать силы после перенесенного стресса. Не все члены семьи одинаково уязвимы к стрессу, не все умеют быстро восстанавливать душевные и физические силы, «выздоровливать» после неудачи, сохраняя душевную энергию, жизнерадостность и другие позитивные чувства. Способность семьи восстанавливаться после перенесенного стресса ученые обозначают как устойчивость (resilience). На ее основе выделяют два типа семей:

1. Уязвимые семьи. При столкновении с трудностями члены такой семьи не поддерживают друг друга, не желают идти на компромиссы. Они не умеют распределять ответственность и обязанности в семье, никогда не вовлекают всех членов семьи в процесс принятия важных решений;
2. Регенеративные семьи. При столкновении с трудностями члены таких семей поддерживают, мотивируют друг друга на решение проблем, открыто проявляют любовь и заботу друг о друге, имеют семейные правила и ценности. Эти семьи обладают способностью контролировать трудные ситуации, пробовать новые способы их разрешения (Карабанова, 2004; Русина, 1999).

Неодинаковая устойчивость семей к сложностям объясняется по-разному. Чаще всего специалисты говорят об определенном механизме, обеспечивающем достижение успеха, – семейном копинге (Крюкова, Сапоровская, Куфтык, 2005). Он способствует организации различных действий членов семьи, укрепляет внутрисемейное единство и сплоченность, является процессом достижения



Надежда Владимировна Мазурова – доктор психологических наук, профессор кафедры психотерапии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова.
E-mail: mazariny-2@yandex.ru



Татьяна Афанасьевна Подольская – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования.
E-mail: tpodolskaya@list.ru

Для цитирования: Мазурова Н.В., Подольская Т.А. Психолого-педагогическая помощь родителям детей с тяжелыми нарушениями здоровья: основные направления и возможности // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 70-77.

For citation: Mazurova Nadezhda V., Podolskaya Tatyana A. (2016) Psychological pedagogical assistance to parents of children with severe health problems: guidelines and opportunities *National Psychological Journal*, 4, 70-77.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

баланса семейной системы (Pearlin, 1991; Perrez, Reicherts, 1992; Seiffge-Krenke, 1998). Семейный копинг включает:

- Защитные факторы семьи обеспечивают способность семьи сохранять свою целостность и дальнейшее функционирование, несмотря на грозящие трудности. К ним относят условия организации семейной жизни (семейные праздники, степень прочности семьи, заведенный порядок и семейные традиции), общение в семье, управление семейным бюджетом, личностную совместимость членов семьи;
- Факторы восстановления, благодаря которым семья способна устанавливать новые формы жизнедеятельности в ситуации семейного кризиса.

Важное место в механизме семейного копинга занимают семейные ресурсы.

Семейные ресурсы – это особенности семьи, которые позволяют ей легче приспособиться к неблагоприятным условиям. К ним относят: гибкость взаимоотношений между родственниками, среднюю степень четкости в формулировке ролевых ожиданий, сплоченность семьи, открытость в восприятии окружающего мира (Варга, 2001; Эйдемиллер, Юстицкис, 2000).

В настоящее время исследование семейного копинга в отечественной психологии набирает популярность. Интерес для исследователей представляют трудности развития семьи на каждом этапе ее жизненного цикла (Белорукова, 2005; Гущина, 2005; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005; Савина, Смирнова, 2003; Смирнова, Быкова, 2000).

Е.М. Мастюкова и А.Г. Московкина приводят описание нескольких основных стратегий поведения родителей. Семьи с активной ориентацией стараются решить многие проблемы, которые им под силу, и контролировать ситуацию, принимая лишь те обстоятельства, которые в данный момент изменить невозможно. Семьи с фаталистической ориентацией принимают все, что бы ни происходило, как должное. Их стратегией нередко является лишь пассивное принятие события. Такая позиция возникает тогда, когда семьи ограничены в ресурсах и выборе альтернатив своего развития (Мастюкова, Московкина, 2003).

Л.М. Шипицына описывает варианты неконструктивного решения проблем в случае рождения ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Первый путь – поиск виновных. При этом велика опасность формирования негативного мироощущения, которое становится средством моральной защиты, позволяющей оправдать и принять как должное весь спектр негативных ощущений. Второй путь – самообвинение. При этом усиливается самокритика, растет чувство неудовлетворенности собой. Еще одним вариантом поведения родителей является отказ от ребенка. В этом случае прекращение общения с ребенком, его исчезновение связано с известным в психоанализе процессом вытеснения тревожных чувств, аффектов и мыслей (Шипицына, 1997).

Нарушения психологической адаптации семьи больного ребенка можно рассматривать в аспекте посттравматических стрессовых реакций, осложненных так называемым «синдромом дамоклова меча»: источник стресса временно устранен, но не исчез, так как сохраняется вероятность рецидива (Дэвис, 2011). При этом сами родители оценивают свое психологическое состояние как ухудша-

система, обладающая своей структурой, границами, динамикой и реализующая совокупность функций, удовлетворяющих потребность ее членов (Варга, 2001; Эйдемиллер, Юстицкис, 2000). Многочисленные трудности, которые возникают перед семьей и угрожают ее стабильности, можно разделить по силе (сильные и слабые) и длительности воздействия (острые и хронические). Неблагоприятные последствия семейных трудностей могут носить проксимальный (внутренний) и вне-семейный (внешний) характер.

Следовательно, понятие «семья больного ребенка» можно определить таким образом: это нестабильная система, на которую оказывает влияние сильный хронический семейный стрессор, обладающий свойством переменности и порождающий проксимальные (расстройства в супружеской паре, выраженный эмоциональный дискомфорт членов) и внесемейные (ухудшение материального положения, хронические стрессовые отношения с лицами вне семьи) факторы риска. То есть, под влиянием стрессора – «болезнь ребенка» происходят системные изменения в семье, которые дополняют картину изменений социальной ситуации развития больного ребенка.

Нарушения психологической адаптации семьи больного ребенка можно рассматривать в аспекте посттравматических стрессовых реакций, осложненных так называемым «синдромом дамоклова меча»: источник стресса временно устранен, но не исчез, так как сохраняется вероятность рецидива. При этом сами родители оценивают свое психологическое состояние как ухудшающееся, в то время как опасения за жизнь ребенка отходят на второй план

ющееся, в то время как опасения за жизнь ребенка отходят на второй план. Примером может быть семья ребенка с хроническим заболеванием, которое постоянно держит всех в состоянии напряжения. В стадии обострения заболевания родители вновь и вновь переживают чувства беспокойства, разочарования и неуверенности. Наличие и качество социальной поддержки может усилить или смягчить воздействие трудной ситуации.

Существует множество типологий семьи, которые базируются на различных критериях (численность, функции, традиции, количество детей, распределение ролей в семье, стабильность и т.д.). В рамках системного подхода семья – это

Нами предпринята попытка построения системы психологической помощи семье тяжелобольного ребенка. Психологическая помощь – широкая многоуровневая сфера помогающей психологической практики, которая осуществляется в формах психологического консультирования, психологической коррекции и психологического просвещения (Петровский, 2007, С. 204). Как правило, целенаправленной психологической помощи предшествует этап психологической диагностики.

Изучение разных групп семей, воспитывающих больных детей, осуществлялось нами в течение 2006-2012 гг, результаты его представлены в ряде пу-

бликаций (Мазурова, Сурков, Бушуева, 2013). В данной статье мы сосредоточим внимание на системе практической психологической помощи родителям тяжелобольных детей, построенной с учетом индивидуальных особенностей родителей, микросоциальных и макросоциальных факторов, влияющих на социально-психологическую адаптацию семьи.

Психолого-педагогическая поддержка семьи на первом этапе принятия диагноза ребенка

Важными задачами в работе психолога с семьей, имеющей больного ребенка, являются эмоциональная поддержка родителей, помощь в максимально быстром принятии новой социальной ситуации с минимальным риском для семейной системы. От качества работы психолога в этот момент зависит, будут ли родители в дальнейшем обращаться за помощью к специалистам или прибегнут к иным способам снятия напряжения (помощь гадалок, экстрасенсов и т.п.).

Психолог принимает родителей безоценочно, независимо от их проблем, статуса, национальности, системы ценностей и личностных характеристик. Этот момент крайне важен, поскольку в ситуации тяжелой болезни ребенка и невозможности его излечения у родителей снижаются самооценка, самоуважение. Важно, чтобы они понимали, что никто не подозревает их в несостоятельности из-за того, что они имеют больного ребенка

Психологическая поддержка осуществляется в следующих организационных формах: индивидуальное психологическое консультирование и групповые психологические занятия. Индивидуальные консультации проводятся в течение 1–1,5 часов. Курс состоит из трех-шести встреч. Количество встреч и частота их проведения зависит от динамики психологического состояния родителей. В сложных случаях возможны дополнительные 1–2 встречи с психологом. В ходе индивидуального психологического консультирования родителям предоставляется возможность выразить свои отрицательные эмоции, выговориться. Уже после первой беседы с родителями и об их переживаниях наблюдается хороший психотерапевтический результат, удается снизить защитные реакции аф-

фективно-реактивного плана. Психолог помогает родителям выработать новые жизненные цели в связи с изменившейся социальной ситуацией, обучает способам совладания со стрессом.

Самым главным в работе психолога с родителями на всех этапах, а на первом этапе особенно, является проявление безусловного уважения их чувств и эмоций («безусловное позитивное принятие» по К. Роджерсу). То есть, психолог принимает родителей безоценочно, независимо от их проблем, статуса, национальности, системы ценностей и личностных характеристик. Этот момент крайне важен, поскольку в ситуации тяжелой болезни ребенка и невозможности его излечения у родителей снижаются самооценка, самоуважение. Важно, чтобы они понимали, что никто не подозревает их в несостоятельности из-за того, что они имеют больного ребенка. Неправильно приуменьшать проблемы родителей в зависимости от того, насколько серьезна ситуация. Тенденция избегать родителей или делать вид, что все в порядке, является проявлением неуважения к их проблемам. Очень важными характеристи-

ками психолога являются способности реально оценивать свои возможности и искренне сопереживать родителям. Однако, полностью принимая эмоциональное состояние и проблемы родителей, психолог обязан демонстрировать разумный энтузиазм и оптимизм. Энтузиазм притягателен и заразителен, он легко передается родителям и делает их отношения с психологом намного эффективнее.

Групповые занятия проводятся в форме тематических встреч-бесед, в которых кроме «новичков» принимают участие родители больных детей, имеющие значительный стаж воспитания больного ребенка. Продолжительность группового занятия – 1,5 часа. Цель групповых психологических занятий – предоставить родителям возможность почувствовать поддержку от других родителей, тем

самым, предотвратив нарастание отгороженности, замкнутости в своей проблеме. Эти встречи помогают восстановить поврежденные стрессом социальные отношения, получить отклик на свои переживания. Групповые занятия выполняют также функцию «первичного ликбеза» относительно болезни ребенка. Родители в группе делятся информацией об уходе за больным ребенком, о способах лечения, перспективах получения новых лекарственных средств. Эмоциональным центром таких встреч являются родители тяжелобольных детей «со стажем». Для них восхищенные взгляды и высказывания других родителей, их уважение составляют ресурс для дальнейшей работы по преодолению недуга ребенка. Остальные родители получают заряд оптимизма, стойкости, терпения, сравнивая свою проблему с проблемами других родителей.

На этапе сообщения и последующего осознания диагноза ребенка одним из важных направлений в работе психолога является профилактика социального сиротства. Родители, находясь в состоянии отчаяния, крушения личных планов и надежд (особенно это относится к родителям с перфекционистскими установками или эмоциональной неустойчивостью) могут принять необдуманное решение об отказе от ребенка. В этой ситуации психолог должен найти веские доводы и объяснить родителям, что такое решение должно быть хорошо продуманным и взвешенным. Нельзя допустить, чтобы люди совершали столь серьезные поступки в состоянии эмоционального срыва. Желательно убедить родителей не спешить с принятием подобного решения. Наиболее эффективной тактикой здесь является профилактика. С первого момента объявления диагноза, с самого начала психотерапевтического общения с родителями психолог обязан укреплять эмоциональный контакт в диадах мать-ребенок, отец-ребенок и, конечно, в родительской диаде. Постепенное переключение родителей на активную деятельность по уходу за ребенком, участие в его лечении и развитии позволяет минимизировать процент отказа от детей.

Для родителей на втором этапе адаптации к болезни ребенка (ребенок болеет давно, от полугода и более) задачи психолога зависят от степени тяжести забо-

левания ребенка, его возраста, наличия/отсутствия нарушений центральной нервной системы, а также уровня социально-психологической адаптированности родителей.

Психолого-педагогическая помощь родителям безнадежно больного ребенка

В ситуации, когда ребенок болен тяжело и безнадежно, когда семье предстоит пережить горе утраты, встает вопрос об адаптации родителей к предстоящей потере и оказании помощи после смерти ребенка. Особенности процесса адаптации определяются психологическими свойствами человека, уровнем его личностного развития, характеризующегося совершенством механизмов личностной регуляции поведения и деятельности. Критериями адаптированности можно считать не только выживаемость человека и нахождение своего места в социальной структуре, но и общий уровень сохранности личности, способность развиваться в соответствии со своим жизненным потенциалом, субъективное чувство самоуважения и осмысленности жизни. Длительная эмоциональная нагрузка, отсутствие отдыха и восстановления, как правило, заканчиваются истощением физиологических ресурсов регулирования и снижением адаптивных свойств нервной системы. Важное место в вопросах психологической адаптации занимает социальный буфер – это ресурсы и возможности, предоставленные социальным окружением, которые человек использует для приспособления.

Основная задача психологической работы с семьей умирающего ребенка – оказание родителям помощи в рациональном осмыслении и восприятии ситуации, в поиске путей управления ситуацией, в сохранении чувства собственного достоинства своего и ребенка, своих основных жизненных интересов, ценностей, целей и мотивов, а также в построении модели будущего, в планировании разнообразных видов деятельности (духовной, профессиональной, общественной) в соответствии с новыми жизненными обстоятельствами. Необходима также поддержка родителей в обнару-

жении и осознании ими нового смысла жизни.

Эту работу можно проводить индивидуально, со всеми членами семьи одновременно или в группе с другими родителями, имеющими детей с тяжелым неизлечимым заболеванием. Как правило, родители встречаются с психологом 1–2 раза в неделю в течение месяца. В терминальной стадии заболевания количество встреч может быть увеличено, вплоть до ежедневных.

Психологическая поддержка семьи в крайне сложный период заботы о неизлечимо больном малыше позволяет предупредить возможный ее распад, сохранить психологический, личностный и трудовой потенциал родителей, обеспечить ребенка оптимальными социальными условиями жизни.

Поскольку болезнь искажает психологические взаимоотношения ребенка с окружающим миром, отдельное направление деятельности педагога-психолога – создание специальных эмоционально-развивающих условий среды для активизации психологических возможностей и реализации индивидуальных потребностей ребенка.

Критериями адаптированности можно считать не только выживаемость человека и нахождение своего места в социальной структуре, но и общий уровень сохранности личности, способность развиваться в соответствии со своим жизненным потенциалом, субъективное чувство самоуважения и осмысленности жизни

Значительные различия в патогенезе и течении заболевания, уровне психического развития обуславливают необходимость индивидуального подхода к выбору содержания, методов и приемов психолого-педагогической работы. Содержание психолого-педагогической помощи зависит от состояния здоровья, сознания и психической активности детей на момент оказания помощи. Так, психологическая помощь детям с постепенным медленным ухудшением состояния здоровья, ясным сознанием и активной психической деятельностью должна быть направлена на обеспечение социальных условий для удовлетворения их потребности во взаимодействии с окружающей средой, на развитие основных видов их деятельности: общения, предметной, игровой, учебной. В том случае, когда со-

стояние здоровья ребенка стремительно ухудшается, сознание его нарушено, а психическая активность резко снижена, психолог определяет социальные условия для удовлетворения потребности ребенка в эмоциональном и физическом комфорте, восприятии сенсорных стимулов, в ориентировке в окружающем мире.

Психолого-педагогическая помощь родителям с высоким уровнем социально-психологической адаптации

В ходе эмпирического исследования были получены данные о том, что родители с высоким уровнем социально-психологической адаптации отличаются общительностью, имеют большой круг друзей и знакомых, ощущают потребность в общении. Как правило, это самодостаточные люди, уверенные в своих силах, постоянные в своих планах и привязанностях, не поддающиеся случайным колебаниям настроения. Они хорошо осознают требования действительности, имеют большой интерес к жизни и работе. Успехи и неудачи считают ре-

зультатом своих действий, с готовностью строят планы на будущее, уверены в их реализации, несколько прямолинейны, владеют широким спектром копинг-стратегий. Исходя из многолетней практики оказания психологической помощи семьям, можно утверждать, что таким родителям необходимо 1–3 встречи с психологом и дальнейшее динамическое наблюдение со стороны специалиста.

Для родителей детей с тяжелыми заболеваниями основная задача психологической помощи – поддержание высокого уровня социально-психологической адаптации родителей, обучение их способам и приемам развития ребенка, создания для него максимально комфортных условий. Психолог обеспечивает эмоциональную поддержку родителей, укрепляет их веру в собственные силы, помогает

рационально воспринимать возможности лечебно-реабилитационных мероприятий. Важным направлением работы является формирование и развитие у родителей навыков саморегуляции для профилактики эмоционального выгорания. Психолог учит родителей применять специфические виды педагогического воздействия, предупреждающие возникновение у ребенка «социального вывиха», вызванного болезнью, снижающие негативное влияние нарушений здоровья на его психическое развитие, реализующие познавательный потенциал, а также оптимизирующие социальную ситуацию развития.

Для родителей детей с заболеваниями и умеренной тяжести основная задача психологической помощи – поддержание высокого уровня социально-психологической адаптации, сохранение или восстановление нормативных для возраста и уровня развития ребенка детско-родительских отношений, обучение способам и приемам развития ребенка. Психолог знакомит родителей с правилами создания благоприятных условий воспитания ребенка, оказывает им информационную поддержку, предоставляет дополнительные сведения о развитии психического потенциала ребенка, о коррекции существующих и профилактике возможных отклонений его психического развития под влиянием болезни.

Важным моментом в работе с этими семьями является динамический контроль для профилактики и своевременного выявления отклонений в эмоциональном состоянии родителей.

Психолого-педагогическая помощь родителям со средним и низким уровнем социально-психологической адаптации

Родители со средним уровнем социально-психологической адаптации, как правило, общительные, отзывчивые люди, они хорошо понимают чувства других людей, терпимо относятся к их недостаткам. Во взаимодействии с окружающими избегают разногласий и конкуренции. Показатель самоконтроля средний. Представители этой группы в равной степени склонны к проявлению

как ответственности и добросовестности, так и естественности поведения, беспечности. По фактору эмоциональной неустойчивости у родителей этой группы достаточно высокие показатели, что характеризует их как людей, которые не всегда способны справиться с эмоциями и чувствами, с жизненными трудностями. Их поведение во многом обусловлено ситуацией. Большинство родителей чувствуют ответственность за происходящее с ними и их детьми. Этим родителям свойственна положительная переоценка ситуации, субъективный, иногда не вполне реалистичный анализ результатов. Программа психологической помощи таким родителям состоит из 4–6 встреч продолжительностью 1–1,5 часа каждая.

Родители с низким уровнем социально-психологической адаптации, в целом, эмоционально неустойчивы, обладают сниженной самооценкой, обычно замкнуты, предпочитают держать дистанцию в общении, занимают обособленную позицию. Волевые качества проявляют редко, плохо контролируют свои эмоциональные проявления и импульсы, чувствуют себя беспомощными, неспособными справиться с жизненными трудностями. Они тревожны, социально фрустрированы, склонны обвинять судьбу в случившихся несчастьях, не готовы взять на себя ответственность за события, происходящие в семье и межличностных отношениях, не могут осуществлять полноценный контроль своего и чужого здоровья и процесса лечения, дистанцируются от решения проблем. Программа психологической помощи этим родителям состоит из 6–10 встреч продолжительностью 1–1,5 часа каждая.

В группе родителей детей с тяжелыми заболеваниями основная задача психологической помощи – сохранение личностного и трудового потенциала родителей, обеспечение ребенку максимально комфортных условий жизни.

Психолог обеспечивает эмоциональную поддержку родителей, помогает им улучшить эмоциональное состояние, сопровождает в принятии факта болезни, способствует росту их самооценки, помогает рационально воспринимать возможности лечебно-реабилитационных мероприятий, проводит терапию детско-родительских отношений в направлении

наибольшего эмоционального сближения, поиска психологических ресурсов для дальнейшей жизни.

Психолог обучает родителей правилам и приемам создания особых условий воспитания и развития ребенка, применению специфических видов педагогического воздействия, реализации познавательного потенциала ребенка, а также оптимизации социальной ситуации развития.

При работе психолога с группой родителей, воспитывающих детей с заболеваниями умеренной тяжести главная задача – восстановить нормативные для возраста и уровня развития ребенка детско-родительские отношения, на которые оказал серьезное влияние стресс. Для этого рекомендуется: снижение уровня тревоги родителей для предотвращения индуцированных состояний у ребенка, рациональная терапия для осознания реальных возможностей ребенка, восприятия его, как здорового, демонстрация возможностей ребенка для предотвращения искусственной инвалидизации, семейная терапия для коррекции ранее существовавших проблем, которые неблагоприятно отражаются на личностном развитии ребенка.

Психолого-педагогическая помощь родителям, воспитывающим детей с патологией центральной нервной системы

При работе с этой группой родителей главными задачами являются: сохранение их личностного и трудового потенциала, создание социальной среды, отвечающей потребностям ребенка, обучение родителей способам развития ребенка. При решении первой задачи осуществляется эмоциональная поддержка родителей, ознакомление с эффективными моделями взаимодействия с ребенком, правильными родительскими позициями, помощь в установлении гармоничных отношений родителей с ребенком и внешним миром, содействие в организации круга общения для ребенка, поиск психологических ресурсов для дальнейшей жизни родителей. При решении второй задачи проводится демонстрация возможностей ребенка, ор-

ганизуется знакомство с эффективными педагогическими приемами развития его познавательного потенциала, оказывается помощь в выработке активной родительской позиции.

Программа работы с семьей ребенка с патологией ЦНС состоит в среднем из 10–12 встреч со специалистами педагогического и психологического профиля. Психолого-педагогическая помощь семье в процессе лечения такого ребенка представляет собой программу развития личности путем создания специальных условий среды, использования особых методов и приемов воздействия на процесс психического развития ребенка и на систему социальных отношений, т.е.

семью. Педагог и психолог объединяют различные специфические методики педагогической и психологической помощи для создания специальных условий обучения и воспитания ребенка, для комплексной стимуляции его чувственной и познавательной сфер, активизация и взаимодействие которых позволит ребенку сформировать новые, более сложные способы познания и перейти на более совершенные социальные взаимоотношения с окружающей средой.

Работа с родителями включает в себя следующие организационные формы: лекции, консультации, совместные занятия с ребенком, в ходе которых у родителей формируются навыки наиболее

эффективных форм общения и взаимодействия с ребенком, а также обучение родителей отдельным психолого-педагогическим приемам, стимулирующим активность ребенка в повседневной жизни, повышающим степень социальной адаптации.

Практика внедрения представленных направлений системы психологической помощи родителям больных детей позволяет говорить об эффективности избранного пути. Нам удалось добиться значимых позитивных изменений по показателям эмоционального напряжения родителей, уровня социально-психологической адаптации, а также качеству родительского отношения к детям.

Литература:

- Белорукова Н.О. Специфика совладающего с трудностями поведения у супругов на разных этапах жизненного цикла семьи // Психология и практика: сборник научных статей / под ред. Т.Л. Крюковой, С.А. Хазовой. – Кострома : Изд-во Костромской РЦОИ «Эксперт-ЕГЭ», 2005. – С. 93-100.
- Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. – Санкт-Петербург : Речь, 2001. – 144 с.
- Гущина Т.В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2005.
- Дэвис Х. Как помочь семье, в которой серьезно болен ребенок: взгляд психолога / пер. с англ. О.Н. Хрущовой. – Москва : Этерна, 2011. – 224 с.
- Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперпекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – №2 – С. 51-62.
- Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 79-87. DOI: 10.11621/npj.2015.0109
- Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76-96.
- Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. – Москва : Гардарики, 2004. – 320 с.
- Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – Санкт-Петербург : Речь, 2005. – 240 с.
- Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2010. – № 6(14). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://psystudy.ru>
- Мазурова Н.В. Модель психологической помощи родителям длительно болеющих детей // Российский педиатрический журнал. – 2014. – № 1. – С. 35-40.
- Мазурова Н.В. Особенности адаптации родителей к болезни ребенка // Российский педиатрический журнал. – 2013. – № 5. – С. 50-56.
- Мазурова Н.В. Сурков А.Н., Бушуева Т.В. Адаптация к заболеванию и процессу лечения детей с редкими наследственными болезнями обмена веществ и их родителей // Актуальные проблемы психологического знания. – 2013. – № 2 (27). – С. 107-116.
- Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. В.И. Селиверстова. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 408 с.
- Михайлова Н.Ф. Систематическое исследование индивидуального и семейного стресса и копинга у членов семей здоровых лиц : автореферат дисс. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 1998.
- Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / под общ. ред. А.В. Петровского. – Москва : ПЕР СЭ, 2007.
- Русина И.А. Психологические защиты и механизмы совладания: отличия, проявления в психотерапевтической практике, эффективность // Ярославский психологический вестник. – Вып. 1. – Москва ; Ярославль: РПО-ЯрГУ, 1999. – С. 157-173.
- Серых А.Б., А.А. Лифинцева Влияние факторов, связанных с особенностями родителей, на эффективность психотерапии детей и подростков // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 91-96. DOI: 10.11621/npj.2014.0211
- Смирнова Е.О., Быкова М.В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. – 2000. – № 3. – С. 3-14.
- Смирнова Е.Р. Семья нетипичного ребенка: социокультурные аспекты. – Саратов: Изд-во СГУ, 1996. – 192 с.

Ткачева В.В. Психологическая помощь семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1999.

Шипицына Л.М. Старое и новое: социальная защита в России. – Санкт-Петербург, 1997. – 43 с.

Харьковский А.Н. Представления детей о болезни и их опосредующая роль в терапевтической работе с болеющими детьми. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 105-117. DOI: 10.11621/npj.2015.0311

Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 656 с.

Pearlin L.I. The Study of Coping: An Overview of Problems and Directions /The Social Context of Coping. – N.Y. : Plenum Press, 1991. – P. 261-276.

Perrez M., Reicherts M. Stress, coping, and health. A Situation-behavior approach. Theory, methods, applications. – N.Y., 1992.

Seiffge-Krenke I. Social skill and coping style as risk and protective factors // Adolescents' health: a developmental perspective. – 1998. – pp. 125-150. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

References:

- Belorukova, N.O. (2005) The specifics of coping with difficulties in married couples at different stages of family life cycle. *Psychology and practice: collection of scientific articles [Psikhologiya i praktika: sbornik nauchnykh statey]*. Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskoy RTsOI «Eksper-EGE, 93-100.
- Eidemiller, E.G., & Yustitskis, V. (2000) Psychology and Psychotherapy of the family. St. Petersburg, Piter, 656.
- Gushina, T.V. (2005) Protective and coping behaviour in a dysfunctional family in crisis: Ph.D. in Psychology, Thesis. Kostroma.
- Davis H. (2011) How to help a family with a seriously ill child: a psychological view. Moscow, Eterna, 224.
- Kapustin, S. A. (2015) The use of existential criterion for assessing the personality of the overprotecting and overexacting parents in families of psychological consultation clients for parent-child problems. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]* 14. Psychology, 2 – с. 51-62.
- Kapustin S.A. (2015). Personal features of children in client families who receive psychological advice. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 79–87. DOI: 10.11621/npj.2015.0109
- Kapustin, S. A. (2014) Styles of parenting in families of psychological consultation clients for parent-child problems. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 4, 76-90.
- Karabanova, O.A. (2004) Family psychology and basics of family counseling: manual. Moscow, Gardariki, 320.
- Kharkovskiy A.N. (2015) Representations of children about the disease and its mediating role in the therapeutic work with ill children. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 3 (19), 105-117. DOI: 10.11621 / npj.2015.0311
- Kharkovskiy A.N. (2015) Disease representation in children and its mediating role in the therapeutic work with patient children. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 3, 105-116. DOI: 10.11621 / npj.2015.0311
- Kryukov, T.L., Saporovskaya, M.V., & Kuftyak, E.V. (2005) Family Life: life's difficulties and coping with them. St. Petersburg, Rech', 240.
- Kuftyak, E.V. (2010) Research on family stability when exposed to difficulties. *Psychological research: an electronic scientific journal [Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal]*. 6 (14). -Electronic resource. – Mode of Access: <http://psystudy.ru>
- Mazurova, N.V. (2014) Model of psychological support to parents of children suffering from long. *Russian Journal of Pediatrics [Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal]*. 1, 35-40.
- Mazurova, N.V. (2013) Features parents adapt to a child's illness. *Russian Journal of Pediatrics [Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal]*. 5, 50-56.
- Mazurova, N.V., Surkov, A.N., & Bushueva, T.V. (2013) Adapting to the disease process and treatment of children with rare hereditary metabolic diseases and their parents. *Actual problems of psychological knowledge [Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya]*. 2 (27), 107-116.
- Mastyukova, E.M., & Moskovkina, A.G. (2003) Family education of children with disabilities in development: Textbook. Moscow, VLADOS, 408.
- Mikhailova, N.F. (1998) A systematic study of individual and family stress and coping among family members of healthy individuals: Ph.D. in psychology. Thesis. St. Petersburg.
- (Ed.) Petrovsky, A.V. (2007) Psychological Dictionary. Moscow, PER SE.
- Pearlin, L.I. (1991) The Study of Coping: An Overview of Problems and Directions. *The Social Context of Coping*. N.Y. Plenum Press, 261-276.
- Perrez, M., & Reicherts, M. (1992) Stress, coping, and health. A Situation-behavior approach. *Theory, methods, applications*. N.Y.
- Rodrigues, T.F. (2014). Meaning in couples relationships. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(3), 126-135. doi: 10.11621/npj.2014.0311
- Rusin, I.A. (1999) Psychological protection and coping mechanisms: differences in the manifestation of psychotherapeutic practice, the effectiveness. *Yaroslavskiy Psychological Bulletin [Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik]*. Vol. 1. Moscow, Yaroslavl', RPO- YarGU, 157-173.
- Serykh A.B., & Lifintseva A.A. (2014). The influence of factors related to parent features on the children and adolescents psychotherapy efficacy. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 90–96. DOI: 10.11621/npj.2014.0211
- Smirnova, E.O., & Bykova, M.V. (2000) Previous studies of the structure and dynamics of parent relations. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 3, 3-14.
- Smirnova, E.R. (1996) Family atypical child: socio-cultural aspects. Saratov, Izdatel'stvo SGU, 192.
- Tkachev, V.V. (1999) Psychological assistance to families with children with developmental disabilities: Ph.D. in psychology, Thesis. Moscow.
- Seiffge-Krenke, I. (1998) Social skill and coping style as risk and protective factors. *Adolescents' health: a developmental perspective*. 125-150. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates.
- Shipitsyna, L.M. (1997) The old and the new: social protection in Russia. St. Petersburg, 43.
- Varga, A.Ya. (2001) Systemic family therapy. St. Petersburg, Rech', 144.

Динамика трудовой мотивации до и после трудоустройства

Е.А. Стрижова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 20 января 2016/ Принята к публикации: 16 февраля 2016

Dynamics of motivation before and after job placement

Ekaterina A. Strizhova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received: January 20, 2016 / Accepted for publication: February 16, 2016

В статье представлены результаты исследования некоторых аспектов динамики трудовой мотивации у испытуемых, принятых на работу на испытательный срок в организации финансового сектора. Исследовано влияние мотивационного объекта «Деньги» на мотивационное пространство до и после трудоустройства, предпринята попытка операционализации ситуационной и временной стабильности трудовой мотивации. Исследование проведено с помощью авторской методики «Мотивационная карта», основанной на методологии мотивационной задачи (Стрижова, 2013). Под мотивационной задачей понимается средство для последовательной рефлексии человеком актуального поля мотивационных объектов и последующей реконструкции на этой основе его индивидуального мотивационного пространства.

Проведенное исследование подтвердило предположение о том, что в ситуации приема на работу материальная стимуляция оказывает значимое влияние на большее число параметров мотивационного пространства по сравнению с ситуацией включенности человека в трудовую деятельность. Были выделены параметры мотивационного пространства, на которые мотивационный объект «Деньги» оказывает влияние как до, так и после трудоустройства. Ситуационная стабильность трудовой мотивации оценивалась с помощью показателей корреляции между координатами 15 мотивационных объектов, полученными на двух этапах решения мотивационной задачи. Первый этап – оценка мотивационных объектов в графическом пространстве оценочных шкал. Второй этап – размещение мотивационного объекта «Деньги» среди уже оцененных мотивационных объектов и их переоценка. Временная стабильность оценивалась с помощью корреляции между аналогичными показателями мотивационного пространства до и после трудоустройства. На основе полученных данных можно сформулировать предположение о том, что ситуационная и временная стабильность мотивации могут выступать факторами индивидуальных различий испытуемых.

Ключевые слова: трудовая мотивация, стабильность мотивации, мотивационная карта.

The paper presents results of the study focused on the work motivation dynamics. Participants were candidates for the job, accepted on probation period in finance company. The influence of the “Money” motivation object on the motivational space before and after job placement, an attempt to operationalize situational and temporal stability of work motivation are presented. The study was conducted using method of “Motivational map”, based on the motivational task procedure (Strizhova, Gusev, 2013). Motivational task is a tool for consistent reflection of the field of motivational objects allowing further reconstruction of individual motivational space. The material stimulation is confirmed to have a significant impact on more parameters of motivational space before job placement than after job placement. Situational stability of work motivation was assessed by correlation between coordinates of 15 motivational objects obtained in the two steps of motivational task. At the first step participant assessed 15 motivational objects in the graphic space of evaluation scales. At the second step participant placed motivational object “Money” among already evaluated 15 motivational objects, which could be reevaluated after it. Temporal stability was assessed by correlations between the same parameters of motivational space before and after job placement.

The research results helped to assume that situational and temporal stability of motivation could be the factors of individual differences.

Key words: work motivation, motivation dynamics, motivation map.

Трудовая мотивация

Необходимо отметить, что понимание мотивации в психологии и в науке управления различно. Вместе с тем, в организационную психологию пришли подходы к пониманию трудовой мотивации, разработанные в менеджменте. Анализируя работы по менеджменту, можно отметить неоднородность понимания базовых терминов. Так, например, в учебном пособии по теориям мотивации для менеджеров В.В. Петров, очевидно вслед за М. Месконом, определяет мотивацию как создание определенной системы условий, воздействующей на трудовое поведение человека так, чтобы он работал с большей отдачей. Далее, говоря о мотивах, он отмечает существование внешних и внутренних мотивов и пишет, что мотив – это внутренний стимул.

Если психология исходит преимущественно из позиции личности, субъекта трудовой деятельности, то менеджмент – из позиции управленца, субъекта управления, и мотивация там рассматривается в основном как стимуляция, т.е. как способ побуждения работника работать с максимальной отдачей и максимально эффективно

Если психология исходит преимущественно из позиции личности, субъекта трудовой деятельности, то менеджмент – из позиции управленца, субъекта управления, и мотивация там рассматривается в основном как стимуляция, т.е. как

Например, в работе В.П. Сладкевича «Мотивационный менеджмент» трудовая мотивация понимается как внутренняя мотивация, связанная с движущими силами поведения, относящимися к работе как таковой (Сладкевич, 2001).

М. Мескон с соавторами определяют трудовую мотивацию как процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации (Мескон, 1999). В.А. Шаховой и С.А. Шапиро определяют мотивацию трудовой деятельности как процесс удовлетворения работниками своих потребностей и ожиданий в выбранной ими работе, осуществляемый в результате реализации их целей, согласованных с целями и задачами предприятия и, одновременно с этим, как комплекс мер, применяемых субъектом управления для повышения эффективности труда работ-

ников. Далее авторы подчеркивают, что в данном ими определении сочетаются мотивация и стимулирование, трактуемые как тождественные понятия. Вслед за М.И. Еникеевым, ряд авторов считают мотив осознанным побуждением к до-

Психологический взгляд на проблему мотивации гораздо глубже, он позволяет акцентировать индивидуальные особенности человека, направляющие его поведение, контролировать декларируемые им социально желательные стремления

способ побуждения работника работать с максимальной отдачей и максимально эффективно (Шаховой, 2006). Однако в менеджменте существуют и близкие к психологии взгляды на мотивацию.

стижению конкретной цели, которую индивид воспринимает как личную необходимость (Шаховой, 2006).

При этом трудовой мотив, с точки зрения авторов, – это непосредственное

побуждение работника к деятельности (работе), связанное с удовлетворением его потребностей. Мотив труда формируется у личности только тогда, когда работа представляет собой основной источник материального благосостояния. Мотив труда обладает силой, определяемой актуальностью для работника той или иной потребности (состояние нужды, которую работник испытывает по отношению к предметам, необходимым для его существования).

Таким образом, трудовая мотивация в науке управления – это двунаправленный процесс, который уравнивает и интересы работника, и интересы организации. Американский экономист Дж.К. Гэлбрейт выделяет четыре основных вида мотивов деятельности личности, благодаря которым, человек может отказаться от своих личных интересов ради получения совместного результата: принуждение, денежное вознаграждение, солидарность с целями организации и приспособление целей организации к своим целям (Гэлбрейт, 2008).

Принципиальное различие понимания мотива и потребности в деятельностном подходе, развиваемом отечественной психологией, и в менеджменте заключается в том, что в менеджменте декларируется осознанность мотива. Понимание тождества мотива и стимула в менеджменте близко к бихевиоральному подходу. Понимание предмета, необходимого человеку, как стимула к трудовой деятельности в менеджменте достаточно близко к пониманию мотива как предмета потребности в деятельностном подходе в психологии, а также к пониманию предметов окружающего мира как обладающих определенной валентностью для человека в школе К. Левина. Психологический взгляд на проблему мотивации гораздо глубже, он позволяет акцентировать индивидуальные особенности человека, направляющие его поведение, контролировать декларируемые им социально желательные стремления.

Изучение вопросов побуждения к трудовой деятельности имеет долгую историю. Как утверждают В.А. Шаховой и С.А. Шапиро, в управлении с древних времен использовалась политика кнута и пряника. Научное подтверждение эффективности применения этого прави-



Екатерина Андреевна Стрижова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: estrizhova@hse.ru

Для цитирования: Стрижова Е.А. Динамика трудовой мотивации до и после трудоустройства // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 78-87.

For citation: Strizhova Ekaterina A. (2016). Dynamics of motivation before and after job placement. *National Psychological Journal*, 4, 78-87.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

ла появилось в последней четверти XVIII века в трудах А. Смита, появившихся в период развития капитализма и экономической мысли. Автором реформаторских идей в области мотивации работников был английский фабрикант Р. Оуэн (1771–1858). В XIX веке базисом для любых размышлений о мотивации к работе служила теория «экономического человека», который ведет торговлю на наиболее выгодном для себя рынке и продает свою труд по более выгодной для себя цене. В XX столетии акцент в теории управления смещается на неэкономические факторы и методы мотивирования работников. Растет научный интерес к управлению организацией. В рамках менеджмента разрабатываются принципы научного управления (Ф. Тейлор, Ф. Гилбретт и Л. Гилбретт, Г. Эмерсон, А. Файоля). В начале и середине XX века значительное внимание уделяется человеческим отношениям (Г. Мюнстенберг, П. Фоллет, Э. Мэйо).

В литературе по менеджменту и организационной психологии принято, вслед за М. Месконом с соавторами, различать содержательные и процессуальные теории мотивации (Pinder, 2008; Мескон, 1992; Шаховой, 2006; Занковский, 2002). Необходимо отметить, что в менеджменте достаточно широко используются теории мотивации, разработанные в психологии.

В отечественной психологии представление о мотивации трудовой деятельности разрабатывалось в рамках психологии труда и психологии профессии. Среди отечественных психологов, внесших значительный вклад в развитие представлений о трудовой мотивации, можно отметить В.Г. Асеева, Т.О. Гордееву, Е.П. Ильина, Иванникова, А.В. Карпова, Е.А. Климова, А.Н. Леонтьева, В.Н. Маркина, А.К. Маркову, С.Л. Рубинштейна, В.А. Толочка, В.Д. Шадрикова и др.

Принципиальное понимание потребности в работах по менеджменту и психологии созвучно идеям К. Левина и А.Н. Леонтьева, которые впоследствии были аккумулированы Ж. Нюттеном в его представлениях о поведении и «отношенческой» модели мотивации. Он говорит о мотиве как конкретном проявлении потребности – объекте, кото-

рый побуждает субъекта (Нюттен, 2004; Nuttin, 1985). Однако, в отличие от деятельностного подхода, теория Ж. Нюттена сфокусирована на осознанной мотивации. Важную роль каждый из авторов уделяет активности человека и обозначает ее при помощи категории деятельности (Леонтьев, 2004; Носкова, 2014; Иванников, 2014) или поведения (Левин, 2001; Нюттен, 2004). Согласно деятельностному подходу, отличием одной деятельности от другой является различие их предметов, т.е. мотивов, поэтому любая деятельность, в том числе и трудовая, связана со специфической мотивацией.

Представленное ниже исследование посвящено изучению особенностей некоторых аспектов динамики мотивации трудовой деятельности.

Исследование состояло из 2 этапов: теста и ретеста. Время проведения ретеста соответствовало окончанию периода испытательного срока у сотрудника.

Выборка.

Участниками основной серии исследования выступили кандидаты на работу в компании финансового сектора в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст 29 лет). Из них 87 женщин, 29 мужчин. Всего – 116 человек.

Методы сбора эмпирических данных.

1. Методика трудовой мотивации (ТМ) И.Г. Кокуриной. Шкалы: Комфорт (деньги), Общение (деньги), Лидерство (деньги), Достижение (деньги), Принадлежность организации (деньги), Комфорт (коллектив), Общение (коллектив), Лидерство (коллектив), Достижение (коллектив), Принадлежность организации (коллектив), Комфорт (труд), Общение (труд), Лидерство (труд), Достижение (труд), Принадлежность организации (труд).
2. Тест индивидуальной Мотивации (ТИМ), разработанный лабораторией «Гуманитарные технологии». Шкалы: Мотивация достижения, Внешняя мотивация, Интерес и Позна-

ние, Безопасность и Определенность, Здоровье и Комфорт, Творчество и Независимость, Деньги и Карьера, Общение, Преодоление трудностей, Престиж.

3. Опросник «Власть. Достижение. Аффiliation» (ВДА) А. Мехрабиана (в адаптации С.А. Шапкина). Шкалы: MD – мотив достижения, MA – мотив аффiliation, SO – чувствительность к отвержению, ML – лидерство, MS – статус, IO – интернальность, K_VDA – социальная желательность.
4. Методика «Мотивационная карта» (Стрижова, 2013). Методика предполагает три этапа. Первый – оценка 15 мотивационных объектов в графическом пространстве 6 оценочных шкал, согласно процедуре мотивационной задачи, обозначенной в инструкции компьютерной программы. Второй – расположение мотивационного объекта «Деньги» в уже сформированном графическом пространстве. Третий – переоценка уже расположенных мотивационных объектов (если испытуемый считает это необходимым).

Процедура исследования.

Процедура проведения обоих этапов исследования – теста и ретеста предполагает индивидуальную работу экспериментатора с каждым испытуемым и включает идентичную последовательность операций в каждом опыте. Время работы с одним испытуемым составляет в среднем 2 часа.

Этап первый: диагностика трудовой мотивации при помощи стандартных методик. На этом этапе экспериментатор ознакомился с испытуемым, объяснял ему содержание работы, способы фиксации ответов, убеждался в понимании испытуемым его задачи и предлагал заполнить бланки методик.

Этап второй: ознакомление испытуемого с инструкцией по работе с компьютерной программой методики «Мотивационная карта» и работа с методикой на экране компьютера.

Период между проведением теста и ретеста составлял три месяца и соответствовал периоду испытательного срока работника.

Результаты

Влияние мотивационного объекта «Деньги» на мотивационное пространство до и после трудоустройства

Мы предположили, что в ситуации приема на работу материальная стимуляция оказывает значимое влияние на большее число параметров мотивационного пространства, по сравнению с си-

туацией включенности человека в трудовую деятельность. Поэтому нами была проведена процедура оценки связанных выборок испытуемых, принявших участие в основной серии и в ретесте

по параметрам: координаты мотивационных объектов до расположения объекта «Деньги» и координаты мотивационных объектов после расположения объекта «Деньги». С целью выявления

по параметрам: координаты мотивационных объектов до расположения объекта «Деньги» и координаты мотивационных объектов после расположения объекта «Деньги». С целью выявления

Таблица 1. Результаты оценки влияния высокоприоритетного мотивационного объекта «Деньги» на параметры координат нематериальных мотивационных объектов по оценочным шкалам (рассчитанные с учетом нормальности распределения параметра), представленные для двух серий исследования.

Переменные: координаты мотивационных объектов по оценочным шкалам		t-критерий Стьюдента для связанных выборок	Знач. t критерия (2-сторонняя)	Критерий Уилкоксона	Знач. критерия Уилкоксона	Знач. критерия Колмогорова-Смирнова (тест)	Знач. критерия Колмогорова-Смирнова (ретест)
Оценочная шкала	Мотивационный объект						
Результаты теста							
Важность*	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	x	x	-2,143	0,032	0,004	0,009
Важность	Карьерный рост	2,266	0,027	x	x	0,066	0,257
Важность	Избежать конфликтных ситуаций	2,288	0,025	x	x	0,165	0,432
Важность	Благополучие семьи	x	x	-2,434	0,015	0,001	0,009
Важность	Профессиональное и личное развитие	x	x	-2,563	0,010	0,057	0,029
Вероятн. успеха	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	x	x	-4,665	0,000	0,274	0,013
Вероятн. успеха	Карьерный рост	4,089	0,000	x	x	0,373	0,132
Вероятн. успеха	Интересная работа, где я могу реализовать себя	3,583	0,001	x	x	0,547	0,105
Вероятн. успеха	Быть полезным людям	2,333	0,023	x	x	0,317	0,181
Вероятн. успеха	Результат работы	x	x	-2,290	0,022	0,022	0,065
Вероятн. успеха	Избежать конфликтных ситуаций	3,658	0,000	x	x	0,185	0,179
Вероятн. успеха	Организация и оптимизация работы	2,69	0,009	x	x	0,264	0,127
Вероятн. успеха	Признание моих заслуг	2,582	0,012	x	x	0,508	0,201
Вероятн. успеха	Удовольствие и вдохновение от работы	2,75	0,008	x	x	0,134	0,158
Вероятн. успеха	Профессиональное и личное развитие	3,365	0,001	x	x	0,173	0,086
Вероятн. успеха	Уважение коллег	2,114	0,038	x	x	0,235	0,130
Трудность	Избежать конфликтных ситуаций	-2,571	0,012	x	x	0,045	0,067
Трудность	Организация и оптимизация работы	-2,289	0,025	x	x	0,710	0,450
Причина	Увольнение	2,062	0,043	x	x	0,152	0,067
Причина	Благополучие семьи	-2,035	0,046	x	x	0,831	0,784
Результаты ретеста							
Важность	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	x	x	-0,845	0,398	0,003	0,005
Важность	Карьерный рост	x	x	-0,585	0,559	0,015	0,024
Важность	Быть полезным людям	-1,859	0,067	x	x	0,620	0,606
Вероятн. успеха	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	2,415	0,018	x	x	0,252	0,065
Вероятн. успеха	Карьерный рост	1,964	0,053	x	x	0,191	0,120
Вероятн. успеха	Признание моих заслуг	1,694	0,095	x	x	0,776	0,760
Усилие	Интересная работа, где я могу реализовать себя	1,851	0,068	x	x	0,242	0,201
Усилие	Удовольствие и вдохновение от работы	2,862	0,006	x	x	0,796	0,747
Усилие	Профессиональное и личное развитие	1,886	0,063	x	x	0,369	0,545
Причина	Благополучие семьи	-1,777	0,080	x	x	0,122	0,282

*Курсивом обозначены переменные, совпадающие для обеих серий исследования

Для цитирования: Стрижова Е.А. Динамика трудовой мотивации до и после трудоустройства // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 78-87.

For citation: Strizhova Ekaterina A. (2016). Dynamics of motivation before and after job placement. National Psychological Journal, 4, 78-87.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

Table 1. Results of the effect of high-priority evaluation of the motivation object «Money» on the parameters of intangible motivation objects scale score (based on normal distribution option), presented to the two series of studies.

Variables: motivational coordinates of objects on the rating scales		Student's T-test for paired samples	T-Value test (2-sided)	Wilcoxon Value	Wilcoxon Value	Kolmogorov-Smirnov Value test	Kolmogorov-Smirnov Value retest
Evaluation Scale	Motivation Object						
Test Results							
<i>Importance*</i>	<i>Stability, confidence in the future</i>	x	x	-2.143	0.032	0.004	0.009
<i>Importance</i>	<i>Career</i>	2.266	0.027	x	x	0.066	0.257
<i>Importance</i>	Avoiding conflict situations	2.288	0.025	x	x	0.165	0.432
<i>Importance</i>	Family well-being	x	x	-2.434	0.015	0.001	0.009
<i>Importance</i>	Professional and personal development	x	x	-2.563	0.010	0.057	0.029
<i>Success probability</i>	<i>Stability, confidence in the future</i>	x	x	-4.665	0.000	0.274	0.013
<i>Success probability</i>	<i>Career</i>	4.089	0.000	x	x	0.373	0.132
<i>Success probability</i>	Interesting job, where I can actualize myself	3.583	0.001	x	x	0.547	0.105
<i>Success probability</i>	Being useful to people	2.333	0.023	x	x	0.317	0.181
<i>Success probability</i>	Work results	x	x	-2.290	0.022	0.022	0.065
<i>Success probability</i>	Avoiding conflict situations	3.658	0.000	x	x	0.185	0.179
<i>Success probability</i>	Organizing and optimizing work	2.69	0.009	x	x	0.264	0.127
<i>Success probability</i>	<i>Recognizing my achievements</i>	2.582	0.012	x	x	0.508	0.201
<i>Success probability</i>	Being inspired and satisfied by work	2.75	0.008	x	x	0.134	0.158
<i>Success probability</i>	Professional and personal development	3.365	0.001	x	x	0.173	0.086
<i>Success probability</i>	Respect of colleagues	2.114	0.038	x	x	0.235	0.130
<i>Трудность</i>	Avoiding conflict situations	-2.571	0.012	x	x	0.045	0.067
<i>Трудность</i>	Organizing and optimizing work	-2.289	0.025	x	x	0.710	0.450
<i>Cause</i>	Job dismissal	2.062	0.043	x	x	0.152	0.067
<i>Cause</i>	<i>Family well-being</i>	-2.035	0.046	x	x	0.831	0.784
Retest Results							
<i>Importance</i>	<i>Stability, confidence in the future</i>	x	x	-0.845	0.398	0.003	0.005
<i>Importance</i>	<i>Career</i>	x	x	-0.585	0.559	0.015	0.024
<i>Importance</i>	Being useful to people	-1.859	0.067	x	x	0.620	0.606
<i>Success probability</i>	<i>Stability, confidence in the future</i>	2.415	0.018	x	x	0.252	0.065
<i>Success probability</i>	<i>Career</i>	1.964	0.053	x	x	0.191	0.120
<i>Success probability</i>	<i>Recognizing my achievements</i>	1.694	0.095	x	x	0.776	0.760
<i>Efforts</i>	<i>Interesting job, where I can actualize myself</i>	1.851	0.068	x	x	0.242	0.201
<i>Efforts</i>	Being inspired and satisfied by work	2.862	0.006	x	x	0.796	0.747
<i>Efforts</i>	Professional and personal development	1.886	0.063	x	x	0.369	0.545
<i>Cause</i>	<i>Family well-being</i>	-1.777	0.080	x	x	0.122	0.282

* *Italic denotes variables, matching both series of the study*

критерия, который будет применяться для сравнения этих связанных выборок, был проведен анализ нормальности распределения. Основываясь на нем, осуществлялась оценка влияния мотивационного объекта «Деньги» при помощи t критерия Стьюдента для связанных выборок (если распределение по параметру являлось нормальным) или при помощи критерия Уилкоксона (если распределение по параметру не являлось нормальным).

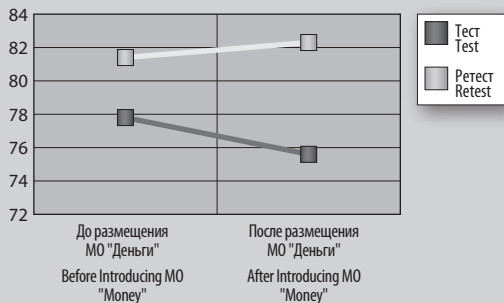
Полученные результаты представлены в таблице 1, в которую включены параметры (координаты мотивационных объектов по оценочным шкалам), на которые оказывает значимое влияние высокоприоритетный объект «Деньги», критерии оценки и значимости его влияния, а также показана значимость критерия Колмогорова-Смирнова, отражающая результат проверки нормальности распределения по параметру и обосновывающая выбор крите-

рия оценки значимости влияния объекта «Деньги».

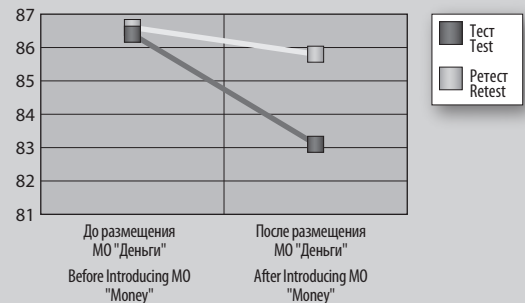
При этом нами были сопоставлены результаты оценки значимого влияния мотивационного объекта «Деньги» на совпадающие в тесте и ретесте переменные (см. рисунок 1).

Учитывая полученные в тесте и ретесте совпадающие переменные для оценки влияния фактора времени на изменение испытуемыми координат мотивационных объектов после расположения высо-

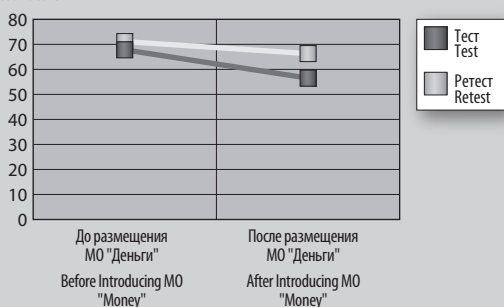
Оцененные маргинальные средние:
 координаты МО "Карьерный рост" по шкале "Важность"
 Estimated marginal means:
 MO coordinates "Career" on the "Importance" scale



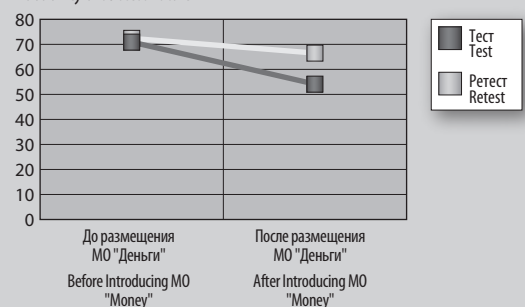
Оцененные маргинальные средние: координаты МО "Стабильность, уверенность в завтрашнем дне" по шкале "Важность"
 Estimated marginal means: MO coordinates of "Stability, confidence in the future" on the scale of "Importance"



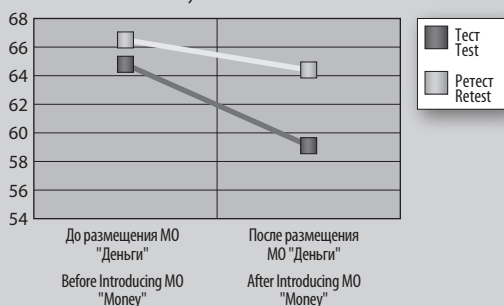
Оцененные маргинальные средние: координаты МО "Карьерный рост" по шкале "Вероятность успеха"
 Estimated marginal means: MO coordinates "Career" on the "Probability of success" scale



Оцененные маргинальные средние: координаты МО "Стабильность, уверенность в завтрашнем дне" по шкале "Вероятность успеха"
 Estimated marginal means: MO coordinates of "Stability, confidence in the future" on the "Probability of success" scale



Оцененные маргинальные средние: координаты МО "Признание моих заслуг" по шкале "Вероятность успеха"
 Estimated marginal means: MO coordinates of "Recognition of my achievements" on the "Probability of success" scale



Оцененные маргинальные средние: координаты МО "Благополучие семьи" по шкале "Причина: внешняя/внутренняя"
 Estimated marginal means: MO coordinates of "Family well-being" on the "Cause: internal/external" scale

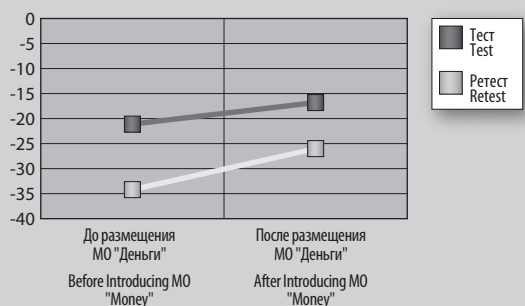


Рис. 1 Влияние мотивационного объекта «Деньги» на координаты мотивационных объектов с учетом фактора времени (тест, ретест).

Сокращения: МО – мотивационный объект

Fig. 1 Effect of motivation object 'Money' on the coordinates of the motivation objects considering the time factor (test/retest).

Abbreviations: MO - motivational object.

коприоритетного мотивационного объекта «Деньги» (в случаях, где его влияние оказалось значимым), был проведен дисперсионный анализ.

В результате данного анализа было выявлено значимое влияние фактора ретеста (т.е. фактора времени) на координаты мотивационных объектов после расположения испытуемым объекта «Деньги»: «Карьерный рост» по шкале важность ($F=4.872$, $знач.=0.029$), «Стабильность, уверенность в завтраш-

нем дне» по шкале вероятность успеха ($F=6.616$; $знач.=0.011$), «Карьерный рост» по шкале вероятность успеха ($F=6.592$, $знач.=0.011$). Это влияние фактора времени отражено на рис. 1.

Анализируя данные, полученные при вычислении t-критерий Стьюдента и критерия Уилкоксона, можно отметить, что высокоприоритетный мотивационный объект «Деньги» оказывает влияние на координаты мотивационных объектов в пространстве оценочных

шкал. При этом, если сравнивать результаты влияния в рамках теста и ретеста, то можно обнаружить, что в первом случае объект «Деньги» влияет на 20 параметров, а во втором – на 10 параметров. Это может свидетельствовать о том, что в ситуации приема на работу материальная стимуляция оказывает значимое влияние на большее число параметров мотивационного пространства, по сравнению с ситуацией включенности человека в трудовую деятельность,

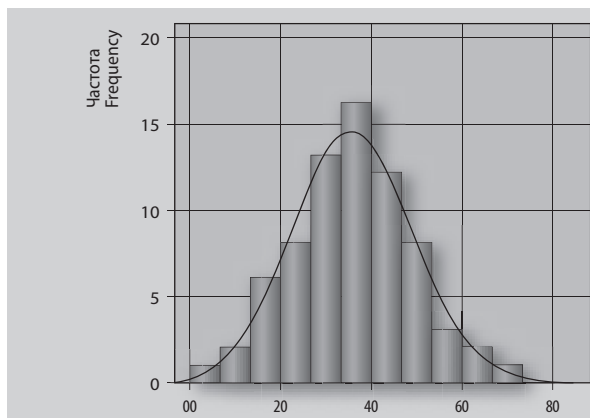


Рис. 2. Распределение коэффициентов корреляции координат мотивационных объектов, полученных при сравнении двух срезов: до и после расположения испытуемыми объекта «Деньги» на этапе проведения основной серии.

Fig. 2. The distribution of correlated coefficients of motivation objects coordinates obtained when comparing two sections: before and after introducing «Money» object of the main series.

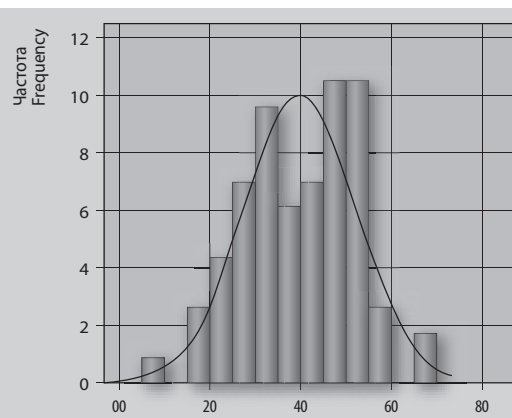


Рис. 3. Распределение коэффициентов корреляции координат мотивационных объектов, полученных при сравнении двух срезов: до и после расположения испытуемыми объекта «Деньги» на этапе проведения ретеста.

Fig. 3. The distribution of correlated coefficients of motivation objects coordinates obtained when comparing two sections: before and after introducing «Money» object at the stage of the retest.

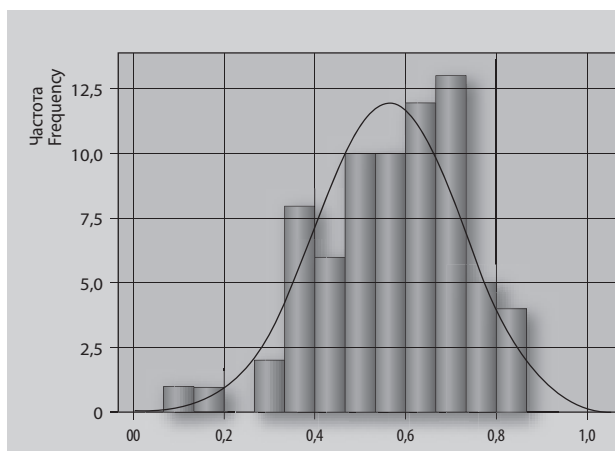


Рис. 4 Распределение коэффициентов корреляции координат мотивационных объектов, полученных при сравнении двух срезов: до расположения испытуемыми объекта «Деньги» на этапах проведения основной серии и ретеста.

Fig. 4 The distribution of correlated coefficients of motivation object coordinates obtained when comparing two sections: before introducing

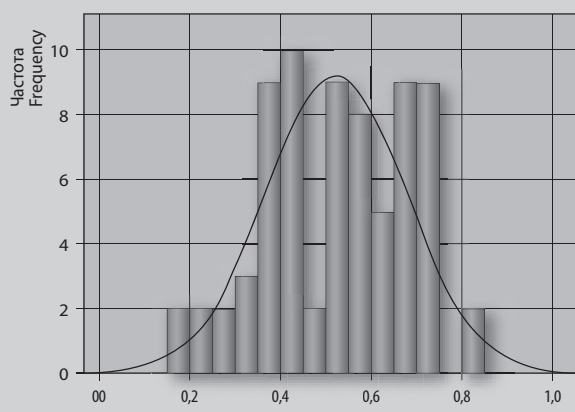


Рис. 5 Распределение коэффициентов корреляции координат мотивационных объектов, полученных при сравнении двух срезов: после расположения испытуемыми объекта «Деньги» на этапах проведения основной серии и ретеста.

Fig. 5 The distribution of correlated coefficients of motivation objects coordinates obtained when comparing two sections: after introducing

что является подтверждением нашего предположения. Также необходимо отметить, что существуют параметры, на которые объект «Деньги» оказывает значимое влияние и в ситуации поиска работы, и в ситуации трудоустроенности. Такими параметрами являются: координаты по шкале важность мотивационных объектов «Стабильность, уверенность в завтрашнем дне», «Карьерный рост»; по шкале вероятность успеха – «Стабильность, уверенность в завтрашнем дне», «Карьерный рост», «Призна-

ние моих заслуг»; по шкале причина – «Благополучие семьи». Это может свидетельствовать о том, что важность и субъективная вероятность достижения стабильности и уверенности в завтрашнем дне, карьерного роста, а также приписывание внешних или внутренних причин стремлению к благополучию семьи и субъективная оценка вероятности признания заслуг изменятся под влиянием высокоприоритетного мотивационного объекта «Деньги». Причем, это влияние сохраняется как в рамках осу-

ществления трудовой деятельности, так и в ситуации поиска работы.

Исследование ситуационной и временной стабильности трудовой мотивации

Ряд авторов (Дж. Аткинсон, В.А. Ядов, Х. Хекхаузен и др.) считают, что мотивацию можно рассматривать как единство личностных детерминант (устойчивых мотивов личности) и ситуационных

детерминант (характеристик непосредственной ситуации). Основываясь на этом положении, мы сделали предположение о том, что стабильность трудовой мотивации может являться личностной детерминантой. Вероятно, можно разделять «ситуационную» стабильность трудовой мотивации (устойчивость предпочтений человека при изменении параметров ситуации) и «временную» стабильность трудовой мотивации (устойчивость предпочтений человека на промежутке времени). Для того, чтобы проверить данное предположение, необходимо операционализировать понятия, показать возможность разделения испытуемых на группы на основе предложенных параметров. При этом интересно показать, на какие параметры мотивации влияет ситуационная и временная стабильность трудовой мотивации.

Эмпирическим показателем «ситуационной» стабильности мотивации может быть показатель того, насколько схожие результаты демонстрирует испытуемый при сравнении двух срезов – до и после расположения им объекта «Деньги». Соответственно, эмпирическим показателем временной стабильности мотивации может быть выбран показатель того, насколько схожие результаты демонстрирует испытуемый при сравнении данных теста и ретеста. Для расчета этих показателей может быть использован коэффициент корреляции. Процедура получения показателей стабильности строилась следующим образом.

По каждому испытуемому были рассчитаны коэффициенты корреляции:

- между координатами мотивационных объектов до и после расположения испытуемым объекта «Деньги» на этапе теста (параметр «Ситуационная стабильность (тест)»);
- между координатами мотивационных объектов до и после расположения испытуемым «Деньги» на этапе ретеста (параметр «Ситуационная стабильность (ретест)»);
- между координатами мотивационных объектов до расположения испытуемым объекта «Деньги» на этапах теста и ретеста (параметр «Временная стабильность»);

- между координатами мотивационных объектов после расположения испытуемым объекта «Деньги» на этапах теста и ретеста (параметр «Временная стабильность» (с учетом влияния объекта «Деньги»)).

Распределение частот полученных корреляций видим на рисунках 2-5.

Нами также было проведено исследование влияния показателей временной и ситуационной стабильности на 32 шкалы стандартных методик. Для этого полученные коэффициенты корреляции были объединены в матрицу размерностью 116x4 (испытуемые X коэффициенты корреляции). После чего полученная матрица по общему основанию (испытуемые) была объединена с матрицей, содержащей баллы по 32 шкалам стандартных методик диагностики мотивации (полученными на этапе проведения основной серии), размерностью 116x32 (испытуемые X шкалы стандартных методик).

Далее при помощи ковариационного анализа было проведено исследование влияния четырех независимых переменных (коэффициентов корреляции) на 32 зависимые переменные (баллы по шкалам стандартных методик). В результате чего были получены следующие результаты.

Влияние ковариации параметра «Ситуационная стабильность (тест)» оказывается значимым для переменных: «Лидерство коллектив (методика ТМ)» ($F=5,513$; $знач.=0,022$), «Принадлежность организации коллектив (методика ТМ)» ($F=4,554$; $знач.=0,037$).

Влияние ковариации параметра «Ситуационная стабильность (ретест)» оказывается значимым для переменных: «Лидерство коллектив (методика ТМ)» ($F=5,368$; $знач.=0,024$), «Достижение коллектив (методика ТМ)» ($F=4,638$; $знач.=0,035$).

Влияние ковариации параметра «Временная стабильность» оказывается значимым для переменных: «МЛ Мотивация лидерства (ВДА)» ($F=5,523$; $знач.=0,022$), «МД Мотив достижения (ВДА)» ($F=4,848$; $знач.=0,031$), «Мотивация достижения (ТИМ)» ($F=6,974$; $знач.=0,01$), «Преодоление трудностей (ТИМ)» ($F=5,341$; $знач.=0,024$), «Престиж (ТИМ)» ($F=5,729$; $знач.=0,02$), «Здоровье и комфорт (ТИМ)» ($F=7,808$; $знач.=0,007$).

Влияние ковариации параметра «Временная стабильность (с учетом влияния объекта «Деньги»)» оказывается значимым для переменных: «Мотивация достижения (ТИМ)» ($F=5,436$; $знач.=0,023$), «Престиж (ТИМ)» ($F=5,287$; $знач.=0,025$), «Общение деньги (ТМ)» ($F=6,230$; $знач.=0,015$), «МД Мотивация достижения (ВДА)» ($F=4,839$; $знач.=0,031$), «Здоровье и комфорт (ТИМ)» ($F=8,205$; $знач.=0,006$).

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что выбранные эмпирические показатели «ситуационной» и «временной» стабильности мотивации испытуемых позволяют разделять их на группы. На основе полученных данных представляется возможным сформулировать предположение о том, что ситуационная и временная стабильность мотивации могут выступать факторами индивидуальных различий испытуемых.

Проведя ковариационный анализ, можно отметить, что высокая ситуационная стабильность мотивации испытуемого на этапе поиска работы связана с его стремлением быть лидером в коллективе, желанием ощущать себя частью коллектива. Вместе с тем, испытуемые, демонстрирующие ситуационную стабильность на этапе ретеста (т.е. тогда, когда они уже стали сотрудниками компании), стремятся не только быть лидерами в коллективе, но и ориентированы на достижение в этом коллективе значимых результатов. Испытуемые, демонстрирующие временную стабильность мотивации, обладают высокой мотивацией к лидерству и к достижениям, они стараются преодолевать трудности, склонны следить за своим здоровьем, для них весьма значим комфорт и престиж. При этом испытуемые, показавшие временную стабильность мотивации с учетом влияния объекта «Деньги», ориентированы на достижения, стремятся к комфорту и престижу, склонны следить за своим здоровьем.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что включение высоко приоритетного объекта «Деньги» в поле мотивационных

объектов позволяет обнаруживать трансформацию структуры субъективного мотивационного пространства, что, в свою очередь, позволяет качественно и количественно оценивать особенности влияния фактора материальной стимуляции труда. В ситуации приема на работу (статус «кандидата») введение мотивационного объекта «Деньги» оказывает значимое влияние на большее число параметров мотивационного пространства по сравнению с ситуацией включенности человека в трудовую деятельность (статус «работающего сотрудника»). При этом изменение статуса человека с «кандидата» на «работающего сотрудника» сопровождается переоценкой вероятности успеха карьерного роста, вероятности успеха достижения стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Была показана целесообразность разделения ситуационной и временной ста-

Изменение статуса человека с «кандидата» на «работающего сотрудника» сопровождается переоценкой вероятности успеха карьерного роста, вероятности успеха достижения стабильности и уверенности в завтрашнем дне

бильности трудовой мотивации. В проведенном исследовании ситуационная стабильность оценивалась с помощью показателей корреляции между координатами мотивационных объектов в графическом пространстве оценочных шкал до и после расположения испытуемым мотивационного объекта «Деньги» на бланке методики «Мотивационная карта». Временная стабильность оценивалась с помощью корреляции между аналогичными показателями мотивационного пространства до и после трудоустройства. На основе полученных данных представляется возможным сформулировать предположение о том, что ситуационная и временная стабильность мотивации

могут выступать факторами индивидуальных различий испытуемых.

Статья подготовлена по результатам работы № 15-01-0008 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Литература:

- Барабанщикова В.В., Климова О.А. Представления о вовлеченности в работу и трудоголизме в современных психологических исследованиях. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 52-60. DOI: 10.11621/npj.2015.0106
- Гордеева Т.О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель / Т.О. Гордеева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 3 – С. 63-78.
- Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество / Дж.К. Гэлбрейт. – Москва : Эксмо, 2008. – 1198 с.
- Занковский А.Н. Организационная психология: учеб. пособие для вузов / А.Н. Занковский. – Москва : Флинта ; МПСИ, 2002.
- Иванников В.А. Анализ мотивации с позиций теории деятельности / В.А. Иванников // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 49-56. DOI: 10.11621/npj.2014.0105
6. Иванников В.А. Порождение деятельности и проблема мотивации / В.А. Иванников // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – № 2 – С. 15-22.
- Карпов А.В. Психология труда / А.В. Карпов, Е.В. Конева. – Москва : Владос, 2005. – 352 с.
- Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности / Е.А. Климов // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – Москва : ЧеРо, 2002. – С. 140-143.
- Левин К. Динамическая психология / К. Левин. – Москва : Смысл, 2001. – 527 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Смысл ; Академия, 2004. – 352 с.
- Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – Москва : Знание, 1996. – 308 с.
- Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; пер. с англ. – Москва : Дело, 1999. – 800 с.
- Носкова О.Г. Общепсихологическая теория деятельности и проблемы психологии труда // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 3. – С. 104-121.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2004.
- Стрижова Е.А. Диагностики трудовой мотивации в ситуации решения задач: методология и метод / Е.А. Стрижова, А.Н. Гусев // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 52-59. DOI: 10.11621/npj.2014.0207
- Щадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Щадриков. – Москва : Наука, 1982.
- Шаховой В.А. Мотивация трудовой деятельности : учебно-метод. пособие / В.А. Шаховой, С.А. Шапиро. – Москва : РАП, 2006.
- Fleisher S. Motivation and Self-Regulated Learning: Theory, Research, and Applications // International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. – 2009. – Vol. 3. – No. 1. – pp. 4-26.
- Lewin K. Resolving social conflicts & Field theory in social science. – Washington, D.C.: American Psychological Association, 2008. – pp. 112-230.
- Nuttin J., Lens W. Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method. – Leuven University Press and Erlbaum, Leuven, Belgium and Hillsdale, NJ, 1985. – pp. 25-130.
- Pinder C.C. Work motivation in organizational behavior. – N.Y.: Psychology Press, 2008. – 587 p.

References:

- Barabanshchikova V.V., & Klimova O.A. (2015). Representations of work engagement and workaholism in modern psychological research. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal]*, 1, 52-60. DOI: 10.11621/npj.2015.0106
- Fleisher, S. (2009) Motivation and Self-Regulated Learning: Theory, Research, and Applications. *International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*. Vol. 3. 1. 4-26.
- Galbraith, J.K. (2008) New Industrial State. Moscow, Eksmo, 1198.
- Gordeeva, T. O. (2014) Basic types of motivation of the human activity: Needbased model. *Moscow University Psychology Bulletin. [Vestnik Moskovskogo universiteta]* Series 14. Psychology, 3, 63-78.
- Ivannikov V.A.(2014). Analysis of motivation from the viewpoint of the activity theory. *National psychological journal*, 1, 49-56. DOI: 10.11621/npj.2014.0105
- Ivannikov, V.A. (2015) A generation of activity and the problem of motivation. *Moscow University Psychology Bulletin. [Vestnik Moskovskogo universiteta]* Series 14. Psychology, 2, 15-22.
- Karpov, A.V. (2005) Labour Psychology. Moscow, VLADOS, 352.
- Klimov, E.A. (2002) Individual style of activity. *Psychology of individual differences [Psikhologiya individual'nykh razlichiy]*. (eds.) Gippenreiter, Yu.B., & Romanova, V.Ya. Moscow, CheRo, 140-143.
- Lewin K. (2001) Dynamic Psychology. Moscow, Smysl, 527.
- Lewin, K. (2008) Resolving social conflicts & Field theory in social science. Washington, D.C., American Psychological Association. 112-230.
- Leontiev, A.N. (2004) Activities. Consciousness. Personality. Moscow, Smysl, Akademiya, 352.
- Markova, A.K. (1996) Psychology of professionalism. Moscow, Znanie. 308.
- Meskon, M. (1999) Principles of Management. Moscow, Delo, 800.
- Noskova, O. G. (2014) General psychological theory of activity and problems of the work-psychology. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 14. Psychology*, 3, 104-121
- Nuttin, J., & Lens W. (1985) Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method. Leuven University Press and Erlbaum, Leuven, Belgium and Hillsdale, NJ, 25-130.
- Nuttin J. (2004) Motivation, action and the prospect of future. Moscow, Smysl.
- Pinder, C.C. (2008) Work motivation in organizational behavior. N.Y., Psychology Press, 587.
- Strizhova E.Ä., Gusev A.N. (2014) Diagnostics of work motivation in situation of solving task: methodology and method. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal]*, 2, 52-59 DOI: 10.11621/npj.2014.0207
- Shadrikov, V.D. (1982) Issues of system genesis in professional activity. Moscow, Nauka.
- Shakhova, V.A. (2006) Motivation of labour activity: teaching method: Manual. Moscow: RAP.
- Zankovskiy, A.N. (2002) Organizational Psychology: Textbook/manual for schools. Moscow, Flint, SAG.

Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования

А.А. Гудзовская

Институт изучения общественных явлений, Самара, Россия

Поступила 18 декабря 2015/ Принята к публикации: 23 января 2015

Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. A longitudinal study

Alla A. Gudzovskaya

Institute for Research on Social Phenomena, Samara, Russia.

Received: December 18, 2015 / Accepted for publication: January 23, 2015

Представленное в статье лонгитюдное исследование ориентировано на выявление интер- и интрасубъектных факторов, задающих динамику социального становления в период взросления от начального школьного возраста к возрасту ранней зрелости. В качестве интерсубъектных факторов рассмотрены условия образовательной среды, созданной в ходе педагогического эксперимента. В качестве интрасубъектных факторов – особенности ментальной репрезентации себя и мира. Лонгитюдное исследование продолжительностью 18 лет проведено по нескольким направлениям: сравнение данных двух этапов исследования; анализ интраиндивидуальной динамики социального развития участников эксперимента, выявление устойчивости представлений о себе во времени.

В первой части исследования представлены выявленные типичные для возрастной группы «точки» социального развития, в частности, развития идентичности с человечеством («я человек»). В 7-9 лет типичным в представлениях о себе является отсутствие данной идентичности, к подростковому возрасту в ментальном представлении себя сосуществуют два образа «Я» и «Человек», к 25 годам идентичность «я человек» формируется примерно у 40% молодых людей. Специально организованные педагогические условия способствуют актуализации идентификации с человеческой общностью, эта идентичность при определенных условиях может быть актуализирована в младшем школьном возрасте. Возраст 7-8 лет рассматривается как сензитивный для формирования социальной идентичности. Сформированная идентичность является устойчивой во времени, сохраняется у большинства обучающихся в последующие десятилетия.

Во второй части рассмотрены результаты анализа специфики влияния ментальной репрезентации себя на последующее социально-психологическое развитие. Этот подход позволил сделать попытку решения проблемы типизации путей становления социальной зрелости и предложить описание пяти эмпирических интраиндивидуальных путей становления социальной зрелости в период от 7 до 25 лет.

Результаты данного исследования имеют теоретическую значимость для психологии развития, возрастной и педагогической психологии. Они ставят задачу создания периодизации социального развития человека, с определением сензитивных периодов для появления в ментальной репрезентации социальных идентичностей, способствующих социальной и личностной зрелости, психологическому здоровью. Выявленные закономерности могут быть использованы при проектировании социального развития в начальной школе, основанном на учете интерсубъектных факторов становления социальной зрелости. Дальнейших исследований требует полученная типология интраиндивидуальных путей становления социальной зрелости.

Ключевые слова: социальная зрелость, социальная идентичность, социализация, сензитивный период, интерсубъектные факторы становления социальной зрелости, индивидуальные пути становления социальной зрелости, ментальная репрезентация, педагогический эксперимент, лонгитюдное исследование, контент-анализ.

Longitudinal study is focused on inter- and intra-subject factors that define the dynamics of social formation during maturity, i.e. the period from the primary school age to the age of early adulthood. Inter-subject factors are considered to be the conditions of educational environment created in the course of the pedagogical experiment. Features of human mental representation of him/herself and the world are defined in the study as intra-subject factors. The longitudinal study, which continued for 18 years, has been conducted in several directions: the comparison of the two phases of the study; intra-individual analysis of the dynamics of participants' social development; defining the stability a person's self-representation in a long-term perspective.

The first part of the study represents the typical age group «points» of social development, the development of one's identification with humanity («I – person») in particular. It is typical for a 7-9 year old to experience the lack of "I-person" identity; during adolescence there are two coexisting images in the mental self-representation: «I» and «Person»; by the age of 25 the «I – person» identity is formed by approximately 40% young people. It has been discovered that specially organized pedagogical conditions contribute to the actualization of identification with the human community; moreover, under certain conditions the «I – person» identity of can be actualized at the primary school age. The age of 7-8 years is considered to be the sensitive period for the formation of social identity. Once formed the identity appears to be stable, and retains for the coming decades.

The second part represents the analysis of the specificity of mental self-representation's effect on the subsequent social and psychological development of a person. This approach allows to distinguish the directions of social maturity development and to describe empirical intra-subject ways to form social maturity between 7-25 years. The results have theoretical significance for the developmental psychology and educational psychology. They aim is to create the periodization of person's social development; define sensitive periods of social identity in the mental representation that contributes to social and personal maturity, and also psychological health. Identified patterns can be used in social development of elementary school, which should be based on inter-subject factors of social maturity.

Keywords: social maturity, social identity, socialization, sensitive period, inter-subject factors of social maturity development, individual way of social maturity development, mental representation, pedagogical experiment, longitudinal study, content analysis.

В данной статье представлены результаты лонгитюдного исследования, посвященного развитию и становлению личности в период от 7 до 25 лет. Проблемы становления личности стали традиционным предметом исследования в зарубежной и отечественной психологии (Журавлев, 2007). Наше внимание к этим проблемам связано с тем, что социальное пространство

целенаправленного воздействия на процессы становления и развития личности.

Векторы лонгитюдных исследований

Лонгитюдное исследование обладает рядом несомненных преимуществ, позволяющих оценить межиндивидуальную динамику показателей одних и тех

Образовательное пространство стало единой экспериментальной площадкой, где до конца не осмыслены не только результаты образовательного процесса, но и сами условия, его задающие

России, в котором происходит становление личности, претерпело за последние десятилетия значительные изменения. Изменилась социальная структура общества и его социальные институты, сменились ценностные ориентиры, взаимоотношения поколений. Современная школа, как важнейший институт социализации, сменила традиционное единство на многообразие программ, подходов, предметов, типов учебных учреждений. Можно сказать, что образовательное пространство стало единой экспериментальной площадкой, где до конца не осмыслены не только резуль-

ты участников, обследованных в разные временные периоды (И.И. Ветрова, Н.В. Гришина, В.Е. Погребицкая, М.В. Салитова, О.В. Клопова, М.Х. Титма). Еще более интересным кажется существующая в лонгитюдном исследовании возможность выявления интраиндивидуальных путей становления личности или отдельных ее свойств, что в научных публикациях встречается намного реже. Примерами исследований второго типа являются описания становления социального интеллекта Л.А. Ясюковой и О.В. Белавиным, изучение типов поисковой активности учащихся и учеб-

ное социальное и личностное зрелости. Интерсубъектный подход «позволяет рассматривать обусловленность жизнедеятельности и развития личности в качестве субъекта жизни не столько безликими, анонимными макросоциальными факторами, сколько ее живым общением и взаимодействием с микросоциальным окружением и отдельными людьми» (Карпинский, 2012, С. 107). Социокультурная ситуация в обществе, образовательное пространство, тип образовательного учреждения, личность учителя, методика преподавания, содержание учебных предметов не могут не влиять на результаты психолого-педагогических процессов. Из всего ансамбля социальных факторов, которые задают направления психического развития и становления личности ребенка в младшем школьном возрасте, рассматриваются программы обучения, различающиеся психолого-педагогическими характеристиками.

В качестве интрасубъектных факторов исследуются особенности представлений о себе как о человеке, сложившиеся у ребенка в возрасте 7-8 лет. Представления в этом возрасте о своей человеческой сущности находятся еще на «экстрапсихическом» уровне (Цукерман, 2001), когда ребенок может воспроизвести идеи, мысли окружающих его взрослых. Вместе с тем, избирательность восприятия того, что ребенок слышит о человеке, может уже отражать его индивидуальные особенности и мотивационно-смысловую направленность (Нюттен, 2004; Сураева, 2001; Мышкина, 2014). Лонгитюдное исследование позволяет «увидеть» последующее направление развития этих представлений о человеке у каждого ребенка, выявить типичные и интраиндивидуальные пути их развития, отражающие полноту становления личностной и социальной зрелости.

Исследование проводилось в два этапа. Первый этап проходил в 1997-98 гг., второй этап – в 2014-15 гг. На первом этапе исследования в нем приняли участие 232 учащихся первых классов гг. Самары и Тольятти, из них 96 человек стали участниками второго этапа. Годы рождения обследованных участников – 1990 и 1991.

В исследовании реализована идея полного использования особенностей

В исследовании реализована идея полного использования особенностей лонгитюда посредством описания интраиндивидуальных векторов личностных изменений. Для детального анализа отсроченных результатов личностного становления был выбран метод контент-анализа

таты образовательного процесса, но и сами условия, его задающие. Растущий ребенок, словно губка, впитывает в себя происходящее вокруг. Важность изучения развития личности детей в эпоху перемен обуславливает актуальность темы нашего лонгитюдного исследования. Его результаты могут стать базой для построения практического инструмента-

ной самостоятельности А.А. Волочковым, И.В. Ермаковой и Г.А. Цукерман, исследование представлений о здоровье К.О. Казанской и Б.Г. Мещерякова, работы о предпочтении школьных предметов В.М. Русалова и Н.А. Велумян.

Целью нашего исследования стало изучение интер- и интрасубъектных факторов, влияющих на ста-



Алла Анатольевна Гудзовская – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института изучения общественных явлений, г. Самара
E-mail: aag_1@rambler.ru

Для цитирования: Гудзовская А.А. Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 88-95.

For citation: Alla A. Gudzovskaya (2016). Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study. *National Psychological Journal*, 1, 88-95.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

лонгитюда посредством описания интраиндивидуальных векторов личностных изменений. Для детального анализа отсроченных результатов личностного становления был выбран метод контент-анализа текста сочинения на тему «Я человек», он использовался на обоих этапах исследования. На втором этапе дополнительно применялись стандартизованные методы: тест-опросник Ю.З. Гильбуха, методика предельных жизненных смыслов Д.А. Леонтьева, методика мотивационных индукторов Ж. Нюттена в модификации Н.Н. Толстых и биографический опрос по специально разработанной анкете. Общее число измеряемых показателей составило более 150. Собранный материал представляет богатую, насыщенную содержанием базу для анализа различных аспектов становления социальной зрелости. В рамках данной статьи рассматриваются результаты, связанные с динамикой представлений о себе как человеке, описываются пути, по которым проходит трансформация представлений о себе в зависимости от возраста, предлагаются ответы на вопрос о том, какие представления о себе в младшем школьном возрасте приводят к большей полноте социальной зрелости в дальнейшем.

Операциональные критерии становления социальной зрелости

Личностная зрелость понимается нами как осознание человеком собственной субъектности в отношении развития своей личности и своей жизни в целом. Социальная зрелость является компонентом личностной зрелости и представляет собой готовность личности принять на себя ответственность за развитие тех общностей, в которые она включена. Полнота социальной зрелости зависит от наличия нескольких составляющих:

- 1 осознанность своей включенности в общности, в которых проходит жизнедеятельность человека;
- 2 разнородность этих общностей (от близкого круга, до широкого – всего человечества);
- 3 эмоционально положительное отношение к общностям;
- 4 наличие целей и деятельной активности в отношении развития или поддержания стабильности этих общностей.

Система отношений «личность» и «общество» отражается в Я-концепции человека. Я-концепция является результатом накапливаемого жизненного опыта, она отражает структуру взаимосвязей человека, включает в себя поведенческий, когнитивный и аффективно-оценочный компоненты. По структуре Я-концепции можно судить о некоторых показателях социальной зрелости, об осознаваемом субъективном благополучии человека и о некоторых неосознаваемых (вытесняемых) эмоциональных проблемах (М. Кун, Р. Бернс, Т.В. Румянцева, В.С. Мухина).

Особенности Я-концепции и отдельных ее свойств диагностируют с помощью методов, обращенных в большей степени к сознанию человека (например, методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Мак-Партленда), а также методов основанных на проективных техниках (рисунки, письменные и устные рассказы на заданные темы, незавершенные предложения). Текстовое изложение на заданную тему несет в себе информацию не только об осознаваемых представлениях, но и включает в себя неосознаваемые элементы в виде неосознаваемых мотивов, интенций, установок и пр. (А.А. Потебня, М.М. Бахтин, В.Ф. Петренко, Д.А. Леонтьев, З. Фрейд, Ж. Нюттен, А. Адлер), оно отражает уровень психического развития человека (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, Р. Бернс) и его личностной зрелости (В.П. Белянин, С.Л. Братченко, М.М. Смирнова, Е.С. Романова). А.Ю. Агафонов определяет текст как «структурированное смысловое содержание», «совокупность смыслов, объединенных в текст синонимом сознания в его содержательном аспекте» (Агафонов, 2003).

В данном исследовании в качестве диагностического материала рассмотрены тексты сочинений «Я человек». Рамки статьи не позволяют представить все полученные в ходе анализа текстов сочинений результаты. Здесь изложены некоторые из них. Тема сочинения «Я человек», предложенная участникам исследования, отражает ментальную репрезентацию себя как человека, актуализирует при ответе два аспекта: индивидуализированное «Я» и родовое «Человек». Предлагаемый континуум понятий от индивидуально к общему позволяет выявить больший

пласт содержания сознания за счет актуализации потенциального сознания. Эффективность такого приема экспериментально подтверждена Г.В. Акоповым в исследованиях профессионального сознания (Акопов, 1993, С. 45). Тема исследования позволяет автору определить собственную позицию в этом континууме, а исследователю – увидеть взаимосвязь двух позиций, определить специфические соотношения индивидуального и социального в каждом сочинении.

Анализ соотношения индивидуального/социального отражен показателем «герой изложения». «Герой изложения» – тот, о ком написано сочинение. Эмпирически выявлено четыре типа текстов сочинений в зависимости от «героя изложения»: «Я человек», «Я», «Человек», «Я и человек». Показатель «герой изложения» является одной из существенных характеристик текстов сочинений, так как отражает поведенческую позицию автора и расценивается нами не только как отражение Я-концепции, но и как поведенческий акт, отражающий результат самоопределения «индивидуальное-социальное», а, значит, и некоторые аспекты его социальной зрелости.

В тексте сочинений с героем изложения «Я человек» респонденты пишут о себе, как о человеке, соотнося собственные личные качества с общеродовыми, свойственными человеку как таковому. Осознание себя человеком свидетельствует о включенности автора сочинения в человеческую общность, об отношении к другим людям как к себе подобным. Эти сочинения отражают социальную идентичность «Я – человек». В.С. Мухина в концепции социогенеза личности отмечает, в качестве обязательного элемента становления социальной зрелости, наличие в ее Я-концепции разнородной идентичности (от биологических и близких общностей до больших социальных общностей, в том числе, такой как «человечество») (Мухина, 2000). Таким образом, текст с «героем изложения» «Я человек» – единственный из четырех типов текста, который свидетельствует о социальной зрелости, проявленной его автором.

Тексты сочинений с «героем изложения» «Я» написаны о себе, как об отдельно взятом индивиду. Авторы со-

чинений говорят о личных свойствах, предпочтениях, размышлениях, не соотнося их с общечеловеческими. В этой позиции отмечается отсутствие социальной идентичности, эгоцентризм. Согласно исследованиям П.П. Блонского, Л.С. Выготского, Р. Бернса, частое употребление местоимения «Я» свойственно детям 6-7 лет и с возрастом постепенно сокращается. Н.П. Фетискин с соавторами представляют проективный тест эгоцентрических ассоциаций, основанный на подсчете преобладания обращения к местоимению «Я» и его производным. Эгоцентризм «отражается на познавательных возможностях человека, препятствует эффективному общению и взаимодействию с людьми, тормозит развитие морально-нравственной сферы самой личности» (Фетискин, 2002, С. 30). Отсутствие идентичности «Я – человек» говорит о неполноте социального становления личности. Текст с героем изложения «Я» представляет собой наиболее раннюю форму самоидентичности и несет в себе отпечаток личностной и социальной инфантильности.

Тексты с «героем изложения» «Человек» написаны об обобщенном человеке, свойства и характеристики которого не соотношены с личным «Я» автора текста. Сочинения с героем «Человек» являются противоположными предыдущему типу текстов – «Я». Эта позиция автора свидетельствует об отсутствии автономизации личности от других людей, о низкой социальной активности. М. Кун и Т. МакПартленд (Кун, 1984), а вслед за

ними и Т.В. Румянцева, отмечают значимость для субъективного благополучия человека в его Я-концепции, как социальных ролей, так и индивидуально-личностных характеристик (Румянцева, 2002). Избрание в качестве героя изложения «Человека» отражает недостаточное проявление индивидуальности, автор как бы спрятан за обобщенными размышлениями, таким образом, здесь не выражена индивидуальная составляющая личности.

Четвертый тип сочинений по показателю «герой изложения» «Я и человек» состоит из двух последовательных частей: героем одной части является «Я», героем второй – «Человек». Такие сочинения можно отнести к переходному типу, отражающему этап становления личности от «Я» к социальной идентичности «Я – человек». Косвенным аргументом такой интерпретации является возрастная динамика частоты использования этого типа сочинений (см. ниже).

Возрастная динамика идентичности «я человек»

В таблице 1 представлено количество типов сочинений с разным «героем изложения» в пяти возрастных группах, где 1-й, 2-й класс и группа 25-летних – это участники лонгитюда, группы 7-8-х классов взяты дополнительно для сравнения возрастной динамики этого и других показателей.

Из таблицы 1 видно, что сочинение с героем изложения «Я» является доминирующим, начиная с первого класса, вплоть до шестого (69,6-56,5%), к вось-

мому классу его доля снижается до 35,9%, но продолжает оставаться самой весомой среди сочинений других типов.

От первого класса к 6-8-му и к 25 годам возрастает доля сочинений «Я человек» (до 38,5%) с одновременным снижением количества эгоцентричных сочинений («Я»), что отражает направление становления социальных аспектов личности.

Обращает на себя внимание тот факт, что во втором классе каждое четвертое сочинение имеет своим героем «Человека» (24,5%). Возможной причиной этого является стремление детей к усвоению норм, принятых в образовательном процессе, подчеркивание значимости усвоенных знаний о человеке вообще. Этот этап можно сравнить с первой макрофазой эпохи детства и характерным для нее преобладанием процессов адаптации, описанной в концепции социального развития личности А.В. Петровского (Петровский, 1984).

Интересен всплеск «популярности» сочинений переходного типа «Я и человек» (33,3%), пик которого приходится на подростковый возраст 14-15 лет, когда меняется идентичность ребенок/взрослый. Этот факт позволяет предположить, что процесс становления личностной зрелости начинается с осознания себя («Я»), затем в представлениях появляется образ абстрактного человека («Я и человек»). Из этого двойственного положения некоторые переходят к социально зрелой позиции «Я человек». Возрастная структура нашей выборки не позволяет зафиксировать более детальные точки траектории развития социальной идентичности. Требуется дополнительные исследования представлений о себе как о человеке в других возрастных группах.

Педагогический эксперимент как интересубъектный фактор становления социальной зрелости

В своем экспериментальном исследовании мы ставили задачу изучения влияния программы обучения, как одного из социальных факторов, на закономерности возрастного развития. В 1996-1999 гг. в начальных классах средних образовательных учреждений Самарской области в качестве регионального компонента образования велся курс «Основы

Таблица 1. Герой сочинений в разновозрастных группах (в % к общему числу сочинений по возрастной группе).

Герой сочинения	Я – человек	Я	Человек	Я и человек	Итого
1997 г. (1 класс)	11,6	69,6	9,8	8,0	100 (112 ч.)
1998 г. (2 класс)	10,2	61,2	24,5	4,1	100 (98 ч.)
1998 г. (6 класс)	34,8	56,5	4,3	4,3	100 (46 ч.)
1998 г. (8 класс)	25,6	35,9	5,1	33,3	100 (79 ч.)
2015 г. (25 лет)	38,5	23,1	23,1	15,4	100 (39 ч.)

Table 1. Essay character in various age groups (% to the total number of works on the age group).

Essay Character	I am a Person	I	Person	I and Person	Total
1997 (1 grade)	11.6	69.6	9.8	8.0	100 (112 prs.)
1998 (2 grade)	10.2	61.2	24.5	4.1	100 (98 prs.)
1998 (6 grade)	34.8	56.5	4.3	4.3	100 (46 prs.)
1998 (8 grade)	25.6	35.9	5.1	33.3	100 (79 prs.)
2015 (25 years old)	38.5	23.1	23.1	15.4	100 (39 prs.)

Для цитирования: Гудзовская А.А. Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 88-95.

For citation: Alla A. Gudzovskaya (2016). Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study. *National Psychological Journal*, 1, 88-95.

жизненного самоопределения» (авторы А.А. Гудзовская, Г.З. Сураева), ориентированный на развитие личности учащихся. Курс основан на создании условий для кооперации детей на занятиях, диалогического общения, актуализации разных социальных идентичностей, для вовлечения родителей в обсуждение значимых для детей тем и пр. Занятия проводились учителями, прошедшими переподготовку по этому предмету. Курс рассчитан на три года с объемом учебных занятий 36 часов в год, это еженедельные одночасовые занятия.

Первоначальная диагностика была проведена в конце первого года школьного обучения на шести экспериментальных и шести контрольных классах (где курс не велся) школ г. Самары и Тольятти. Социальное и личностное развитие в экспериментальном классе проходило более быстрыми темпами и в большей полноте (Гудзовская, 2014). В таблице 2 представлены данные, которые показывают, что социальная идентичность «я – человек» значительно преобладала среди участников из экспериментальных классов и являлась преобладающей по частоте, по сравнению с другими вариантами сочинений.

Второй этап лонгитюдного исследования дает возможность оценить отсроченные эффекты обучения по программе «Основы жизненного самоопределения». Преобладание позиции «Я человек» в экспериментальной группе сохраняется к 25 годам (63,2% и 38,5% в экспериментальной и контрольной группах соответственно). Важно, что в экспериментальной группе процесс становления личностной зрелости также продолжался в последующий возрастной период, как и в контрольной группе. Частота сочинений типа «Я человек» возросла примерно на 20%, что аналогично росту этого показателя за тот же период в контрольной группе.

Представленные данные позволяют сделать вывод о значимости содержания программ обучения для социального становления личности учащихся. Возраст 7-8 лет представляется сензитивным для формирования широкой социальной идентичности «Я – человек». В случае нашего эксперимента курс «Основы жизненного самоопределения» явился своего

Таблица 2. Главный герой сочинений в экспериментальной и контрольной группах (в % к количеству сочинений в группе).

Герой сочинения	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	1 класс	2 класс	25 лет	1 класс	2 класс	25 лет
Я – человек	49,2	43,8	63,2	11,6	10,2	38,5
Я	26,7	32,6	10,5	69,6	61,2	23,1
Человек	11,7	12,4	15,8	9,8	24,5	23,1
Я и человек	12,5	11,2	10,5	8,0	4,1	15,4
Кол-во человек	100 (120 ч.)	100 (89ч.)	100 (57 ч.)	100 (112 ч.)	100 (98 ч.)	100 (39 ч.)

Table 2. The main character in essays of the experimental and control groups (% to the number of works in the group).

Essay Character	Experimental Group			Control group		
	1 grade	2 grade	25 лет	1 grade	2 grade	25 лет
I am a Person	49.2	43.8	63.2	11.6	10.2	38.5
I	26.7	32.6	10.5	69.6	61.2	23.1
Person	11.7	12.4	15.8	9.8	24.5	23.1
I and Person	12.5	11.2	10.5	8.0	4.1	15.4
Total	100 (120 prs.)	100 (89prs.)	100 (57 prs.)	100 (112 prs.)	100 (98 prs.)	100 (39 prs.)

рода социально-психологической прививкой, без которой становление социальной зрелости замедленно, больше чем у половины взрослеющих идентичность «Я – человек» в «Я-концепции» не формируется как актуальная.

Анализ индивидуальной динамики социальной идентичности «Я – человек» от 7 лет к 25-летнему возрасту представлен в таблице 3.

Практически половина всех испытуемых, принявших участие в последнем этапе исследования, продвинулись от описания личных свойств или описания обобщенного человека к пониманию себя как человека (42,1% и 53,8% в экспериментальной и контрольной группах соответственно). С учетом тех респондентов, которые уже в начальной школе занимали позицию «Я – человек»

Таблица 3. Индивидуальная динамика социальной идентичности «я-человек» (в % к числу обследованных в группе).

Направленность изменения	Группа	
	Экспериментальная	Контрольная
Не изменилась, «Я человек»	31,6	7,7
Положительная динамика, от «Я» или «Человек» к «Я человек»	42,1	53,8
Не изменилась, «Я»	10,5	23,1
Отрицательная динамика, от «Я человек» к «Я» или «Человек»	15,8	15,4
Итого:	100,0	100,0

Table 3. Individual dynamics of social identity «I-Person» (% by number and examined in a group).

Direction of Change	Group	
	Experimental Group	Control group
Not changed, "I am a person"	31.6	7.7
Positive dynamics of "I" or "Person" to "I am a person"	42.1	53.8
Not changed, "I"	10.5	23.1
Negative dynamics of "I'm a man" to "I" or "Man"	15.8	15.4
Total:	100.0	100.0

(и она не изменилась) общая доля участников исследования с этой позицией стала 73,68% в экспериментальной группе и 61,54% в контрольной. Можно предположить, что такое преобладание возникло за счет смещения выборки (минусы лонгитюдного исследования). Откликнулись на просьбу участвовать в исследовании, в первую очередь, социально активные молодые люди, понимающие значимость научных исследований.

Вместе с тем, больше трети участников контрольной группы не присвоили себе идентичность «Я – человек» (38,5%), что может расцениваться как упущенные возможности системы образования в процессе социального развития учащихся. По-видимому, без специальной организации образовательного процесса, когда развитие идет «естественным образом», такая идентичность может остаться не сформированной.

Идентичность «Я – человек» представляется важной не только с точки зрения социального развития, но и с точки зрения субъективного благополучия, о чем говорят исследования А. Адлера, М. Куна, Т.В. Румянцевой, В.С. Мухиной. В соответствии с результатами их исследований, если личностная идентичность не уравновешена социальными характеристиками, то человек находится в состоянии эмоциональной неустойчивости, испытывает чувство одиночества, которое часто маскирует гиперкомпен-

сацией, посредством гипертрофированного подчеркивания своей исключительности.

Таким образом, создание в образовательном пространстве начальной школы условий для социального становления школьников, в частности, на уроках «Основы жизненного самоопределения» способствует их опережающему социальному развитию, получению устойчивого во времени результата, обеспечивает его более быстрый темп, полноту становления и снижение риска субъективного неблагополучия.

Межиндивидуальная траектория становления социальной зрелости проходит несколько точек. Представления о себе как человеке начинаются с осознания себя («Я»), что ярко проявляется в возрасте 7-9 лет. Постепенно к 14 годам (у каждого в свое время) в представлениях возникает образ обобщенного человека. Для подросткового периода характерна одновременная представленность образа «Я» и образа «Человек» в актуальном содержании сознания. Эти два образа сосуществуют, но не соотносятся друг с другом. Позднее в определенный момент времени происходит соотнесение личных свойств с общеродовыми человеческими свойствами (благоприятный путь развития) или такого соотнесения не происходит (неблагоприятный путь развития). Среди 25-летних испытуемых при естественном ходе событий обнаруживается около 40% респондентов, кото-

рые демонстрируют освоенную актуальную позицию «Я – человек».

Зафиксированы интересующие факторы, влияющие на темпы и полноту социального становления личности. К таким факторам отнесены психолого-педагогические условия обучения в начальной школе: кооперация учащихся, диалоговое общение, равноправное обсуждение значимых тем с разными субъектами образовательного пространства, актуализация социальной равноуровневой идентичности. Среди результатов обучения в таких условиях – интериоризация социальной идентичности «Я – человек» учащимися начальной школы. Эта сформированная идентичность является устойчивой во времени и сохраняется у большинства обучающихся в последующие десятилетия.

Возраст 7-8 лет является сензитивным периодом для формирования социальной идентичности «Я – человек». Упущенная возможность ее формирования приводит к тому, что почти для трети молодых людей в возрасте ранней юности социальная идентичность с родовой человеческой общностью и с другими широкими социальными общностями остается неактуальной.

Описанию эмпирических интраиндивидуальных путей становления социальной зрелости будет посвящена вторая часть данной статьи.

Исследование подготовлено при поддержке РГНФ, проект 14-16-63004.

Литература:

- Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания / А.Ю. Агафонов. – Санкт-Петербург : Речь, 2003.
- Акопов Г.В. Социальная психология высшего образования / Г.В. Акопов. – Самара : Изд-во СамПГИ, 1993. – 212 с.
- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя / В.П. Белянин. – Москва : Генезис, 2006. – 320 с.
- Братченко С.Л. Личностный рост и его критерии / С.Л. Братченко, М.Р. Миронова // Психологические проблемы самореализации личности. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 38-46.
- Веракса А.Н. Социальный аспект в развитии регуляторных функций в детском возрасте: обзор современных зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – №4 – с.91-101.
- Ветрова И.И. Сравнение динамики психологических механизмов регуляции поведения (совладания, психологических защит и контроля поведения) у подростков в лонгитюдном исследовании и методом срезов / И.И. Ветрова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2009. – Т. 15. – № 4. – С. 233-237.
- Волочков А.А. Возрастная динамика учебной активности школьников (лонгитюд) / А.А. Волочкова // Инновации в образовании. – 2005. – № 2. – С. 85-89.
- Гришина Н.В. Развитие и становление индивидуальности в период ранней взрослости: студенты-психологи / Н.В. Гришина, В.Е. Погребницкая, М.В. Салитова // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. – 2008. – Вып. 4. – С. 277-288.
- Гудзовская А.А. Психология социальной зрелости : монография / А.А. Гудзовская. – Самара : СИПКРО, 2014. – 256 с.

- Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия / А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – Том 28. – № 2. – С. 44-54.
- Ермакова И.В. Типы поисковой активности учащихся в начальной и основной школе / И.В. Ермакова, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 2010. – № 1. – С. 15-23.
- Казанская К.О. Концептуальные изменения в представлениях о здоровье и болезни у младших школьников / К.О. Казанская, Б.Г. Мещеряков // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 3. – С. 19-29.
- Карпинский К.В. Неконгруэнтный смысл жизни и смысловой кризис в развитии личности / К.В. Карпинский // Актуальные проблемы психологии личности. – Гродно, 2012. – С. 101-148.
- Клопова О.В. Личностное и интеллектуальное развитие мальчиков-подростков в неполных семьях / О.В. Клопова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – С. 290-294.
- Кун М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. МакПартлэнд // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 180-187.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2003. – 487 с.
- Молчанов С.В. Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 42-51. DOI: 10.11621/npj.2014.0405
- Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – Москва : Академия, 2000. – 456 с.
- Мышкина М.С. Мотивационно-смысловая интенция как индикатор развития личности в условиях современного образовательного пространства / М.С. Мышкина // Материалы междунар. Научно-проакт. Конференции «Проблемы одаренности в контексте устойчивого развития природы и общества» – Самара, 2014. – С. 120-123.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2004. – 306 с.
- Палык Н.В. Духовная личностная направленность как фактор гармонизации характера в юношеском возрасте. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 88-95.
- Петровский А.В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии / А.В. Петровский // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 15-30. DOI: 2079-6617/2013.0104.
- Решетова З.А. К вопросу о механизмах усвоения и развития // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 25-32. – С. 34-41. DOI: 10.11621/npj.2014.0404
- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16).
- Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре / Т.В. Румянцева. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 736 с.
- Русалов В.М. Характерологические особенности и предпочтения школьных предметов у подростков / В.М. Русалов, Н.А. Велумян // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 12-21.
- Фетискин Н.П. Диагностика личностного эгоцентризма / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва, 2002. – С.29-31.
- Цукерман Г.А. Психологическое обследование младших школьников / Г.А. Цукерман. – Москва : Владос, 2001. – 160 с.
- Ясюкова Л.А. Особенности становления социального интеллекта младших школьников / Л.А. Ясюкова, О.В. Белавина // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 74-80.

References:

- Agafonov, A.Yu. (2003) Fundamentals of the semantic theory of consciousness. St. Petersburg, Rech.
- Akopov, G.V. (1993) Social psychology of higher education. Samara, Izdatel'stvo SamPGI, 212.
- Belyanin, V.P. (2006) The psychological literature. Text as a reflection of the inner worlds of the author and the reader. Moscow, Genesis, 320.
- Bratchenko, S.L. (1997) Personal growth and its criteria. *Bratchenko, S.L., & Mironov, M.R. Psychological issues of self-identity [Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti]*. St. Petersburg, 38-46.
- Fetiskin, N.P. (2002) Diagnosing personal egocentrism. *Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., & Manuilov, G.M. Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups [Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp]*. Moscow, 29-31.
- Grishina, N.V. (2008) The development and formation of personality in the period of early adulthood: psychology students. *Grishina, N.V., Pogrebetskaya, V.E., & Salitova, M.V. Bulletin of St. Petersburg University [Vestnik SanktPeterburgskogo universiteta]*. Ser. 12, Vol. 4, 277-288.
- Gudzovskaya, A.A. 2014 Psychology of social maturity: Monograph. Samara, SIPKRO, 256.
- Ermakova, I.V., Zuckerman, G.A. (2010) Types of search activity of pupils in primary and basic school. *Ermakova, I.V., & Zuckerman, G.A. [Voprosy psikhologii]*. 1, 15-23.
- Kazanskaya, K.O. (2012) Conceptual change in the perception of health and illness in primary school children. *Cultural Historical Psychology [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*. 3, 19-29.
- Karpinskiy, K.V. (2012) Incongruence of meaning of life and the crisis of personality development. *Actual issues of personality psychology [Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti]*. Grodno, 101-148.
- Klopova, O.V. (2011) The personal and intellectual development of adolescent boys in single-parent. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin [Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik]*. 4. Vol. II (psychological and pedagogical sciences). 290-294.
- Kuhn, M. (1984) Empirical study of the individual attitudes of personality. *Kuhn, M., & MakPartlend, T. Modern foreign social psychology [Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya]*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteteta, 180-187.

- Leontiev, D.A. (2003) Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the sense of reality. Moscow, Smysl, 487.
- Molchanov S. V. (2014). Conditions and factors of solving moral dilemmas in adolescence. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 42-51. DOI: 10.11621/npj.2014.0405
- Mukhina, V.S. (2000) Psychology: phenomenology development, childhood, adolescence. Moscow, Akademiya, 456.
- Myshkina, M.S. (2014) Motivational-semantic intention as an indicator of personality development in the modern educational space. *Proceedings of the International. Scientific Proactive. Conference «Issues of endowments in the context of sustainable development of nature and society» [Materialy mezhdunarodnoy Nauchno-proaktivnoy Konferentsii «Problemy odarennosti v kontekste ustoychivogo razvitiya prirody i obshchestva»]*. Samara, 120-123.
- Nyutten, J. (2004) Motivation, action and the prospect of future. Moscow, Smysl, 306.
- Palyk N.V. (2015). The spiritual personal orientation as the factor of character harmonization in adolescence. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 88-95.
- Petrovskiy, A.V. (1984) The problem of personality development from the standpoint of social psychology. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 4, 15-30.
- Reshetova Z.A. (2013) On the mechanism of learning and development. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 25-32. DOI: 2079-6617/2013.0104
- Poskrebysheva N. N., Karabanova O. A. (2014). The reserch of individual adolescent autonomy in the context of social situation of development. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 34-41. DOI: 10.11621/npj.2014.0404
- Rumyantseva, T.V. (2002) Counselling: diagnostics relations in the pair. St. Petersburg: Piter, 736.
- Rusalov, V.M. (2012) Personality traits and preferences of school subjects in adolescents. Rusalov, V.M., & Velumyan, N.A. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 3, 12-21.
- Suraeva, G.Z. (2001) Psychological research of motivational semantic sphere of younger schoolboys. *Applied Psychology [Prikladnaya psikhologiya]*. 6, 79-88.
- Veraksa, A.N. (2014) The social aspect in the development of regulatory functions in children: a review of modern foreign researches. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 4, 91-101.
- Vetrova, I.I. (2009) Comparison of the dynamics of psychological mechanisms in regulating behavior (coping, psychological protection and control behavior) in adolescents in a longitudinal study, and the method of slices. *Bulletin of Nekrasov Kostroma State University [Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova]*. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics. Vol. 15, 4, 233-237.
- Volochkov, A.A. (2005) Age dynamics of educational activity of schoolboys (Longitude). *Innovations in Education [Innovatsii v obrazovanii]*. 2, 85-89.
- Yasyukova, L.A. (2013) Features of formation of social intelligence of younger schoolboys. Yasyukova, L.A., & Belavin, O.V. *Scientific notes of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty]*. Vol. 19, 1, 74-80.
- Zhuravlev, A.L. (2007) «Social and psychological maturity»: the notion of justification. *Psychological journal [Psikhologicheskii zhurnal]*. Vol. 28, 2, 44-54.
- Zuckerman, G.A. (2001) Psychological examination of the younger students. Moscow, VLADOS, 160.

О специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов в трудах британских ученых конца XIX века

Д.В. Жарова

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия

В.А. Миньков

Нижегородская государственная медицинская академия, Нижний Новгород, Россия

Поступила 19 января 2016/ Принята к публикации: 2 февраля 2016

On specifics of pedagogical work and professional competence of teachers in the British scientists' works of the late 19th century

Darya V. Zharova*

Minin Nizhny Novgorod State Teacher-Training University, Nizhny Novgorod, Russia

Vladimir A. Minkov

Nizhny Novgorod State Medical Academy, Nizhny Novgorod, Russia

Received: January 19, 2016 / Accepted for publication: February 2, 2016

*Corresponding author. E-mail: zharodar@yandex.ru

Процесс становления народного образования в Великобритании в конце XIX века требовал принятия кардинальных мер в отношении системы начального образования в целом, изменения подходов к обучению и воспитанию детей, к подготовке педагогических кадров. Широкой сети педагогических колледжей по подготовке учителей начальной школы требовались учебные пособия по педагогической психологии. Одними из первых ученых, обратившихся к разработке проблем педагогической психологии в Великобритании, были Александр Бэн и Джеймс Селли. Психолого-педагогические воззрения Александра Бэна были изложены в трудах «Воспитание как предмет науки» (Бэн, 1879), «Наука воспитания» (Бэн, 1881), «Психология» (Бэн, 1881). Психологические идеи Джеймса Селли послужили основанием для выхода его книг: «Основы общедоступной психологии и ее применения к воспитанию» (Селли, 1897), «Очерки по психологии детства» (Селли, 1901), «Педагогическая психология» (Селли, 1912). В трудах британских ученых представлен широкий спектр проблем педагогической психологии: от вопросов организации урока до проблем профессионально-значимых качеств педагогов. Новаторскими для психолого-педагогической науки XIX столетия были идеи о рефлексии и эмпатии как факторах успешной педагогической деятельности, о способности педагога к саморегуляции как основы эффективности процессов обучения и воспитания, о значении коммуникативных, организаторских и педагогических способностей педагога и др. Многие идеи, впервые озвученные в работах А. Бэна и Дж. Селли, находят отражение и в трудах современных ученых.

Ключевые слова: педагогическая психология, педагог, воспитание, обучение, ребенок, развитие.

The process of establishing national education in Great Britain in the late 19th century demanded acceptance of cardinal measures on revising the system of primary education in general, changing the approaches to training and education of children and teacher training. A wide network of teacher training colleges required manuals on pedagogical psychology for elementary school teachers. Alexander Bain and James Sully were the first to develop the issues of pedagogical psychology in Great Britain. Psychology and pedagogical views of Alexander Bain can be found in the works "Education as a Science", "Psychology". Psychological ideas of James Sully are reflected in the works "The Teacher's Handbook of Psychology", "Studies of Childhood", "Pedagogical Psychology". In the works of the British scientists, a wide range of pedagogical psychology issues are presented: from lesson organization issues to problems of professional and basic qualities of teachers. Ideas on the value of a reflection and empathy as factors of efficacy of pedagogical activity were innovative ideas, for psychology and pedagogical science of the 19th century; readiness and ability of the teacher for self-control as basis of efficiency of training and education processes; on the value of communicative, organizing and pedagogical abilities of the teacher, etc. First mentioned in Alexander Bain and James Sully's works, many ideas find reflection in works of modern scholars.

Keywords: pedagogical psychology, teacher, education, training, child, development.

Процесс становления народного образования Великобритании был трудным и растянулся на несколько десятилетий. Только в середине XIX века наметились серьезные сдвиги в формировании государственной системы общего образования, что вызвало резкий рост числа школ и контингента учащихся (Селли, 1897). Так, в 1870 году могли учиться 230 тысяч детей. Но уже в 1871 году в лондонские школы их поступило 320 тысяч, а в 1881 году – 505 тысяч из общего школьного населения в 800 тысяч человек. По мере увеличения числа школ, увеличивалась и потребность в квалифицированных педагогических кадрах, а также в учебных пособиях по педагогической психологии (Жарова, 2014).

В психолого-педагогическом наследии сторонников британской рациональной школы существенная роль отводится изучению вопросов, связанных со спецификой педагогического труда и профессиональными качествами личности педагога. Одними из первых ученых, обратившихся к проблемам педагогической психологии в Великобритании, были Александр Бэн («Наука о воспитании») и Джеймс Селли («Очерки по психологии»). Их трудам предшествовали лишь книга Тьерри Вильяма Преьера «Die Seele des Kindes: Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen

in den ersten Lebensjahren » (1882 г.), в которой автор изложил свои наблюдения за сыном с момента рождения до 3-х лет, и книга Грэнвилл Стэнли Холла «Hints Toward A Select And Descriptive Bibliography Of Education» (1886 г.). Именно в трудах А. Бэна и Дж. Селли отмечается тесная связь и значение психологии «в вопросах обучения и воспитания детей» (Жарова, 2015).

В книге «Наука воспитания» А. Бэн коснулся вопросов педагогического воздействия на воспитанников с целью гармонизации отношений в классе и профилактики нарушений дисциплины. Среди множества средств педагогического воздействия на личность ребенка он выделил когнитивное воздействие как передачу от учителя ученикам знаний о нравственных нормах и ценностях и о последствиях аморальных действий и поступков (Миньков, 2013). Британский ученый считал, что ребенок нарушает социальные правила по причине недостатка знаний о моральных нормах поведения. В связи с этим, задача педагога – восполнить этот пробел посредством организации школьных уроков нравственности (Жарова, 2015).

Учителю необходимо научиться внимательно «читать в глазах своих учеников последствия своих наставлений» (Бэн, 1881, С.89). В этом утверждении говорится о рефлексии как о профессио-

нально-важном качестве педагога. А. Бэн также говорит о коммуникативной компетентности педагогов, которая включает в себя следующие компоненты: владение ораторским искусством (Миньков, 2013), мастерство внешних способов выражения эмоций, владение мимикой, жестикуляцией, голосом (Бэн, 1902). Говоря современным языком, ученый писал о владении навыками вербальной и невербальной коммуникации с использованием оптико-кинетической, паралингвистической и экстралингвистической знаковых систем. Таким образом, в работах А. Бэна существенная роль отводилась подробному анализу одного из важнейших качеств педагога – умения организовывать длительное и эффективное взаимодействие с учащимися. На современном языке это качество определяется как коммуникативные способности педагога (Миньков, 2013). Хотя этот термин А. Бэном не использовался, среди выделенных им коммуникативных способностей педагога имеется практически полный перечень всех тех составляющих компонентов общения, которые раскрываются и современными авторами: познание человека человеком, познание человеком самого себя, умение правильно оценить ситуации общения и др. Постановка данной проблемы в работах А. Бэна звучит современно и остается актуальной и сегодня (Миньков, 2013).

Поднимая вопрос результативности педагогического руководства поведением школьника А. Бэн пишет об авторитете учителя. Ученый считал, что чрезмерное проявление авторитета учителя губительно сказывается на воспитанниках, подавляя их личность и является «злом, серьезным посягательством на человеческое счастье» (Бэн, 1881, С.82). Использование в обучении и воспитании учительского авторитета должно быть ограничено и являться лишь «средством достижения одной только цели – сообщения известного количества знаний» (там же, С.83). При этом А. Бэн противопоставляет авторитет учителя родительскому авторитету, который может быть практически безграничен, но не подавляет личность ребенка, так как родительская власть и авторитет дополняются любовью и заботой о ребенке. Иная ситуация складывается в школе. А. Бэн по-



Дарья Викторовна Жарова – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии Нижегородского Государственного педагогического университета имени Козьмы Минина
E-mail: zharodar@yandex.ru



Владимир Алинардович Миньков – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физвоспитания, лечебной физкультуры и врачебного контроля Нижегородской государственной медицинской академии
E-mail: helensea59@mail.ru

Для цитирования: Жарова Д.В., Миньков В.А. О специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов в трудах британских ученых конца XIX века // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 96-101.

For citation: Zharova Darya V., Minkov Vladimir A. (2016) On specifics of pedagogical work and professional competence of teachers in the British scientists' works of the late 19th century *National Psychological Journal*, 4, 96-101.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

лагал, что учитель не чувствует и не может чувствовать по отношению к детям любви, подобно материнской (Миньков, 2013). Но это не исключает проявлений нежности, учительской любви и привязанности по отношению к своим воспитанникам, что влияет на формирование нравственной сферы ребенка. А. Бэн говорит, что успех формирования нравственной сферы ребенка зависит также от наличия у наставника определенных качеств, среди которых важной является способность «входить в понимание чувств других» (Бэн, 1881, С.101). Обращение к миру чувств ребенка, понимание сложности и глубины его души необходимо как в процессе формирования его нравственных качеств, так и при составлении программы его умственного развития. Ученый рекомендовал наставнику «попробовать воспроизвести для себя положение ребенка с его запасом случайных опытных знаний, которые служили бы точкой отправления для дальнейших занятий» (там же, С.178).

Изучая проблему профессиональной компетентности педагогов, А. Бэн выделил следующие профессионально-значимые качества личности педагога: простота, скромность, тактичность («живое чутье происходящего кругом»), «всегда бодрствующее внимание» (Бэн, 1879, С.86). В трудах ученого особое внимание уделяется проблеме саморегуляции как профессионально-важному качеству педагога. Он акцентирует внимание на важности управления эмоциями, на недопустимости воздействовать на воспитанников «гневом и раздражением» – «раздражающим элементом в воспитании» со стороны наставника по отношению к ребенку, является гнев. На смену гневу приходит раскаяние. Поэтому педагогу важно научиться подавлять в себе гневные эмоции. Педагог должен развивать эмоциональную культуру, постоянно контролировать свои эмоции, исключить проявление гнева по отношению к детям – таковы обязательные условия его профессиональной пригодности. Спокойствие и умение учителя владеть собой А. Бэн назвал «драгоценной помощью дисциплине» на уроке (Бэн, 1879, С. 89). Готовность и способность педагога к саморегуляции выступает как основа эффективности процессов обучения

и воспитания. В связи с этим, ученый впервые заговорил об аутотренинге и его важной роли в педагогической деятельности – он утверждает, что учителю необходимо «вызывать у себя приятное настроение, тогда как действительность не способствует этому» (Бэн, 1879, С. 41). Таким образом, мы можем считать А. Бэна одним из первых педагогов XIX века, который заговорил о значении эмпатии (как способности к сопереживанию) в деятельности педагога на формирование позитивных взаимоотношений с учениками (Миньков, 2013). Данная идея нашла отражение в трудах многих ученых, например, в работах А.А. Реана, эмпатия рассматривается как механизм межличностного познания, который «ведет к более обоснованному принятию педа-

вополагающим в работе учителя, который может предлагать ученику только те задачи и упражнения, которые соответствуют физиологическому и интеллектуальному уровню его развития.

О специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагога, писал и современник Александра Бэна – Джеймс Селли, который по просьбе студентов написал учебник по психологии для будущих педагогов «Очерки по психологии» («*Outlines of Psychology*»). Данная работа была издана в 1884 г., она отражала взгляды Дж. Селли как педагога и психолога. Позднее она переиздавалась по частям: «Учебник по педагогической психологии» («*The Teacher's Handbook of Psychology*», 1886) и «Душа человека» («*The Human Mind*», 1892). Выход книг Дж. Сел-

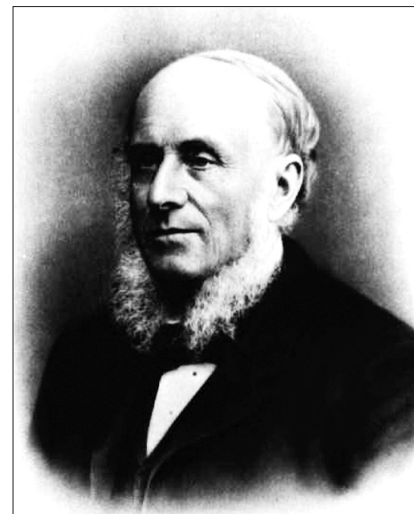
Использование в обучении и воспитании учительского авторитета должно быть ограничено и являться лишь «средством достижения одной только цели – сообщения известного количества знаний». При этом А. Бэн противопоставляет авторитет учителя родительскому авторитету, который может быть практически безграничен, но не подавляет личность ребенка, так как родительская власть и авторитет дополняются любовью и заботой о ребенке

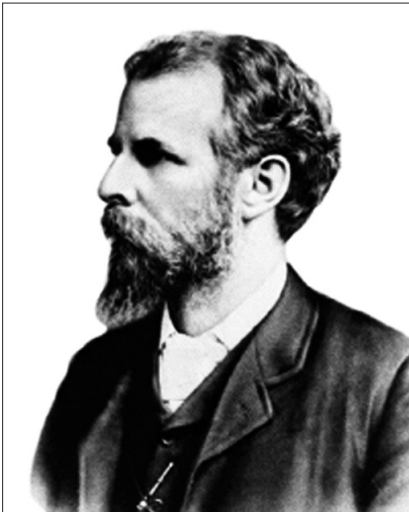
гогических решений, к повышению продуктивности педагогической деятельности» (Реан, 1990).

Кроме проблемы педагогических способностей в трудах А. Бэна затрагиваются вопросы организаторских способностей педагога, имеющие непосредственное отношение к процессу организации обучения и познавательной деятельности учащихся.

Проблема интеллектуального развития ребенка в трудах А. Бэна, рассматривается в тесной связи с проблемой «разумного руководства со стороны воспитателя» процессом обучения (Бэн, 1881, С.38). Основное дидактическое требование Я.А. Коменского о постепенности в обучении ребенка, нашло отражение и в трудах А. Бэна. Он отмечал, что как невозможно научить танцевать того ребенка, который еще не умеет ходить, так же невозможно научить ребенка писать, если он не знает букв, «прежде, чем взяться за новую деятельность, мы должны приблизиться к ней выполнением предварительных или подготовительных действий» (там же, С.31). Этот принцип должен быть осно-

ли совпал с периодом становления английской педагогической системы, когда стремительно развивалось начальное образование, а педагогическим колледжам необходимы были учебные пособия по педагогической психологии для подготовки учителей начальных школ (Минькова, 2000). Труды Дж. Селли отличалась простотой, доступностью и легкостью языка, обилием хорошо подобранных ярких примеров из жизни ребенка. Благо-





даря простоте и доступности изложения научного материала, его труд был доступен как учителям и молодым ученым, так и родителям. Последним эта книга помогала правильно понять детскую душу и успешно влиять на нее. Этой работе

Обращаясь к вопросам педагогической психологии, Дж. Селли не оставляет в стороне и проблемы методики преподавания. Он утверждал, что преподавание должно ориентироваться на уровень развития ребенка, «преподавание – это искусство пояснять удачными примерами и подходящим языком смысл новых терминов»

предшествовал долгий и кропотливый труд ученого по сбору информации из различных источников – от писем, присылаемых опытными учителями и воспитателями, до наблюдений далеких от психолого-педагогической теории родителей. Создавая свой труд, Дж. Селли пользовался результатами современных ему исследований и достижений в области педагогической психологии и экспериментальной педагогики. Книга его пропитана чуткостью и нежностью к душевной жизни детей – «среди всех областей исследования, открытых современной наукой, нет ни одной, более привлекательной, чем психология ребенка» (Компейре, 1912, С.37).

В России первое издание книги Дж. Селли «Очерки по психологии» вышло в Санкт-Петербурге в 1887 г. (по некоторым источникам в 1901 г.) под названием «Основы общедоступной психологии и ее применение к воспитанию». В ноябре 1895 года (Минькова, 2000), а по другим данным (сайт Британского психологического общества) в 1896 году

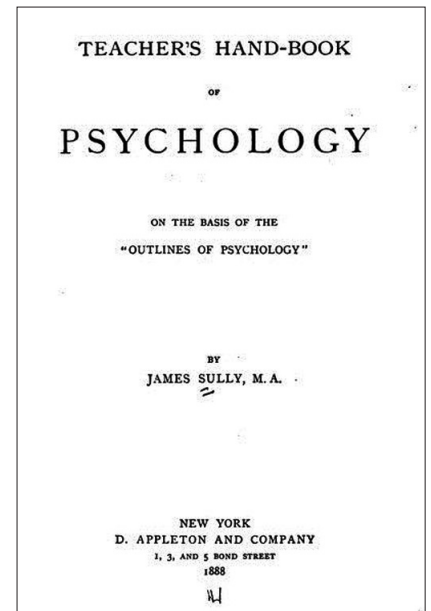
в Англии вышел один из первых учебников по детской психологии – «Изучение детства» («Studies of Childhood»), что было весьма своевременным, так как общество XIX века сделало ребенка объектом научного наблюдения и еще острее поставило вопрос о его воспитании (Селли, 1897).

В своих работах Дж. Селли огромное влияние уделяет анализу личности учителя и его профессионально-важных качеств. По мнению ученого, в науке конца XIX века заметен резкий переход от применения неэффективных прежних методов воспитания и обучения (физическое наказание, механическое заучивание материала), которые игнорировали изучение детской природы, к ориентации на знание и учет физической, духовной жизни ребенка и его индивидуальности.

Прежняя воспитательная система с жесткой дисциплиной и телесными наказаниями (наказание рассматривалось

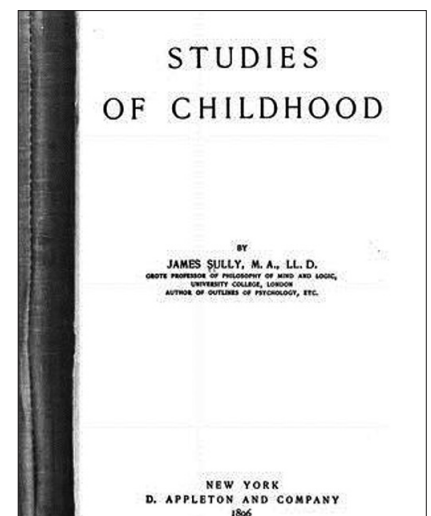
как классический метод воспитания), построенная в соответствии с убеждением, что «детский ум может сформироваться по заказу, что способности ума зависят от учителя, что ум – это не что иное, как приемник, куда вкладывают знания, которые затем формируются сообразно с идеалами учителя» (Спенсер, 1898, С. 68) была вытеснена. На смену эпохи, провозглашавшей главной целью физическое развитие, пришло время, когда единственной целью стало целостное развитие ребенка с опорой на всестороннее изучение его личности (Жарова, 2009).

Ориентация воспитания на новые научные принципы прослеживается с конца XIX века. Она породила множество споров о предмете воспитания. По утверждению Дж. Селли, воспитание – это сознательное воздействие на ребенка, опирающееся на знание законов его развития и направленное на «развитие всех душевных сил ребенка», «предмет воспитания обширен и сложен; оно имеет дело с человеческим существом, со всеми его разнообразными физиче-



скими, интеллектуальными и нравственными свойствами ...» (Селли, 1897, С.8).

По мнению Дж. Селли, без знания и ориентации в процессе обучения детей на такие науки как физиология (дает данные о строении и функционировании организма, на этом основано физическое воспитание), психология (помогает в познании души воспитанников), логика (способствует развитию точного мышления, определяет условия нравственного рассуждения), эстетика (дает образцы красоты, критерии для оценки литературных и художественных произведений), этика (определяет основы добродетели, критерии добра и зла, дает представление о разумном, добром и воспитанном человеке), социальная психология (дает знания о коллективной душе,



об образовании коллективного мнения и взаимодействия в группе), невозможно целенаправленное и гуманное воздействие на ребенка (Селли, 1912).

Обращаясь к вопросам педагогической психологии, Дж. Селли не оставляет в стороне и проблемы методики преподавания. Он утверждал, что преподавание должно ориентироваться на уровень развития ребенка, «преподавание – это искусство пояснять удачными примерами и подходящим языком смысл новых терминов» (Селли, 1887). Изучая действие закона получения удовольствия и избегания страдания, ученый последовательно проводил мысль о гуманном отношении к детям – «удовольствие поддерживает, а страдание нарушает здоровье, деятельное состояние данного органа» (Селли, 1887, С.253). Следовательно, уроки должны сопровождаться положительными эмоциями. «Величайшим приобретением новейшей воспитательной реформы» Дж. Селли назвал следующий принцип: «Учение в его истинном и полном смысле возможно лишь тогда, когда чувство скуки и утомления уступает место приятному сознанию свободного

и естественного движения» (Селли, 1887, С.254 и 254). Он считал, что учителю необходимо избегать монотонности и вносить в преподавание элемент разнообразия, делать учение привлекательным и приятным (Миньков, 2013).

Предмет и выбранный учителем способ обучения должны пробуждать в ребенке интерес, который имеет особое значение на первых этапах обучения, когда детям трудно долго удерживать внимание. Учитель должен, прежде всего, вскрыть привлекательные и яркие черты своего предмета, постоянно ориентируясь на то, что уже известно детям. Для этого необходимо иметь представления об интересах и увлечениях детей, избегать монотонности, использовать на уроках «как можно больше новизны и разнообразия как в самом материале, так и в способах предложения этого материала» (Селли, 1912, С.256). Наслаждение новизной полезно на ранних стадиях обучения детей, в дальнейшем, считал ученый, следует опираться на установление прочного интереса или привязанности к предмету, которые сопряжены с привычкой (Миньков, 2013).

Идеи Джеймса Селли и Александра Бэна были популярны во всем просвещенном мире на рубеже XIX-XX веков. Их труды издавались во Франции, Германии, России и в других странах и способствовали популяризации психолого-педагогических знаний, повышению профессионализма педагогов, воспитателей и учителей, что повлекло за собой и улучшение качества преподавания. В работах британских ученых содержится богатый материал по проблеме профессиональной компетентности педагогов, по методикам обучения и воспитания и пр.

Психолого-педагогические воззрения британских ученых о специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов способствовали дальнейшей разработке проблем педагогической психологии, изменению подходов к обучению и воспитанию детей, внедрению психолого-педагогических идей и принципов в учебные заведения. Труды А. Бэна и Дж. Селли оказали влияние на развитие педагогики, педологии, детской и педагогической психологии (Жарова, 2012).

Литература:

- Агузумцян Р.В., Хачатрян Н. Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1(7). – с.74-80.
- Бэн А. Воспитание как предмет науки / А. Бэн. – Санкт-Петербург: Карл Риккер, тип. и лит. Л. Бергмана и Г. Рабиновича, 1879. – IV, XXII. – 383 с.
- Бэн А. Наука воспитания / А. Бэн. – Санкт-Петербург: Семья и школа, 1881. – 420 с.
- Бэн А. Психология. Т. 1 (Кн. 1-2) / А. Бэн. – Москва : тип. И.А. Баландина, 1902. – XXIII. – 417 с.
- Британское психологическое общество: [Электронный ресурс] // Британское психологическое общество. URL: <http://www.bps.org.uk/what-we-do/bps/history-psychology-centre/history-society/founding-members-society/sully-j/james-sully-1842-1923> (Дата обращения: 24.05.2016)
- Жарова Д.В. Критический анализ психолого-педагогического наследия английских ученых в отечественной науке конца XIX- начала XX столетия / Д.В. Жарова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 108-116.
- Жарова Д.В. Становление народного образования в Великобритании в XIX веке / Д.В. Жарова // Достижения и перспективы психологии и педагогики : сб. ст. Международной научно-практической конференции. – Уфа : Научный центр «Аэтерна», 2014. – С. 56-57.
- Жарова Д.В. Становление народного образования в Великобритании в XIX в. как предпосылка развития педагогической психологии / Д.В. Жарова // Психологическая наука и образование – 2012. – № 2. – С. 230-240.
- Жарова Д.В. Проблема профессиональной компетентности педагогов в трудах Джеймса Селли / Д.В. Жарова // Прикладная психология и психоанализ. – 2012. – № 2. – С. 8.
- Жарова Д.В. Становление и развитие педагогической психологии в Великобритании в конце XIX века : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 198 с.
- Компейре Г. Умственное и нравственное развитие ребенка / Г. Компейре. – Санкт-Петербург, 1912. – 448 с.
- Кравцова Е.Е. Неклассическая психология Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1(7). – С.61-66.
- Kravtsova E. E. (2012) The non-classical psychology of L. Vygotsky. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 1, 61-66.
- Миньков В.А. Идеи рационализма в педагогике Англии конца XIX века / В.А. Миньков. – М.: Флинта, 2013. – 98с.
- Минькова Е. С. Страницы жизни научного творчества Джеймса Селли (1843-1923) / Е.С. Минькова // Вопросы психологии. - 2000. – №4. - С. 108-119.
- Прейер Б. Душа ребенка: Наблюдения над духовным развитием человека в первые годы жизни. СПб.: Издание А.Е. Рябченко, 1891. - 207 с. Перевод с нем. Редакция и предисл. проф. И.А. Сикорского.
- Реан А.А. Психология познания педагогом личности учащихся / А.А. Реан. – Москва : Высш. шк., 1990. – 80с.

- Селли Д. Основные начала психологии и ее применения к воспитанию / Д. Селли. – Санкт-Петербург : Изд-во ж. «Русское богатство», 1887. – 359с.
- Селли Д. Основы общедоступной психологии и ее применения к воспитанию / Д. Селли ; под ред. Л.Е. Оболенского. – Санкт-Петербург, 1897. – 351 с.
- Селли Д. Очерки по психологии детства / Д. Селли ; пер. с англ. А. Громбаха. – Москва : Издание К.И. Тихомирова, 1901. – 301 с.
- Селли Д. Педагогическая психология / Д. Селли ; пер. с англ. под ред. А.А. Громбаха. – Москва, 1912. – 624 с.
- Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / Г. Спенсер. – Санкт-Петербург : Изд-во М.А. Лазаревой, 1898. – 232 с.
- Цукарзи А.Э. Программы речевого развития детей дошкольного возраста в англоязычной литературе. // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4(12). – С. 56-66. DOI: 10.11621/npj.2013.0407
- Чеснокова О.Б. Психолог в системе дошкольного образования: английский вариант / О.Б. Чеснокова, Е.В. Субботский // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 127-134. DOI: 2079-6617/2013.0117
- Granville Stanley Hall «Hints Toward A Select And Descriptive Bibliography Of Education (1886), с John M. Mansfield
- Preyer, William T. 1882. Die Seele des Kindes: Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahren. Leipzig: Grieben

References:

- Aguzumtsyan R.V., Khachatryan N.G. (2012). The study of spirituality phenomenon in the context of religious knowledge and psychological science. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 74-80.
- Ben, A. (1879) Education as a subject of science. St. Petersburg, Karl Ricker tipografiya i litografiya L. Bergmana i G. Rabinovicha, IV, XXII. 383.
- Ben, A. (1881) Science education. St. Petersburg, Sem'ya i shkola. 420.
- Ben, A. (1902) Psychology. Vol. 1 (Bk. 1-2). Moscow, tipografiya I.A. Balandina, XXIII. 417.
- The British Psychological Society: *British Psychological Society [Britanskoe psikhologicheskoe obshchestvo]*. Electronic resource. – Mode of Access: URL: <http://www.bps.org.uk/what-we-do/bps/history-psychology-centre/history-society/founding-members-society/sully-j/james-sully-1842-1923> (Reference date: 24/05/2016)
- Celli, D. (1887) Fundamental Principles of psychology and its application to education. St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala "Russkoe bogatstvo", 359.
- Celli, D. (1897) Fundamentals of public psychology and its application to education. St. Petersburg, 351.
- Celli, D. (1901) Essays on the psychology of childhood. Moscow, Izdanie K.I. Tihomirova, 301.
- Celli, D. (1912) Educational Psychology. Moscow, 624.
- Chesnokova O.B., Subbotkiy E.V. (2013). Psychologist in preschool education: the English version. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 127-133. DOI: 2079-6617/2013.0117
- Glotova, G.A., & Wilhelm, A.M. (2014). Teachers' notions about their communicative competencies. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(4), in press. doi: 10.11621/pir.2014.040
- Granville Stanley Hall Hints Toward A Select And Descriptive Bibliography Of Education (1886), with John M. Mansfield
- Compeyre, G. (1912) Mental and moral development of the child. St. Petersburg, 448.
- Kravtsova E. E. (2012) The non-classical psychology of L. Vygotsky. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 61-66.
- Min'kov, V.A. (2013) The ideas of rationalism in pedagogy of England in the late 19th century. Moscow, Flint, 98.
- Min'kova, E.S. (2000) Life pages of James Sully's scientific work (1843-1923). *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 4, 108-119.
- Preyer, B. (1891) Child Soul: Observations on the spiritual development of man in the first years of life. SPb, Izdanie A.E. Ryabchenko, 207.
- Preyer, William, T. (1882) Die Seele des Kindes: Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahren. Leipzig: Grieben
- Rean, A.A. (1990) Psychology of learning the student individuality by a teacher. Moscow, Vysshaya shkola, 80.
- Spencer, G. (1898) Education mental, moral and physical. St. Petersburg, Izdatel'stvo M.A. Lazarevoy, 232.
- Tsukarzi A.E. (2013). Interventions for language development in preschool children in English-language publications. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 56-66. DOI: 10.11621/npj.2013.0407
- Zharova, D.V. (2015) Critical analysis of the psychological and pedagogical legacy of British scientists in national science of the late 19th-early 20th century. *Theoretical and experimental psychology [Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya]*. Vol. 8. 2. 108-116.
- Zharova, D.V. (2014) Establishment of public education in the United Kingdom in the 19th century. *Achievements and perspectives of psychology and pedagogy: Sat. Art. International scientific conference [Dostizheniya i perspektivy psikhologii i pedagogiki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]*. Ufa, Nauchnyy tsentr «Aeterna», 56-57.
- Zharova, D.V. (2012) Establishment of public education in the United Kingdom in the 19th century as premises for developing educational psychology. *Psychological Science and Education [Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie]*. 2, 230-240.
- Zharova, D.V. (2012) The issues of professional competence of teachers in the writings of James Sully. *Applied psychology and psychoanalysis [Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz]*. 2, 8.
- Zharova, D.V. (2009) Establishment of public education in the United Kingdom in the 19th century: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 198.

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учре-

ждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 20, но не более 40 ссылок.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>). Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, с. 47). Использование сносоч в качестве ссылок на литературу не допускается.

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, избыточно общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способству-

ющими раскрытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации)

выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.